

ББК 87.22

Т60

Турежанова С.А., Колдыбаев С.А.

Проблемы методологии исторического познания. Монография /С.А. Турежанова, С.А. Колдыбаев - Костанай, 2008. 140 с.

В монографии исследуются малоизученные аспекты методологии исторического познания. Основное внимание уделено исследованию методов исторического объяснения, понимания, а также анализу причин кризиса современной отечественной методологии истории.

Работа будет полезна и в качестве учебного пособия для студентов историков, преподавателей вузов, магистрантов.

Введение

Историческая эпистемология в последнее время становится все чаще объектом внимания исследователей - историков, философов. Правда, в значительной мере это относится к российской науке, где проблемы разработки методологии теории и эпистемологии истории являются давней традицией. К сожалению, последнее не скажешь о казахстанской исторической науке, где внимание исследователей к этим проблемам стало, пожалуй, проявляться лишь последнее время. В той или иной степени вопросы научного познания истории ставились и определенным образом в Казахстане, решались М. Абусеитовой, Ж. Абылхожиным, Н. Масановым, А. Оразбаевой и др.

Однако следует сказать, что до сих пор цельной работы, посвященной исследованию проблем методов исторического познания, пока нет.

Здесь, скорее, в объяснении такой ситуации действует сила инерции, которая проявилась еще в советской исторической науке. Именно тогда сложилась негласная традиция, согласно которой вопросы теории и исторического познания должны исследовать ученые Москвы, Ленинграда, других центральных городов СССР, а конкретную историю должны разрабатывать представители периферии, ученые национальных республик. Безусловно, длительное существование такой, с позволения сказать научной традиции не могло привести к заметному отставанию в казахстанской исторической науке исследования проблем теории и эпистемологии истории.

С получением государственно-политической суверенизации Казахстана создались предпосылки для выполнения этого пробела в отечественных исторических исследованиях. И в этом смысле казахстанская эпистемологическая школа исторической науки пока делает первые шаги. Нет, сомнения, что внимание к исследованию вопросов теории и эпистемологии истории в Казахстане будет нарастать, что, в частности, в значительной мере диктуется современным нынешним состоянием исторической науки на постсоветском пространстве.

Не секрет, что с начала 90-х г. после краха советской идеологизированной исторической науки наступил методологический кризис гуманитарных дисциплин, в том числе истории. Чаще всего, этот кризис видит в крушении прежней, формационной теории, служившей долгое время теоретической и методологической основой исторической науки в СССР. Но меньше, кстати, говорят о кризисе эпистемологической советской истории, который по сути дела в известной мере продолжает иметь место и в нынешнем состоянии исторической науки.

Поясним эту мысль. Все мы понимаем, что когда в конце 80-х, начале 90-х г., проходила т.н. советская «перестройка», историческая официальная наука переживала, образно говоря «вал» разоблачительных сенсаций. Были подвергнуты критике, шельмованию тотальному отрицанию все основополагающие результаты советской исторической мысли. По сути дела, в те годы разоблачения советского государственного режима деформация

прежнего исторического сознания была использована как средство, инструмент борьбы. Механизмы этой деформации исторического сознания нуждаются в своем, еще детальном научном исследовании.

Здесь же хотелось бы еще отметить, что была разрушена в те годы не только теоретическая, но и эпистемологическая база отечественной исторической науки. Были подвергнуты сомнению эффективность диалектического метода. О состоянии хаоса и неразборчивости методологической базы истории свидетельствует и появление множества современных околонучных исторических исследований, авторами которых выступали далеко не всегда профессиональные историки, а публицисты и журналисты и др.

Констатируя подобного рода состояние теории и эпистемологии отечественной истории, мы далеки от того, чтобы сожалеть по поводу отказа от сложившихся стереотипов и штампов, которые сложились и стали догмами в исторических исследованиях.

Здесь речь идет о другом. Критикуя, отказываясь и вполне обоснованно от наследия прошлого, отечественная историческая наука не в полной мере вскрыла корни кризиса эпистемологического познания истории на постсоветском пространстве, не предложила возможных путей его преодоления, а самое главное не разрабатывала эффективных методов познания истории.

Конечно, говорить, что здесь ничего не делалось – это неправда. Но отказа от идеологизированности и партийности исторической науки, на наш взгляд, недостаточно. Нужна разработка современной методологической базы познания истории, где наряду с отечественными наработками важно осмыслить в частности, и содержательную сторону в этом вопросе идей западноевропейской исторической мысли XIX начала XX в. (В. Дильтей, Г. Виндельбанда и др).

В известной мере это задача в данной работе ставится и решается. Безусловно, в изучении поднимаемых вопросов необходимы дальнейшие усилия исследователей-историков, философов, представителей других гуманитарных наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 ОСНОВЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ	14
1.1 Историческая реальность и методы исследования действительности	14
1.2 Роль объяснения в разнообразии подходов познания исторической реальности	24
2 РОЛЬ МЕТОДА ОБЪЯСНЕНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	53
2.1 Деформация метода объяснения в советской и постсоветской исторической науке.....	53
2.2 Метод объяснения в казахстанской исторической науке.....	72
3 ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧ. XX ВВ. О РОЛИ МЕТОДА ОБЪЯСНЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ	84
3.1 Европейская историческая мысль об объяснении и обоснование его замены методом понимания	84
3.2 Проблема границ применения метода понимания	99
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	126
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	130

1. ОСНОВЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Историческая реальность и методы исследования действительности

Динамика всемирно-исторического процесса представляет собой единство и многообразие вещей и явлений в их становлении и развитии, в органической взаимосвязи с порождающими их условиями. История человечества многогранна и многолика как по конкретным событиям и процессам, так и по проявлению во времени и пространстве, которые происходят в лоне человеческой цивилизации. «История, – пишет видный российский ученый-историк В.П. Дмитриенко, – всегда имеет человеческое лицо. За всеми крутыми поворотами судьбы стояли конкретные люди со своими насущными жизненными интересами, радостями и потерями, взлетами и падениями. В каждый исторический миг шеренга участников событий были многолюдной, вмещающей победителей и побежденных, счастливых и несчастных, опьяненных успехами и потерявших надежду. И в этой постоянно изменяющейся полноте и самодостаточности – самоценность каждого исторического этапа проходящего века, с его исключительной напряженностью, стремительностью движения, изменчивостью облика общества, которое по-прежнему все еще ищет и познает себя»¹.

В данных, отмеченных свойствах, пожалуй, и заключено величие реальной истории, сложности и противоречивости его состояния и динамики развития.

Вопрос об исторической реальности выступает исходным при решении, исследовании любого вопроса исторической науки. Здесь следует учитывать, что само понятие «исторической реальности» не столь простое, как может показаться. Ведь именно сложность исторической реальности и является, в конечном счете, основной причиной появления различных интерпретаций ученых – историков о фактах, событиях истории. Хотя, будем справедливы, не всегда сложность исторической реальности осознается человеком. На это обратил внимание французский историк Люсьен Февр. Однажды в учебной аудитории, понукаемый студентами, он произнес: «в конце концов, что же это такое – история? Сейчас я вам скажу. Вы собираете факты. С этой целью вы отправляетесь в архивы. В кладовые фактов. Туда, где стоит лишь нагнуться, чтобы набрать их полную охапку. Затем вы хорошенько стряхиваете с них пыль. Кладете к себе на стол. И начинаете заниматься тем, чем занимаются дети, складывающие из рассыпанных кубиков забавную картинку.... Вот и все. История написана. Чего вам еще надо? Ничего. Разве что одного: понять, какова цель всей этой игры. Понять, зачем нужно заниматься историей. И, стало быть, понять, что такое история. Вы не хотите ответить на этот вопрос? – вопрошал Февр студентов. – Что ж, тогда я раскланиваюсь»².

---

1 Егоров В.К. История в нашей жизни. М., 1990. С. 45.

2 Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 56.

Сам термин «история» достаточно древний. Он фигурирует уже в произведениях первых греческих философов VII-VI вв. до н.э. – Фалеса, Анаксимандра и других. Они применяли его к происхождению и сущности явлений, или к явлениям загадочным, таинственным. Поэтому первоначальное значения термина – разведывание, разузнавание.

В VII веке до н.э. этим термином для обозначения своей деятельности пользовались логографы - регистраторы, записывавшие современные им сказания. Они пытались также рационализировать древние мифы и называли эту деятельность историей. Понятие "Histor" встречается и в поэмах Гомера. Но это – не исследование, а легенда, к тому же в значительной степени теократическая. Они, по сути дела, примеры мифотворчества. Однако, уже в V в до.н.э. греки четко осознали, что история есть и может быть наукой. В трудах отца истории Геродота и Фукидида явственно выступает мысль, что история должна обладать рядом особенностей:

- она научна, т.е. начинается с постановки вопроса, в то время как создатель легенд начинает со знания чего-то и рассказывает о том, что знает;

- она гуманистична, т.е. задает вопросы о сделанном людьми в определенные моменты прошлого;

- она рациональна, т.е. обосновывает ответы, для чего обращается к источнику;

- она служит самопознанию человека, т.е. существует для того, чтобы, говоря человеку о его прошлых деяниях, рассказать ему, что он такое.

Само слово «история» свидетельствует о том, что история как наука была открыта греками. Превращение простой регистрации преданий в науку истории было изобретением V века, и принадлежит оно Геродоту (между 490 и 480 – около 425 гг. до н.э.). Хотя термин «история» сохранил многозначность и много веков спустя после появления труда Геродота «История греко-персидских войн», именно он утвердил связь понятия «история» с понятием «исследование», «узнавание» с целью составления повествования о течении человеческих дел. Насколько можно судить, предметом истории в глазах Геродота являлись «великие и удивления достойные деяния», а цель своего творчества он видел в том, чтобы «прошедшие события с течением времени не пришли в забвение».

Несколько позднее Аристотель (384-322 гг. до н.э.) даст термину «история» новое значение – это дисциплина, занимающаяся изучением человеческого прошлого. Но и после него еще долго термину пытались придавать различные значения. Только в Новое время он утвердился окончательно.

Суммируя сказанное, отметим, что термин «истории» имел и имеет несколько значений, но наиболее важными представляются два из них:

- история как прошлое, как прошедшая действительность;

- история как рассказ об этой действительности.

Из соотношения этих двух значений вытекает и основная методологическая проблема исторической науки – проблема соотношения между двумя понятиями, т.е. проблема того, насколько наши знания об исторической

действительности соответствуют этой действительности, т.е. проблема объективности исторического познания.

Одно из наиболее распространенных в наше время определений истории гласит, что история – это наука, изучающая прошлое человеческого общества во всей его конкретности и многообразии, которое познается с целью его понимания и определения перспектив будущего.

Однако это определение при внимательном рассмотрении обнаруживает собственную несостоятельность, в смысле невозможности изучить прошлое во всей его конкретности и многообразии. Само решение столь грандиозной задачи невозможно. Да и попытка такого решения явно оказалась бы бессмысленной и неудачной.

Нет необходимости стремиться воссоздавать прошлое во всем его многообразии, нужно изучать его существенные черты. Следовательно, история – наука избирательная, которая изучает не все прошлое, а отдельные фрагменты этого прошлого. Прошлое есть некая данность, которую уже ничто не властно изменить. Но с развитием исторического знания изучение прошлого непрерывно совершенствуется: все более увеличивается мера «доступности» прошлого историческому наблюдению. При этом историк все более широко пользуется достижениями современного социогуманитарного знания.

В частности известный немецкий исследователь Герхард Фрей пишет, что при объяснении любого исторического прошлого остается как-то, не поддающийся рациональному истолкованию остаток. Поэтому «историческая наука не в состоянии реконструировать происходящее полностью»¹.

В этой связи очень важно определить насколько наши знания о прошлом, основанные на отдельных фрагментах, отражают все прошлое. Ответ на этот и другие подобные вопросы зависит от нашего понимания «предмета истории».

Надо заметить, что диапазон подходов к решению вопроса о «предмете истории» чрезвычайно велик. Исходным пунктом нашего понимания истории должен быть подход к ней, как к дисциплине, которая имеет дело с человеком в прошлом и настоящем. Эта мысль получила яркое воплощение у Марка Блока. Он определял историю как науку о людях во времени, науку, в которой необходимо связывать изучение мертвых с изучением живых.

Сильной стороной такого подхода является интерес к людям историческим (во времени). Это, без сомнения, общезначимое положение. Блок писал, что «настоящий историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечинной, там, он знает, его добыча»². Легко заметить, что при таком подходе история получает расширительное толкование. Под него можно подвести любую деятельность людей.

---

1 Фрей Г. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. М., 2001. С. 12.

2 Блок М. Апология история или Ремесло историка. – М., 1973. С. 33.

Солидарен с французским ученым и английский историк Р. Дж. Коллингвуд, который отмечал, что «действие центрального нападающего популярной футбольной команды – это такое же историческое действие, как битва при Каннах». «Наука – это поиск, – отмечал Коллингвуд, – и в этом смысле история – наука... Какие вещи ищет история? ...действие людей, совершенные в прошлом... История – это наука о событиях, попытка ответить на вопрос о человеческих усилиях, совершенных в прошлом»¹.

В целом такое расширительное толкование истории, когда в задачу исторического познания включается буквально все, характерно для многих направлений современной западной историографии.

Рупором подобного подхода к истории выступил известный представитель школы «Анналов» Э. Ле Руа Ладюри со своим двухтомником статей «Территория историка», вышедшим в 70-е годы. В нем оказались собраны результаты многих изысканий, охватывающих самый широкий спектр исследований: от истории климата и процессов распространения единой биосферы на разные континенты мира, от вопроса о соотношении статики и динамики в историческом процессе до изучения социально-психологических элементов и применения к истории методов клиометрии.

Ле Руа Ладюри наглядно продемонстрировал, сколь широк, может быть диапазон исторических изысканий, и как такой междисциплинарный подход расширяет кругозор историка, создает новое видение исторического контекста и тем самым открывает возможность углубить и природу исторического объяснения, понимания сущности тех феноменов, на которые ныне историки чаще обращают внимание.

В отличие от западной историографии историки – марксисты пришли к иным выводам о предмете исторической науки. Основываясь на учение К. Маркса и Ф. Энгельса, они утверждали, что предметом истории является конкретно-историческая закономерность. История, с их точки зрения, исследует конкретные закономерности общественного развития, связанные с деятельностью людей, а также объективные предпосылки и результаты этой деятельности.

Легко заметить, что в сравнении со своими западными коллегами историки-марксисты существенно обедняли возможности исторического познания, обращаясь лишь к объективному и закономерному в истории. Субъективный фактор и роль случайного в истории интересовали их лишь как отражение закономерных процессов общественного развития. Однако стоит отдать им должное. В обозначенной области они сделали очень многое. Следует назвать имена таких ведущих советских ученых, как М.А. Барг, И.Д. Ковальченко, Б.Г. Могильницкий и др., без чьих исследований теоретическая копилка исторической науки была бы значительно менее полной.

---

¹ Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 102.

Таким образом, как мы видим, вопрос о предмете исторической науки стоит очень остро и обнаруживает возможности нахождения различных ответов на него. А, следовательно, от решения этого вопроса зависит и наше понимание исторической действительности, и отношение к возможностям и содержанию исторического познания.

Интересную трактовку проблемы «исторической реальности» дает В. Дильтей, который толкует прошлое как жизнь, как поток переживаний, культурно-исторически обусловленную. Царство жизни отмечает В. Дильтей понятая как объективация жизни во времени, как организация жизни в соответствии с отношениями времени и действия, является историей. Человек и история – это не нечто разное, а сам человек и есть история, в которой и рассматривается сущность человека, Дильтей резко отделял мир природы от мира истории, «жизни как способа бытия человека». Немецкий мыслитель выделял два аспекта понятия «жизнь»; взаимодействие живых существ – это применительно к природе; взаимодействие, существующие между личностями в определенных внешних условиях, постигаемое независимо от изменении места и времени – это применительно к человеческому миру.

Таким образом, «историческую реальность» история может понимать по-разному. В одном случае историческая реальность в трактовке школы «Анналов» выступает вообще как реальность, включающая природные, духовные, составные имеющая свое прошлое. В другом случае, в марксизме она выступает как история общества людей взятая в их объективности и закономерности. В третьем, в учении В. Дильтея историческая реальность – это жизнь, взятая с конкретным действием людей и временем.

Различия в познании исторической реальности, предмета истории как науки определяют и соответствующие различия в методах их научного познания. В процессе познания истории закономерно важное место занимают методы исторического познания. Русский историк начала XX века Н.И. Кареев подчеркивал, что историческая методология является самой существенной частью теории исторического знания. «Научная работа историка совершается при помощи известных приемов и требует соблюдения известных правил»¹. Его соотечественник, историк Л.П. Карсавин разделяет положение о важности проблемы исторического познания, рассматривая ее в одной из своих основных работ «Введение в историю (Теория истории)», которая вышла в 1920 г. он писал: «Приступающим к занятиям историей необходимо, прежде всего, получить ответы на вопросы; что такое история?

Каковы ее цели, и каковы методы изучения исторического материала? В чем заключается особенности, а, следовательно, и значение исторического мышления»².

---

¹ Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1914. С. 78.

² Карсавин Л.П. Введение в историю. Петербург, 1920. С.34.

Он справедливо замечает, что ответы на эти вопросы вызывает сильнейшие разногласия между историками. И здесь встает вопрос, что следует понимать под методом?

Слово «метод», как известно, по-гречески означает «путь». Анализ путей постижения исторической истины занимает важное место в нашей науке. И чем более зрелой она является, тем более значительное место в ней занимает методологическая проблематика. Говоря о методологии истории, мы имеем в виду не оторванную от конкретной, живой истории историософию, а глубокие размышления о специальных средствах и приемах познания исторического прошлого.

Отказ в отечественной историографии от догматической и консервативной марксистско-ленинской ориентации исторической науки, начавшийся с середины 80 -х. годов, показал необходимость поиска особой исторической теории, которая была бы опосредующим, связующим звеном между общей социологической теорией и реальной исторической действительностью. Задача методологии истории – обосновать такую теорию и ее понятийный аппарат.

Весьма распространенным представлением в научной литературе является отождествление методологии истории с методами изучения истории.

Мы исходим из того, что методология истории отличается от метода исторического исследования. Хотя нередко случаи, когда исследователи смешивают методологию с методом в одно целое и при этом приоритет отдают методу исследования. Методология, в отличие от метода, органически более взаимосвязана с философией, с теорией познания истории и поэтому представляет собой систему закономерностей, принципов, критериев и совокупно применяемых методов исследования, тогда как метод есть форма и способ проведения исследования.

Таким образом, методология как философия, теоретическая система познания исторической науки включает в себя и систему методов как свою составную часть, тогда как метод, система методов конструируются на платформе методологии как механизм, способ познания науки истории. В результате, и теория, и методология и метод исторического исследования имеют свои функциональные миссии и характерные свойства. Вместе с тем они образуют целостную систему познания закономерностей, выявления взаимосвязи, определения принципов и критериев, форм и способов организации и проведения исследования и тем самым одновременно обеспечивают внутреннюю гармонию структуры этой системы.

Следовательно, данные триединые составляющие системы – теория, методология и метод – выступают как универсальный механизм объективного исторического исследования, как непереносимое условие развития исторической науки

Теория и методология в историческом познании существуют в органической увязке. Всякая теория есть методология и наоборот. Различия между ними начинаются тогда, когда речь идет об уровне теории истории, широте используемой им категории. Есть теория, выраженная в философии истории,

которые по современной классификации принято делить на формационную и цивилизационные (Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и др.). Но есть теория истории и более узком смысле слова. Как всякая наука, история в этом смысле обладает своим собственным теоретическим багажом, которые выражаются в применяемых его понятиях: «исторический факт», «историческое время», «историческое пространство» и т.д. И в этом узком смысле, теория истории также выступает методологией исторической науки, хотя, безусловно, по рангу исходящей в свою очередь из положения более общей методологии – философии истории.

Таким образом, методология истории – это наука об обществе, т.е. принципах, категориях и методах исторического познания. Необходимо также учитывать, что методология истории – это дисциплина мировоззренческая, т.к. она имеет дело с понятиями, которые носят по сути своей мировоззренческий характер, т.е. с основными теоретическими понятиями исторической науки. В узком смысле методология истории выступает как совокупность определенных методов познания исторической реальности.

Значение метода в историческом познании исключительно велико. Можно сказать, перефразируя мысль известного ученого применительно к историческому исследованию, что метод подобен фонарю, который освещает дорогу исследователю-историку идущему в темноте. Выбор метода исторического познания выступает в каждом в конкретном случае исследования исходным, изначальным, осознает это или нет историк.

В практике исследования очень часто историкам свойственно недостаточно внимательное и уважительное отношение к методологическим проблемам исторического познания. Работая над научной проблемой, ученый зачастую приходит к выводу не известным ему самому путем, а потом уже задним числом придумывает метод, которым он, якобы, пользовался.

Пренебрежение сквозит, например, в словах видного советского историка Б.А. Романова: «Заниматься методологией, – говорил он, – то же, что доить козла». Сказано, безусловно, остро и ядовито, но несправедливо, ибо все крупные недостатки исторической науки лежат на совести именно методологии истории.

Историк – дитя своего времени, и его труд не может нести на себе отпечатка эпохи. Понимание прошлого, в конечном счете, определяется исторической ситуацией, которой историк творит. Меняется перспектива, смещается точка отсчета, и история приобретает иной облик, получает новую оценку. Это переосмысление в той или иной степени затрагивает весь исторический процесс, но особенно важно то, что изменяется методология исторического познания, а, следовательно, обновляется идейно- теоретический арсенал исторической науки. Новые методологические ориентиры смещают самые интересы историков, ставят ученых перед новыми проблемами, меняют ракурс рассмотрения старых проблем.

«Источник, дошедший до нас из прошлого, – пишет Абусеитова М.Х., – представляется следом, знаком, оставленным феноменом, который сам по себе

недоступен непосредственному восприятию, подобно тому, как палеоботаник восстанавливает по отпечатку на камне облик вымершего растения, историк своими методами восстанавливает по тому или иному следу уже исчезнувший феномен»¹.

Поэтому при изучении исторической реальности важно понять, что исследования без методологии не бывает. Методология определенным образом проявляется на всех этапах исследования – от постановки проблемы до верификации результата исследования.

При этом параметры исторической реальности определяют и спектр методов исторического познания. Если речь идет о расширительном толковании исторической реальности в духе школы «Анналов», то соответственно и методы исторического познания выступают довольно в широкой среде. Сюда включаются и методы, изучающие природные процессы, психологические и пр.

Марксистская классификация методов познания исходя из понимания социальной реальности и объективной закономерности деятельности людей в прошлом считает, что в историческом исследовании используются три ряда методов: 1) философские (диалектика или метафизика); 2) общие для наук (индукция, дедукция, историческое и логическое и др.); 3) методы собственно исторической науки (историко-сравнительный, историко-генетический и др.)

Данная классификация методов научного познания, хотя в целом разделяется, и принимается, но нуждается в определенном уточнении. В частности в последнее время, как известно в качестве философского метода наряду с диалектикой и метафизикой все чаще говорят о методе синергетики. И хотя дискуссии ученых о природе последнего метода продолжаются, тем не менее, подход к познанию реалии действительности как самоорганизующимся системам, а именно в нем существо синергетики, завоевывает все больше сторонников в научном споре.

Общепринятым в научном познании является мнение о том, что философские и общие методы реализуются через методы конкретных наук. Но это обстоятельство не отменяет того факта, что могут существовать как методы отдельно взятой конкретной науки, так и характерные для определенной группы научных дисциплин.

Примером последней выступают специфические методы средства социального познания. Сюда относят: идеографические (индивидуализирующий), понимание диалог, контент-анализ, социометрии, ситуационный анализ и др.

Что касается классификации методов конкретно взятой исторической науки, то это проблема пока малоисследованна. Достаточно сказать, что ни в отечественной, ни в российской современной исторической науке до сих пор нет общепринятой классификации методов исторического исследования.

---

¹ Абусейтова М.Х. Казахстан и Центральная Азия в XV-XVII вв.: история, политика, дипломатия. Алматы, 1998. С. 23.

Хотя сама важность и необходимость метода истории, специфики его проявления в историческом познании обосновывалась, в частности историографии западной и русской

В частности, выдающийся британский историк Р. Коллингвуд писал: «Историк имеет право и обязан, пользуясь методами, присущими его науке, составить собственное суждение о том, каково правильное решение любой программы, встающей перед ним в процессе его работы»¹.

Коллингвуд обратил внимание на то, что метод истории должен в событиях прошлого проводить грань между внешней и внутренней их сторонами. Под внешней стороной события он подразумевал все, что может быть описано в терминах, относящихся к темам и их движениям: переход Цезаря в сопровождении определенных людей через реку, именуемую Рубикон, в определенное время или же капли его крови на полу здания сената в другое время. Под внутренней стороной события он понимал то, что может быть описано только с помощью категории мысли: вызов, брошенный Цезарем законом Республики, или же столкновение его конституционной политики с политикой его убийц. Коллингвуд подчеркивал, что работа историка может начаться с выявления внешней стороны события, но она никогда этим не завершается: «Он всегда должен помнить, что событие было действием и что его главная задача – мысленное проникновение в это действие, проникновение, ставящее своей целью познание мысли того, кто его предпринимает»².

Метод истории по Коллингвуду отличается от естественнонаучного тем, что историк не обязан и не может заниматься поиском причин и законов события. В тоже время, Коллингвуд отмечал, что это не означает, что такой термин, как «причина» совершенно неуместен при описании исторических событий; это значит только то, что он используется здесь в особом смысле. Когда историк спрашивает: «Каковы были мысли Брута, заставившие его принять решение об убийстве Цезаря?» Причина события для историка тождественна мыслям того человека, действия которого эти события вызвали.

Коллингвуд обращал внимание на то, что метод истории одновременно способ человеческого самопознания: «Познание самого себя означает познание того, что вы в состоянии сделать, а так как никто не может знать этого, не пытаясь действовать, то единственный ключ к ответу на вопрос, что может сделать человек, лежит в его прошлых действиях

Ценность истории, поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнали, что человек сделал, и тем самым – что он собой представляет»³.

В методе истории, считал, Коллингвуд всегда присутствует расхождение между целью акта исторического воображения и его практикой. В связи с этим он писал:

---

1 Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 135.

2 Там же. С. 137.

3 Там же. С. 234.

«В принципе целью любого такого акта является использование всей совокупности воспринимаемого здесь – и – теперь в качестве исходного материала для построения логического вывода об историческом прошлом, развитие которого и привело к его возникновению. На практике, однако, эта цель никогда не может быть достигнута. Воспринимаемое здесь – и – теперь никогда не может быть воспринято и тем более объяснено во всей его целостности, а бесконечное прошлое никогда не может быть схвачено целиком»¹.

Не только методы истории, но и источниковая база, теоретическая оснастка исторического исследования подвержены, по мнению Коллингвуда непрекращающемуся изменению. Вот почему «каждое новое поколение должно переписывать историю по-своему.... А так как история – поток, в который нельзя вступить дважды, то даже отдельный историк, работая над определенным предметом в течение какого-то времени, обнаруживает, когда он пытается вернуться к старой проблеме, что сама проблема изменилась»².

Бесспорен вклад в разработку проблем методов истории выдающегося русского историка А.С. Лаппо-Данилевского. В своей обширной работе под названием «Методология истории» Лаппо-Данилевский впервые определяет методологию истории как особую отрасль научно-исторического знания. Раскрывая, различные стороны метода истории он подчеркивает роль субъекта в процессе познания, зависимость устанавливаемого научного факта от условий исследования, роль воззрений и ценностных установок, которые возникли и сформировались за время, разделяющее объект исследования и то, что является настоящим для историка.

В советской исторической науке под методами истории понимались специфические приемы, средства познания исторической действительности. Обращалось внимание на принципы, которым должно следовать применение методов истории в исследовании. К таким принципам традиционно относили: объективность, всесторонность, партийность, конкретность. В качестве популярных конкретных методов истории назывались: историко-сравнительный, историко-генетический, статистический. Советская историческая наука акцентировала внимание на том, что методы познания истории определяются особенностями самой исторической реальности. Последнее представляет собой прошлое, которое существует и проявляет себя не как настоящая реальность, не непосредственно, а опосредованно. Такой реальностью для историка-исследователя выступают исторические источники.

Задача исторического познания состоит во всестороннем, объективном исследовании прошлой реальности, выявлении в фактах, событиях истории закономерностей исторического процесса.

---

1 Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 245.

2 Там же. С. 256.

Методы исторического исследования, следовательно, ориентировались на познание объективных, общих тенденций истории, при определенном игнорировании учета и познания индивидуальной физиономии событий, случайностей, духовной составляющей истории.

Советская историческая наука, исходя из того, что познание истории предполагает единство объекта и субъекта истории. Люди одновременно выступают в истории и актерами и исполнителями исторической драмы.

Весьма характерной чертой советской истории было полное игнорирование западных, немарксистских подходов исторического познания. Квалифицируя их как «идеалистические», «буржуазные» советская историко-методологическая мысль объективно тем самым обедняла себя, создавала почву для укрепления догматических постулатов методологии истории.

Кризис советского марксизма в начале 90 - х. годов открыл отечественной исторической науке возможность широкого знакомства и восприятия методов исторического познания немарксистского характера. Сегодня в отечественной истории нет обстановки закрытости. В исторической науке идут поиски новых, соответствующих исторической реальности, эффективных методологических приемов познания.

Современное понимание методов истории должно, на наш взгляд, строиться на творческом усвоении и синтезе достижения западной, российской, казахстанской исторической мысли в разработке данной проблемы. При всей возможной односторонности в каждом из этих подходов, в сумме они дают более адекватное представление о методах истории. Односторонне преувеличивая значение одного из подходов, как мы это делали, например, в советской исторической мысли, мы обедняем общее детище – науку историю.

Исходя, из необходимости такого плюралистического подхода мы считаем возможным, отметить, следующие наиболее общие, особенности исторической реальности, в соответствии с которым должны строиться методы современного исторического познания:

Первое, состоит в том, что объектом исторического познания выступает в отличие от других гуманитарных наук не настоящая, а прошлая, уже ушедшая в историю социальная реальность. Здесь вследствие этого обстоятельства исключены непосредственные, данные в данное время эмпирические свидетельства, полученные методом наблюдения и эксперимента.

Второе – исследование исторического прошлого осуществляется через познание текстов, в качестве которых выступают архивные, вещественные свидетельства, летописные данные, автобиографические материалы и пр. Тексты, тем самым выступают основным предметом исторического познания.

Третье – исследование исторической реальности прошлого неизбежно включает в себя своеобразную «оценку» ее с позиции времени настоящего, ценностей эпохи и ученого-историка. Поэтому важнейшая задача исторического познания заключается не в том, чтобы исключить оценку прошлого настоящим вообще, что невозможно, а свести ее воздействие к

минимуму, добиваясь тем самым максимума объективности и беспристрастности.

Четвертое – в историческом познании следует исходить из того, что сам исследователь историк является историческим существом, что историю исследует тот же, кто ее творит. Историческое познание делает возможным однородность субъекта и объекта.

1.2 Роль объяснения в разнообразии подходов познания исторической реальности

Так уже традиционно сложилось, что историческая реальность познается исследователями главным образом методом объяснения. Но тогда спрашивается, почему руководствуясь, одним методом исследования ученые – историки дают разную интерпретацию проблем истории.

Мы исходим из того, что метод объяснения, как и другие методы истории, выступают частным проявлением интерпретации – метода историографического исследования. Здесь существуют отношения частного и общего, хотя исторический метод объяснения довольно древний, он еще применялся отцом истории Геродотом, а впоследствии и Полибием.

Отношения интерпретации как метода историографического исследования и метода истории, например объяснением не только основаны на связи общего и частного. В строгом смысле интерпретация – это метод только историографии. Но оно не может быть методом исторического исследования, ибо историк – ученый стремится в процессе познания не к очередной интерпретации исторического факта, а к объективному, истинному его воспроизведению. Для этого он и руководствуется своими, специфическими, характерными для исследования истории методами, которые он применяет зачастую со средствами познания других наук. Другое дело историографическая наука. Она в процессе познания призвана давать оценку, интерпретировать результаты исторических работ, давать им сравнительно – сопоставительные характеристики. Историография как наука не сама дает интерпретацию истории, а она отслеживает, оценивает, как это делает историческая наука на том или ином этапе своего развития. Интерпретация, следовательно, органически, естественно следует из существа историографического познания.

Объективной основой объяснения вообще является реальная связь и обусловленность явлений материального мира, их подчиненность определенным закономерностям. Обращаясь, например, к историческим фактам, исследователь описывает, оценивает и объясняет их в контексте исторической реконструкции, опираясь на результаты наук, изучающих общественно-исторические закономерности. Выявление причинной зависимости событий ведет к раскрытию их сущности.

Следовательно, объяснение – это раскрытие сущности изучаемого объекта, осуществляющееся посредством постижения закона, которому подчиняется

данный объект, либо путем установления связей и отношений, определяющих его существенные черты.

Из такого широкого определения понятия «научное объяснение» явствует, что объяснение в качестве своей неперменной составляющей предполагает описание объекта одновременно с анализом его в контексте его связей, отношений и зависимостей.

Объяснение иногда определяют еще как функцию научного знания. Детально эту сторону объяснения раскрыл в частности Е.П. Никитин¹. Как функция объяснение выступает универсальной характеристикой любого научного знания. Ведь в широком смысле под объяснением обычно подразумевают то, что мы разъясняли нечто непонятное через понятное или общеизвестное. Понятно, что в таком случае, функция научного знания тем самым совпадает с его методом.

Наиболее известную схему объяснения разработали Карл Поппер и Карл Гемпель. Она получила название объяснение через «охватывающие законы». Это один из распространенных видов объяснения имеющим место и в историческом познании.

Согласно Попперу и Гемпелю, во всех науках при объяснении используются общая методология. Для того чтобы объяснить факты и события, нужно использовать научные законы и логическую дедукцию.

Основой, базисом объяснения выступают один или несколько общих законов, а также описание конкретных условий, в которых протекает объясняемое явление. Из этого базиса нужно с помощью дедукции (логического или математического вывода) получить суждение, которое объясняет данное явление. Иными словами: чтобы объяснить какого-либо явление, его нужно подвести под один или несколько общих законов, применив их в определенных конкретных условиях.

Сейчас считается, что объяснение через «охватывающие законы» является основным в науках о природе. Однако более сложным, дискуссионным является вопрос о применении его метода в гуманитарных дисциплинах, в частности исторической науке.

Но что следует понимать под историческим объяснением? Насколько правомерно говорить об этом методе? Известно, например, что О.Конт считал, что в социальном знании объяснения возникают вне исторической науки и могут только привноситься в нее. Между тем непредубежденный анализ показывает, что собственно исторические объяснения не только существуют, но к ним приходится прибегать, когда другие виды объяснения не могут достичь результата.

Когда это происходит? В весьма интересной статье немецкий исследователь истории Г. Люббе утверждает:

---

¹ Никитин Е.П. Объяснение – функция науки. – М., 1970. – С.132

«Историческому объяснению подлежит то, что не может быть объяснено ни логикой поведения, ни законами функционирования системы, а также не выводится из каузальных или статистических причинно следственных связей. Историческое объяснение в этом смысле идет путем не обращения к разуму действующих лиц и не через законы логики. То, что оно объясняет, оно объясняет, рассказывая историю. Что же это за явления, которым невозможно дать “рациональное” объяснение и требуется объяснение “историческое”?»¹. Г.Люббе в качестве примера приводит открытие в 1961 и 1962 годах в Вестфалии двух университетов с аналогичными техническими отделениями в Бохуме и Дортмунде – городах, стоящих друг от друга всего на пятнадцать километров. Рациональными соображениями (потребностью в инженерах, наличием свободных средств у органов высшего образования и т.п.) подобное дублирование объяснить невозможно. Об этом решении говорили как о “политическом”, реально же оно было стечением многих обстоятельств, из которых большинство было в обычном понимании достаточно случайным.

Историческое объяснение представляет такие “непонятные” события как равнодействующую разнонаправленных действий различных субъектов или как результат сходящихся и расходящихся потоков деятельности. В этом контексте можно также вспомнить о понятии “конstellации”. М. Вебер и некоторые другие ученые использовали его для обозначения, не обусловленного какой-то “железной” исторической логикой стечения обстоятельств и предпосылок, которое позволяло родиться неведомому ранее истории феномену. Можно также говорить, что историческое объяснение требуется тогда, когда происходит наслоение действий и событий, каждое из которых само по себе может быть понятным и подчиняющимся определенной логике, но в этом симбиозе не поддающимся объяснению с помощью рациональных схем. В результате и сегодня можно согласиться с основной мыслью В. Виндельбанда и Г. Риккерта о том, что в таких случаях нужна идеография – описание подобных уникальных исторических феноменов или, называл их Риккерт, “исторических индивидов”.

В принципе относительно применимости вообще метода объяснения к исторической науке исследователи разделились условно на два лагеря.

Первые, к ним относятся, прежде всего, представители логического позитивизма, которые придерживались, принципа единства научного метода. Они полагали, что методы естественных наук, которые принесли столь выдающиеся результаты, должны во всей совокупности применяться в познании исторической реальности и истории человеческих взаимоотношений.

Многие обществоведы XIX в. широко использовали и пропагандировали заимствованную из естествознания причинную модель объяснения социально-исторических и экономических явлений. В середине XIX в. эту модель стал пропагандировать французский исследователь

---

¹ Люббе Т. Что значит: «Этому можно дать только историческое объяснение?» // THESIS. 1994. № 4. С. 45.

Д.С. Милль. В своей «Системе логики» он сводил объяснение факта к установлению его причины.

«Наука о человеческой природе, – писал Д.С. Милль, – можно считать существующей, поскольку приблизительные истины, составляющие практическое человечества могут быть представлены в качестве выводов, короллариев» из тех всеобщих законов человеческой природы, на которых они основываются»¹.

В 1920-30-е годы представители этого направления занимались преимущественно анализом методологического арсенала естествознания, с 1940-х годов были предприняты попытки распространить наработанные модели на историческое познание, что привело к возникновению «аналитической философии истории». В этом направлении традиционная философия истории трактовалась как устаревшая и во многом лишенная значимости «метафизика истории». Осмысленными ее представители считали эпистемологические и методологические вопросы: Можно ли познать прошлое? Что такое исторический факт? Какова структура исторического описания и объяснения? Существуют ли исторические законы?

Наибольшее внимание они уделяли проблеме объяснения, поскольку полагали, что объяснение является основной функцией науки. Это положение они переносили на историческую науку. Историки, с их точки зрения, должны не только устанавливать факты и описывать их, но и отвечать на вопросы: «Почему эти факты имели место?», «Чем было вызвано именно это событие?» и т.п.

Начало дискуссиям по этим проблемам положила статья известного исследователя науки, представителя позднего неопозитивизма, Карла Гемпеля «Функции общих законов в истории» (1942). Согласно Гемпелю, эта функция во всех науках одна и та же: законы используются для объяснения эмпирических данных – фактов, событий. Причем и общая схема этого объяснения, по его мнению, идентична в естественных и гуманитарных науках. Эта схема была разработана в 1930-40-х гг. К. Поппером, К. Гемпелем и П. Оппенгеймом и получила название как мы уже говорили «дедуктивно-номологической (от «номос» – закон) модели объяснения, или «объяснение через охватывающие законы» (далее для упрощения термин «общие законы»).

Какова же структура этой модели? В ней выделяются следующие элементы: (1) экспланандум – суждение о фактах, событиях, которые подлежат объяснению; (2) эксплананс – то, на основе чего осуществляется объяснение; (3) логический, дедуктивный вывод экспланандума из эксплананса. В свою очередь, эксплананс состоит из двух составляющих: (1) общих законов, которые используются в объяснении; (2) высказываний, фиксирующих конкретные условия, в которых существует или протекает объясняемое явление.

---

¹ Милль Д.С. Система логики. М., 1932. С. 67.

В более простой форме эту схему можно выразить так. Чтобы объяснить какое-либо явление, его нужно подвести под один или несколько общих законов, применив их в определенных конкретных условиях. Вот один из примеров, который приводит для пояснения этой схемы Гемпель. Положим, вы оставили на ночь автомобиль на дворе и утром увидели, что у него лопнул радиатор. Как объяснить, почему это произошло? В эксплананс, основу объяснения, входят два общих закона: вода при отрицательной температуре превращается в лед; объем льда больше объема воды. Конкретные условия здесь таковы: этой ночью температура упала ниже нуля; вы оставили автомобиль на улице и не слили воду из радиатора. Из всего этого можно сделать вывод: ночью вода в радиаторе замерзла, и лед разорвал трубки радиатора.

Эта модель объяснения выглядит достаточно ясно и убедительно для естественных наук, но можно ли распространить ее на историю? Как тогда быть с мнением тех, кто вслед за В. Виндельбандом считает, что историки не должны заниматься “номотетикой”, установлением общих законов. Между прочим, с этим в принципе согласен и сам Гемпель, он также считает, что целью историка не является поиск общих законов, да и реально в истории собственных законов нет. Однако это не означает, что историки в своей работе, в своих объяснениях не используют законы. Эти законы они могут брать из других наук, они могут черпать универсальные положения из общечеловеческого арсенала - из законоподобных положений здравого смысла.

Очень часто бывает так, что такие законы достаточно тривиальны, общепонятны, поэтому в объяснении их даже не надо формулировать. В результате из полной схемы объяснения выпадают отдельные звенья, и остается “объяснительный скетч”. Например, при объяснении неожиданной смерти Петра I историк может написать: “Петр I простудился во время наводнения в Санкт-Петербурге и вскоре умер”. В этом объяснении создается впечатление, что один факт просто выводится из другого факта. На самом же деле, здесь опущены законоподобные положения, которые могут быть сформулированы примерно так: “сильное переохлаждение в воде ведет к заболеваниям, в частности к воспалению легких”; “воспаление легких в начале 18 века с большой вероятностью вело к смерти”. Если добавить к этому, что Петр I лично участвовал в спасательных работах, так и сильно переохладился в ледяной воде, то из этого можно вывести объяснение причин его смерти.

Сторонники такой модели объяснения в истории полагают, что задача методологии истории состоит в том, чтобы прояснять, доводить до практиков исторического исследования то, что они зачастую делают неосознанно, по привычке. Если же реально показать историкам логическую структуру их объяснений, которую они обычно не стараются прояснить, то это может повысить методологический уровень исторической работы. Это, конечно не означает, что историков нужно принуждать «раскрывать» или тщательно расписывать их объяснительные скетчи. Скорее можно надеяться на то, что, осознав, что они используют общенаучные схемы объяснения, они станут,

более внимательно относится к методологической стороне своей работы и сознательно пользоваться объяснениями через законы в действительно сложных, нетривиальных случаях.

Сторонники другой, противоположной среди историков позиции не согласились со столь безоговорочным распространением метода объяснения из сферы естественных наук на историю

Идеи Гемпеля, несмотря на их незамысловатость, вызвали большой резонанс. Многие представители истории, в том числе и причислявшие себя к ее аналитической ветви, не согласились с его концепцией, фактически отрицавшей специфику исторического познания. Наиболее известным оппонентом Гемпеля стал Уильям Дрей, канадский исследователь истории, который отмечал, что его целью является частичная реабилитация и развитие в рациональном направлении методологии истории Дильтея-Коллингвуда, в которой предполагалось, что историк не может, объяснять деяния людей без учета смысловой стороны их действий, без реконструкции, “переигрывания” их внутреннего мира. Критике гемпелевской схемы и изложению собственного взгляда на объяснение в истории Дрей посвятил несколько статей, книгу “Законы и объяснение в истории” (1957) и целый ряд последующих работ.

Многие исследователи обращают внимание на специфику объяснения в гуманитарных, и в частности, в исторических науках. Современные западные ученые стремятся противопоставить историческое объяснение естественнонаучному. В рамках этого противопоставления сторонники так называемой концепции «сочувствующего понимания» утверждают, что для объяснения поступков людей, с чем в первую очередь и имеют дело науки об обществе, требуется некоторый другой вид объяснения, нежели в естественных науках.

Согласно Дрею собственно историческими являются так называемые рациональные объяснения, когда тот или иной поступок обосновывается указанием его мотивов, а единственным возможным методом в историческом исследовании объявляется метод «сопереживания», «сочувствующего понимания». К мотивам Дрей относит цели, жизненный опыт, систему убеждений личности. Дрей усматривает причинную связь явлений лишь в неорганической природе, в сфере же человеческих отношений действия людей обусловлены, по его мнению, разумом и свободным решением личности. Речь идет о том, что многие представители исторической науки справедливо обращают внимание на то, что поскольку события прошлого часто обладают своим специфическим, индивидуальным и неповторимым характером, постольку их нельзя подвести под общие схемы и универсальные законы.

Поэтому они предлагали альтернативные модели объяснения исторических событий, учитывающие конкретные цели, интересы и мотивы поведения участников этих событий.

Дрей не отрицает того, что историки иногда используют объяснение через законы. Но гораздо чаще их занимает задача понимания, реконструкции мотивов исторических деятелей. Между тем модель общего закона не

приспособлена для этого, она постигается в некотором смысле “изнутри”. Чтобы пояснить это, приведем шуточный пример (не имеющий отношение к текстам Дрея). Представим себе, что по главной улице Москвы, Тверской, в северном направлении катится большой шар. Зная его скорость, массу, силу трения и применяя законы механики, мы можем объяснить характер его движения и предсказать, где именно он остановится. Теперь представим себе, что по той же улице, в том же направлении идет гражданин N с авоськой в руках. Как мы можем объяснить его поведение, наблюдая извне? Мы можем предположить, что он направился в соседний магазин, и вполне вероятно окажемся правы. Но может оказаться, что этот гражданин идет пешком в Санкт-Петербург (поскольку Тверская переходит в Ленинградское шоссе), чтобы там посетить Эрмитаж. Никаким законам природы это не противоречит. Поэтому, чтобы понять и объяснить его действия, мы должны знать его цели и мотивы.

Руководствуясь тем соображением, что основное, что изучает историки, это – поступки, действия, которые совершали люди в прошлом, Дрей отмечает: «Цель исторического объяснения состоит в том, чтобы показать: то, что было сделано, надо было сделать потому, что человек имел такие-то и такие-то мотивы»¹. И для такого объяснения вовсе не нужно демонстрировать, что определенные действия были совершены в соответствии с некоторыми общими законами.

Как же строится такое объяснение, какова его логическая схема? В ее основу Дрей кладет ту мысль, что реконструкция мотивов должна исходить из того, что исторические агенты были рациональными существами. Поэтому историк может полагать, что эти агенты перед совершением определенных действий явно или неявно произвели определенные рассуждения – взвесили и оценили свои мотивы, соразмерили цели и средства. Опираясь на эту презумпцию, историк может дать “рациональное объяснение” (Называя свою концепцию объяснения” рациональным объяснением. Дрей пользуется тем, что reason обозначает одновременно и “мотив”, и “разум”, и “рассуждение”), если он мысленно реконструирует, восстановит то рассуждение, которое могло произвести герой его повествования. Представляется, что Дрей здесь следует по пути М. Вебера, который считал, что в объективной “понимающей социологии” нужно заменить дильтеевскую “эмпатию” (психологическое понимание) более объективным пониманием целерациональных действий².

Итак, схему “рационального объяснения” можно представить следующим образом:

- поведение исторических агентов основано на “мотивах”
- историк полагает, что эти мотивы были “рациональными”;

---

1 Дрей У. Законы и объяснения в истории. М., 1997. С.121.

2 Вебер М. Избранные произведения. М.,1990. С. 23.

- будучи таковыми, мотивы могут быть “рационально реконструированы” историком, причем эта реконструкция осуществляется не через психологическое “сопереживание”, а посредством логического рассуждения и его коррекции историческими данными.

В дополнение к этой схеме Дрей вводит понятие “принцип действия” как некий закон в сфере исторического процесса. Форма принципа действия такова: “В ситуации типа С1, С2, С3...Сn нужно делать Х”. Принцип действия более устойчив к противоречащим ему действиям, более гибок, чем закон. Он носит практический характер и может нарушаться, однако с его помощью можно достаточно успешно объяснить большинство действий, особенно типичных и рутинных.

Но как быть, если историку не хватает конкретных исторических свидетельств, чтобы объяснить те или иные действия своего героя? Здесь на помощь, по Дрею, может прийти вспомогательный тип объяснения – “диспозициональное объяснение”, исходящее из того, что у человека могут быть достаточно устойчивые свойства характера, регулярно проявляющиеся в его поведении. Разумеется, эти “диспозиции” (например, смелость, осторожность, хитрость, безнадежная глупость и т.п.) также не похожи на закон. Поэтому диспозициональное объяснение отличается от объяснения в виде общих законов. К тому же, хотя диспозициональный фактор может выступать причиной определенных действий или придавать им своеобразные особенности, он должен проверяться историком через изучение контекста его проявления.

Нетрудно видеть, что в оппозиции схем исторического объяснения Гемпеля и Дрея проявляются также определенные позиции по проблеме исторического детерминизма. Типы объяснения, предложенные Дреем, совместимы с представлением о свободе воли, тогда как объяснение через законы, особенно если считать его единственно возможным, неправдоподобно с его точки зрения для истории.

Таким образом, сторонники второй позиции, в данном случае Дрей ставят в целом под сомнение факт применимости метода объяснения к историческому прошлому, ибо в исторической науке не существует общих законов. Поэтому объяснение через «охватывающие законы» не применима к историческому познанию. Однако, как видим, Дрей все считает, что другие виды объяснения, которые он приводит выше, могут и должны иметь место в познании истории. Иначе говоря, историческая наука в силу своих особенностей вполне, по его мнению, претендует на свои методы объяснения в историческом исследовании. Хотя по своей логической структуре исторические объяснения в принципе не отличаются от объяснения явления природы.

Однако в содержательном плане они имеют ряд отличительных особенностей, которые связаны, во-первых, с характером исторической информации, содержащейся в экспланансе, или посылах объяснения. Речь идет, прежде всего, о той части посылок, которые служат для логического вывода заключений и называются общими законами или универсальными

гипотезами. В своей статье «Функции общих законов в истории» Гемпель доказывает, что «общие законы имеют аналогичные функции в истории и естественных науках. Они образуют неотъемлемый инструмент исторического исследования». «Исторические объяснения, – пишет Гемпель, – также ставят своей целью показать, что ожидаемые в ней события не являются «делом случая», а были ожидаемы с точки зрения предшествующих и одновременных условий. Эти ожидания относятся не к пророчествам и божественным указаниям, а являются рациональными научными предсказаниями, которые основываются на допущение общих законов»¹. Здесь важна фраза о «допущении общих законов» в истории. Поскольку индивидуальные события охватываются общим законом, то данная модель для краткости называется охватывающей или подводящей моделью, ибо она подводит отдельное событие под общий закон. Однако надо признать, в подавляющем большинстве случаев в исторические объяснения не удается включить предполагаемые общие закономерности. Это происходит, по мнению Гемпеля по двум причинам.

Во-первых, потому, что такие закономерности относятся к индивидуальной или социальной психологии и часто предполагаются известными каждому и поэтому считаются само собой разумеющимся.

Во-вторых, нередко бывает очень трудно сформулировать лежащие в основе законов предположения явным образом и с достаточной точностью. Чаще всего исторические объяснения отражают сокращенный характер набросков объяснения, в которых содержатся смутные и неопределенные указания о существовании законов или гипотез общего характера. Чтобы достичь полного объяснения, необходимо продолжать дальнейшее исследование, уточнить конкретное содержание имеющихся формулировок, выявить их эмпирическое содержание и подтвердить их соответствующими фактами. Неполнота фрагментов объяснения компенсируется возможностью ее проверки дополнительными конкретными историческими свидетельствами. Здесь не происходит обращения к разного рода непроверяемым принципам и методам типа, об исторической миссии какого – либо народа, страны или цивилизации.

Но вот, отсюда, более общий вопрос, а чем обусловлен такой фрагментарный характер исторических объяснений и, в каком направлении следует продолжить историческое исследование, чтобы добиться более полного и глубокого объяснения?

Во-первых, общие исторические законы представляют собой гипотезы общего характера, которые подтверждены соответствующими эмпирическими фактами. В этом смысле они принципиально не отличаются от законов естествознания, которые отображают законы природы.

---

¹ Гемпель К. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // Философия и методология истории. М., 1977. С. 72-94.

Однако поскольку социальные и исторические законы имеют более сложный и запутанный характер, то степень их подтверждения значительно ниже, а область применения гораздо уже.

Именно поэтому их нередко называют просто общими гипотезами. В отличие от этого фундаментальные законы естествознания, как, например, закон всемирного тяготения, имеют универсальный характер.

Во-вторых, для исторического объяснения нередко используются также общие законы экономики, социологии, психологии, биологии и даже физики и химии, когда приходится, например, устанавливать подлинность исторического документа, может и других старинных предметов. На этом основании некоторые ученые утверждают, что задача историка заключается в тщательном и полном описании индивидуальных событий прошлого, а не в их объяснении. Однако комплексный характер исторического объяснения, в котором наряду с историческими законами и гипотезами участвуют и законы других наук, как раз показывает необходимость системного подхода при исследовании исторических событий и процессов.

В-третьих, нередко в качестве посылок исторических объяснений используются обобщения и статистическая информация, заключения которых, хотя и могут оказаться достаточно вероятными, но требуют дальнейшего анализа, чтобы стать подлинными объяснениями. В самом деле, если событие ожидалось с определенной степенью вероятности, но не произошло, то необходимо выяснить причину, почему оно не появилось. А это требует дополнительного исследования.

В-четвертых, иногда говорят об объяснении с помощью понятия. Хотя понятия действительно встречаются в процессе объяснения, но они фигурируют там при формулировке законов и гипотез, которые представляют по своей логической форме суждения. Поэтому нельзя их путать с понятиями, служащими составными частями суждений. Понятия могут быть определены правильно и неправильно, но только суждения являются истинными или ложными, т. е. адекватными или неадекватными действительности. Именно их адекватность или соответствие действительности устанавливается в ходе эмпирической их проверки. Иногда в некоторых философских системах (например, объективный посыл Гегеля, марксистская философия) понятие рассматривается как результат всего исследования, как его итог и завершения. Но в таком случае понятие отождествляется с теорией или даже результатом всего исследования, но такое смешение терминов не допускается логикой и фактически ведет к путанице.

В-пятых, историки зачастую вместо объяснения предпочитают говорить об интерпретации и понимании события и процессов прошлого. Действительно, в реальной практике исторического исследования осмысление и понимание событий идет рука об руку с их объяснением и предсказанием. Только для специального анализа мы выделяем эти функции и рассматриваем их обособленно. Поэтому их не следует противопоставлять друг другу, а,

наоборот, необходимо рассматривать как взаимодополняющие элементы единой, целостной системы научного исследования.

Все перечисленные особенности крайне затрудняют анализ проблем объяснения исторического прошлого. Вот почему историки считают, что историческое объяснение необходимо, но многие из них отрицают, возможность обращения для этого к общим законам. В лучшем случае они допускают простейшие причинные объяснения исторических событий, чтобы понять, почему те или иные конкретные события произошли. Однако в отличие от позитивистов они не считают, что для этого надо обращаться к общим законам. Фактически многие историки в своих объяснениях событий прошлого избегают ссылок на общие законы.

Одни из них считают, что история вообще не открывает таких законов и поэтому они не используются при объяснении. Другие заявляют, что хотя при объяснении они используют общие законы, но заимствуют их у других наук (экономики, социологии, психологии). Третьи, как например, К. Поппер, вообще отрицают существование в истории подлинных общих законов. «В истории, — пишет он, — множество тривиальных законов, которые мы принимаем без доказательства. Эти законы практически не представляют никакого интереса и абсолютно не способны внести порядок в предмет исследования»¹.

По мнению К. Поппера, для объяснения исторического события историк пытается использовать метод реконструкции ситуации, которая привела к этому событию «как правило, историк пытается реконструировать ситуацию таким образом, чтобы в нее входили как цели или планы действий вовлеченных в нее людей, так и их знания, и в особенности те затруднения или проблемы, с которыми они сталкивались. Он пытается представить эту ситуацию таким образом, чтобы историческое объясняемое — то событие, которое он хочет объяснить, вытекало из описания ситуации в предположении, что все ее участники действуют в соответствии с теми планами, и теми знаниями, которые составляют часть этой ситуации»².

Свой способ исторического объяснения Поппер называет методом ситуационной логики, который допускает объективную проверку ситуацию, так как в принципе мы в состоянии проверить, действительно ли та была такой. Если будут найдены противоречащие исторические свидетельства, тогда реконструкция будет опровергнута.

Главное возражения историков против гемпелевской модели объяснения состоит в том, что подведение неповторимых и даже в ряде случаев уникальных исторических событий под общие законы, по их мнению, в принципе невозможно потому, что при этом пришлось бы отказаться от изучения их конкретного своеобразия индивидуальность.

---

1 Поппер К. Историческое объяснение // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2000. С. 125.

2 Там же. С. 168.

Такой подход возможен в естествознании, где для открытия общих законов природы ученые должны абстрагироваться от всего, частного и индивидуального в исследуемых явлениях и процессах. Поэтому каждый предмет и явление рассматривается здесь как один из многих экземпляров единого класса, который обладает одинаковыми общими свойствами.

Именно поэтому общие законы естествознания оказываются применимыми для соответствующего класса предметов и явлений природы, которые охватываются этими законами. Другими словами, объяснение отдельного явления в этом случае сводится к подведению его к определенному закону потому, что такой закон отображает некоторое общее свойство или отношение, присущее каждому отдельному явлению из соответствующего класса.

Совсем иначе подходит к своей науке историк. Когда он изучает, например, Великую Октябрьскую социалистическую революцию, то интересуется больше и, прежде всего именно тем, чем она отличается от других революций, происходивших в истории. Аналогично этому, анализируя события первой мировой войны, он будет интересоваться теми конкретными особенностями, которые выделяют ее среди других войн.

На это, правда, можно возразить, потому что историк в состоянии выявить также некоторые признаки, которые являются общими и одинаковыми для всех революции или войн, но это мало чем поможет ему при объяснении конкретных особенностей революции в России или первой мировой войны. Если рассматривать исторический факт как отдельный случай проявления общего закона, тогда сама история исчезнет. Предпосылками исторического исследования, заявляют некоторые историки, являются не подведение конкретного события прошлого под общий закон, а напротив более полное и конкретное изучение его деталей.

В ответ на это возражение их оппоненты заявляют, что без обращения к общим законам, гипотезам и понятиям немислимо никакое объяснение и даже коммуникация между людьми, поскольку всякое слово, выражающее понятие, уже содержат обобщение. Даже если историческое событие считается особенным в том смысле, что оно не может быть подведено под общий закон, тем не менее, мы не интересуемся им только как таковым, вне связи и сравнении с другими сходными событиями.

А это предполагает обращение к классификации и установлению общности между событиями. Кроме того, в отличие от явлений природы, которые можно изучать непосредственно с помощью наблюдений и опыта, исторические события относятся к прошлому и поэтому их можно исследовать только по сохранившимся свидетельствам. Это обстоятельство, конечно, приходится учитывать, но нельзя переоценить.

Тем не менее, бесспорным является то, что исходя, из своеобразия истории по отношению к естественным наукам современная методология истории склонна видеть различные виды исторического объяснения. И не только метод ситуационной логики, о котором говорит Гемпель.

Пожалуй, одним из распространенных и относительно простых является в историческом познании нарративное объяснение. Исходным в его толковании выступает прогресс простого описания. Например, в ответ на вопрос «как пройти или иному месту» – в качестве объяснения мы получаем простое описание маршрута. Историк часто пользуется обыденным языком, прибегает и такого рода объяснениям, которыми мы пользуемся в повседневной жизни.

В этом случае видно как историческое описание тесно переплетается с собственно объяснением, так как в нем уже просматриваются причинно-следственные связи и зависимости, закономерности происходивших событий, процессов.

В большинстве научных дисциплин описание представляет собой в некотором смысле «статичную» процедуру. Описываемый объект или явление как бы располагаются некотором смысловом пространстве и представляются в своих основных количественных или качественных характеристиках. Историческое описание в этом смысле отличается заметной спецификой. Его объекты неразрывно связано с протеканием времени. В результате оно превращается в «историю» – в рассказ, повествование, нарратив. По-видимому, не случайно, что одно из значений слова «история» в некоторых языках с их «естественной мудростью» – рассказ. Например, мы говорим: («Сейчас я расскажу вам одну интересную историю»).

Действительно, если мы раскроем обычные исторические работы, то увидим, что большинство из них представляет собой повествование или некоторую связанную совокупность повествований. Нарратив является традиционной формой классической исторической науки, и только в последние десятилетия историки пробуют отойти от событийной нарративной истории. Доминирование нарратива сближает историю с художественной литературой, в которой повествование играет центральную роль. Существуют и исследования (Об универсальных характеристиках повествования, применимых как к литературному, так и к историческому повествованию).

Однако есть и значительная специфика, отличающая исторический нарратив от художественного повествования. Во-первых, творческое воображение историка должно строго сдерживаться свидетельствами, фактами, его повествование должно также включать в себя столько информации, сколько требуется для того, чтобы из него стал ясен ход событий и их связи друг с другом. Писатель в этом плане может позволить себе гораздо больше. Во-вторых, историк должен пользоваться ясным, эмоционально нейтральным и по возможности общепонятным языком. Наконец, и это самое главное, историк своим рассказом не только изображает некоторые события, он также должен объяснять, как начальный пункт его истории путем достаточно связанных между собой преобразований превратился в ее конечный пункт.

Исходя из этих соображений, некоторые историки полагают, что исторический нарратив обладает некоторой устойчивой логикой и является одновременно не только описанием, но и объяснением. Это совпадение обычно различающихся методологических процедур обосновывает, например,

известный американский представитель методологии истории Данто¹. Он обращает внимание на то, что в историческом повествовании содержится определенное преобразование исходных событий в конечные, преобразование, согласно Данто имеет такую схему. Есть исходный исторический факт. Через некоторое время этот факт сопровождается определенными следствиями. Затем, факт с течением более продолжительного времени с момента своего возникновения, приводит к конечному результату.

Вторая, средняя часть этой схемы и есть, собственно, основная часть нарратива, «story», которую рассказывает историк. Именно она дает объяснение того, как и почему (1) стало (2). Можно представить это объяснение в виде своего рода «закона»: F, с которым происходит H, преобразуется в G т.н. каузальное (причинное) объяснение.

Заметим, что исторически причинные объяснения являются простейшими по типу и поэтому особенно широко используются в повседневном мышлении. Чтобы объяснить данное явление (следствие), обычно ссылаются на другое явление, которое предшествует ему (причина) и вызывает или порождает данное явление. Хотя в принципе такое причинное объяснение, образно говоря, не всегда срабатывает. Скажем день, хотя и предшествует наступлению другого – ночи, но никто не назовет день причиной ночи. Здесь для причинного объяснения обязательно следует определить тот общий причинный закон, который устанавливает регулярную, необходимую связь между причиной и следствием.

Однако уязвимость и подобного общего закона тоже очевидна. В советской исторической науке, например, ход изменения исторических событий и процессов объяснялся экономическими причинами, которые выступали конечными причинами образования любого явления прошлого. Скажем, Октябрьская революция выступила как следствие материальных предпосылок развития капитализма в России. Отсюда исследование причин этого исторического события ограничивалось выяснением процессов роста рабочего класса, усиления классовых столкновений между русской буржуазией и трудящимися и т.д. Но такое объяснение в основе своей было ограниченным. В частности оно игнорировало тот факт, что Октябрьская революция в определенной мере была следствием активной революционной деятельности большевиков, личности В.И.Ленина стоявших во главе них, стечения роковых событий (безвольная фигура Керенского, отсутствие гибкости в политике Временного правительства и др.).

Подобное каузальное объяснение, господствующее в советской методологии истории можно еще назвать объективистским. Оно объясняло историческое явление, процесс исходя из объективно действующих тенденции, материальных в своей основе. Такой подход игнорировал действия субъективного фактора и истории, рассматривал его как пешку в водовороте исторических процессов.

---

¹ Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2002. С.212.

Кстати такой подход, акцентирующий внимание на исследование в истории исключительно экономических причин совершенно не разделялся ни Марксом, ни Энгельсом, которых считают создателями этого метода. Ф.Энгельс писал: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим элементом, в конечном счете, является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Экономическое положение – это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки...»¹.

С точки зрения учета субъективной составляющей в исследовании истории интерес представляет телеологическое объяснение.

Телеологическое объяснение (от греч. telos – цель, logos – учение) представляют такой способ объяснения, при котором основное внимание обращается на цели, смысл и намерения деятельности людей.

Выделим основные виды телеологического объяснения в исторических исследованиях: мотивационное, интерпретационное и ситуационное, различающиеся по характеру основания, базиса объяснения.

Основание мотивационного объяснения указывает на социально-психологические условия рассматриваемой эпохи, индивидуальные особенности действующей исторической личности.

Основание интерпретационного объяснения включает свидетельство письменного источника, зафиксировавшего определенное объяснение мотивов и целей, данное его участником или свидетелем.

Основание ситуационного объяснения указывает на намерения, побуждения и действия тех социальных классов, групп или слоев, которые предопределили мотивы и цели действий конкретного исторического персонажа. Добавим, что в практике исторического исследования все основные виды телеологического объяснения – мотивационное, интерпретационное и ситуационное – тесно взаимосвязаны, и можно говорить лишь об условном их выделении.

Телеологические объяснения, которые постепенно получают признание в отечественной историческом познании, тем не менее, имеют определенный недостаток. Дело в том, что при его применении есть опасность недооценки объективной исторической ситуации, преувеличение мотивов, целевых установок персонажа истории. Кроме того, объяснение последних дело со многими слагаемыми. Скажем, современные историки до сих пор спорят, был ли развал СССР и социализма в этой стране следствием сознательных устремлений М. Горбачева или нет. Тем более, как известно, этот ныне здравствующий исторический персонаж своими высказываниями на этот счет дает повод для подтверждения как той, так и другой версии. Согласимся, что такого рода раздвоения объяснения могут быть применены к любому историческому деятелю.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 234.

Тем не менее, при наличии такого недостатка телеологические объяснения дают интересную в познавательном отношении многокрасочную картину истории.

Отметим также, что телеологическое объяснение является разновидностью структурно-функционального. Структурно-функциональное объяснение состоит в выявлении структуры и функции того или иного исторического события, явления. Понятия структуры и функции неразрывно связаны. Говоря о функции, стремятся выделить те основные элементы, которые ее осуществляют; говоря же об элементах системы, стремятся выявить их функциональные характеристики.

Такого рода объяснениям историк прибегает, стремясь выявить сущность, скажем, системы государственного управления той или иной страны или, например, «опричнины», введенной Иваном Грозным, как системы с ее элементами – опричной боярской думой, приказами, опричным войском и т.д.

Объяснение в исторических исследованиях таких событий, как народные движения, гражданские войны, т.е. в предпосылках которых имеются факторы недовольства народных масс существующим положением и их стремление изменить его, строится обычно следующим образом: объяснение начинается с указания стремлений, чаяний, желаний различных классов или социальных групп. Субъективный же фактор в этом случае проявляется как совокупность индивидуальных стремлений, целей, мотивов, является выражением воли большинства, обусловленной влиянием идеологии или умонастроений того времени.

В случае же когда дается «чисто» телеологическое объяснение, т.е. объясняется поступок отдельного исторического персонажа, такое объяснение, безусловно, будет менее полным. Однако историки часто прибегают и к таким объяснениям.

Особенно часто такого рода объяснения встречаются при написании биографии исторических личностей. Биография такой личности раскрывает связь, взаимодействие человека и эпохи. Историк анализирует и внутренний мир такого индивида, его мотивы и цели, воссоздает логику (или алогичность) мыслей и чувств своего героя, поступки которого были социально значимы, оставили след в истории. Такой, по-своему яркой личностью в русской истории был, например, Иван Грозный, воплотивший в своей личной жестокости и нравственное состояние общества своего времени. «Биографии – всегда сгусток истории, конкретизация общественных процессов времени в судьбе человека», – отмечал историк Г.С. Кнабе¹. Духовный мир индивида, обусловленный, в конечном счете, окружающей действительностью, нередко так изменяется под влиянием обстоятельств, что подчас даже способен со временем превратиться в свою противоположность.

---

¹ Кнабе Г.С. Знак. Истина. Круг. М., 1995. С. 23.

Окружающая действительность, формируя личность, во-первых, способствует возникновению тех или иных чувств и побуждений к действию, поступку, во-вторых, способствует или препятствует их реализации, иначе говоря, предопределяет их результаты.

Таким образом, телеологическое объяснение имеет самостоятельное значение в исторических исследованиях, однако оно является и важным аспектом, составной частью сложного причинного или генетического объяснения, а также присутствует в качестве неявной предпосылки в структурных, функциональных и других картинах исторического объяснения

Раскрытие внутренних, генетических причин обусловивших возникновение исторических событий, особенно важно для исторического исследования. Причинное объяснение принимает в этом случае форму генетического. Задача генетических объяснений состоит в том, чтобы установить последовательность главных событий, посредством которых ранняя система трансформировалась в более позднюю.

Генетические объяснения даются историком в основном при анализе естественноисторических явлений и процессов, вопросов о происхождении, строении (или структуре) и функциях (или основном значении, основной роли), этих явлений и процессов в ходе общественного развития.

Генетический тип объяснения в исторических исследованиях носит в основном теоретический характер, в его основе лежат общие теоретические принципы, однако и эмпирически-индуктивные приемы анализа сохраняют здесь свое значение. Исследователь мысленно строит теоретическую схему объяснения, затем наполняет ее конкретным эмпирическим содержанием, и первое не должно противоречить второму.

Блестящим примером применения генетического исторического объяснения является работа Полибия «Всеобщая история»¹. В его работе вырисовывается образ всемирной истории, «частями» которой были истории отдельных этнополитических организмов. Полибий видит смысл истории в так называемых естественных циклах. Государство в этом случае уподобляется индивиду: оно проходит последовательно через юность, зрелость, затем стареет, приходит в упадок и исчезает. Полибий близок к осознанию истории как науки, открывающей регулярные закономерности, которые управляют жизнью общества. И это позволяет ему уточнить и развить понимание предмета и цели историописания. Более того, Полибий впервые выразил идею круговорота в истории, ибо, опираясь на естественные циклы в жизни человека и проецируя их на историю государства, он предвидел, что за возвышением Рима когда-нибудь неизбежно последуют его закат и падение.

Полибий понимаемой им генетической истории связывает, прежде всего, с историей военной и политической, он требует, чтобы историк был современником, а еще лучше – участником изображаемых событий.

---

1 Полибий. Всеобщая история. М., 2004. С. 153.

Государственный и военный опыт историка – очень важное условие полезности его труда. Лучше всего, если историю пишут сами государственные деятели. Важный признак генетической истории – последовательное изложение событий с учетом каузальных связей. Только такая история отвечает на вопросы: что, почему и для чего происходит. События, считает Полибий, соединены между собой некой внутренней связью и взаимно обуславливают друг друга. При этом Полибий допускает лишь внутриисторическую причинность, коренящуюся в самих событиях. Подобные связи между событиями существовали всегда, но они были менее очевидны и большинство историков их либо не замечали, либо оставляли без должного внимания. Полибий неоднократно отвечает, что во время сцепление событий стало не только намного очевиднее, но и полностью определили характер исторического процесса сближения политических интересов римско-карфагенского Запада и Греко-македонского Востока.

Однако чтобы правильно понимать ход исторических событий, необходимо, как считает Полибий, владеть приемами углубленного анализа причинно-следственных связей. Эти связи автор определяет как соединение причины, предлога или повода и непосредственного начала событий, чаще всего военных действий. Эта последовательность звеньев причинно-следственной цепи, по мнению Полибия является неизменной. Многие историки, говорит он, пытались объяснить связь событий, но делали это неправильно, путая указанных компонента. Однако Полибий вынужден признать, что не все события поддаются такому анализу. Он отказывается, например, искать причины неурожаев, внезапных эпидемий, стихийных бедствий.

В современном историческом познании применяется и модельное объяснение (объяснение по аналогии). Суть модельного исторического объяснения заключается в выявлении причинно-следственных связей исторического события, явления и т.п. путем построения аналогии. Такой метод основан на том, что в реальном историческом процессе могут быть события, которые в известных чертах, признаках имеют процессы схожести. Скажем, историки проводят определенные исторические аналогии между хрущевской «оттепелью» и перестройкой М. Горбачева преобразованиями И. Грозного и реформами Петра I. Однако при применении модельного объяснения следует помнить, что в истории никогда не было и не может быть полной, абсолютной аналогии событий. Не случайно говорят, что «история ничему не учит». И это правильно. В известном смысле, ибо аналогии в нюансах, деталях, множество сопровождаемых событий, обстановке не может быть. Есть аналогия в главных, общих исторических тенденциях.

И в этом смысле применение модельного объяснения обосновано. Скажем историк, сравнивая, преобразовательные процессы И. Грозного и Петра I без труда может уловить, что их общий дух, несмотря на большую разницу во временной истории объективно способствовал «вестернизации» России,

сближению страны с Западом и его культурой. Однако надо признать, что в силу упомянутой выше причины метод модельного объяснения довольно редко применяется в историческом познании.

То же самое можно сказать и об объяснении посредством системы законов. Последнее состоит в «подведении» того или иного исторического события, процесса под систему законов, изучаемых различными науками, которые влияют на ход общественного развития и в своей совокупности объясняют их возникновение. Одна из причин слабого применения этого метода в исторических исследованиях, на наш взгляд состоит в известной замкнутости науки истории, слабом развитии связей ее с другими дисциплинами. Нередко ссылки на положения, законы других наук указания на связь с ними рассматриваются некоторыми историками как покушение на их вотчину, подтверждение якобы отвлеченности, абстрактности исторического исследования.

Эффективность объяснения посредством системы законов в том, что оно позволяет историческое познание природы события дополнить, а чаще всего убедительнее доказать ссылками на законы других наук, чаще всего гуманитарных наук. Исторический образ И. Сталина, например, будет более убедительно объяснен, если мы сошлемся и обоснуем его с точки зрения философских категорий необходимости и случайности, знакомства с природой болезней «паранойя», которым болела эта личность. Интересная историческая проблема – получения современным Казахстаном государственно-политической независимости также глубже будет исследована, если мы к ней подойдем не только через динамику исторических событий, но и законов экономического и политического кризиса, в котором находился СССР в начале 90-х годов XX в.

В историческом познании применяется и так называемый метод нормативного объяснения. Речь идет о нормах, правилах в истории, а не о законах имеющих регулярный и устойчивый характер. Особенно следует учитывать при исследовании истории повышенную роль норм в традиционалистских обществах. Таким обществом в истории, например, был Советский Казахстан. Решения, резолюции КПСС, указания генсека играли в этом обществе важную, если не сказать больше решающую роль в развитии различных событий, действиях той или иной личности. Если представить себе, что через сотни лет будущий историк будет изучать хронологию декабрьских событий 1986 г. в г. Алматы, то можно предположить, что первый вопрос, который из него возникает это вопрос – а где здесь правовые регуляторы этого драматического события?. Но дело как раз в том, что здесь знание нормативного объяснения позволит исследовать не столь часто встречающуюся в современном обществе ситуацию, когда приказы, решение одного человека (генсека) были не только выше право, но они раскрывали, всю основную историческую динамику развертывания этой общественной драмы в Алма-Аты.

Таким образом, данные методы исторического объяснения позволяют говорить, что в каждом из них свои преимущества и в тоже время недостатки.

Вопрос состоит в том, чтобы применять их не механически, а ситуативно, исходя из тех задач, которые предстоит решать в историческом познании.

И еще одно обстоятельство. Говоря о различных разновидностях объяснения в истории, необходимо подчеркнуть их взаимосвязь, тесное единство. Например, генетическое объяснение тесно связано с причинным, однако они могут дать лишь одностороннее знание об историческом феномене, которое может быть дополнено знанием его структурных и функциональных характеристик. Историческую драму голода в Советском Казахстане в 20-30-е годы, например, в известной степени можно объяснить процессом искусственного ускорения кочевых хозяйств казахов к оседлому образу жизни. Но согласимся, что при всей очевидности такой каузальной связи объяснение массового голода унесшего миллион жизни казахов все же будет неполным. Здесь следует учитывать и идеологические цели сталинской идеологии, и общий процесс хода коллективизации и политику лично Голощекина в Казахстане и т. д. т.е. причинно-следственное объяснение голода должно быть дополнено еще и системным и функциональным подходом.

Каждый из этих методов исторического исследования при его реальном применении к познанию истории способен дать результативный вывод отнюдь не всегда согласующийся с результатами другого метода. Вполне наглядно это демонстрируется, например, всем знакомом нам осмыслении роли М.С. Горбачева в сломе СССР и советского социализма. Нарративные, больше похожие на средства художественной беллетристики, методы исторического исследования в большей степени дают довольно поверхностную, основанную зачастую на общеизвестных исторических фактах интерпретацию исторической роли М.С. Горбачева. Телеологическое объяснение, достаточно вспомнить в качестве примера работу Б. Олейника «Князь тьмы» рисует нам образ этого деятеля целенаправленно заинтересованного в демонтаже СССР и социализма в этой стране. Здесь присутствуют и некоторые мистические обстоятельства, намекающие на тайную связь М. Горбачева с масонством, таинственными силами Запада. Более того, даже родовое пятно на голове деятеля несет в себе зловещий, злонамеренный замысел действий этой личности. Структурно-функциональный метод акцентирует внимание на исследование особенностей внутреннего характера М. Горбачева, его достоинствах и недостатках, или на учете только одного из них и, исходя из них пытается объяснить практические шаги деятеля в проведении тех или иных реформ, его роли в целом в судьбах СССР и социализма. При генетическом методе исследования М. Горбачев предстает в истории как лицо плот от плоти вышедшее из советской партийной номенклатуры, несущее отсюда органически все недостатки и достоинства в проводимую им политику конца 80-х –нач. 90-х. годов XX в.

Таким образом, интерпретация исторической роли М.С. Горбачева в судьбах СССР заметно варьируется и даже в существенном различие в зависимости от того каков метод исторического объяснения историком применяется. Было бы неверным научно предпочесть один из вышеприведенных методов, а остальные отбросить в сторону, субъективно

оценив их как отражательные. Истина наверно лежит посередине. В каждом методе исторического объяснения есть свои достоинства и недостатки. Скажем, нарративный метод давая успешно общую целостную картину исторического факта недостаточно глубок в выяснении сущностных тенденции познаваемого явления. Заданность, целевая установка телеологического метода при всей его привлекательности состоящей в его осознанности несет в себе игнорирование тех исторических обстоятельств, которые не вписываются в заданную исследователем - историком схему.

Можно подобным образом находить достоинства и недостатки и других методов исторического объяснения. Однако согласимся, что результаты реализации этих методов исторических исследованиях дают чрезвычайно богатую палитрами краску изучаемого исторического явления. Несомненным достоинством методов исторического исследования состоит в том, что они построены, на разумной интерпретации истории, на последовательно – логической форме своего выражения. Именно, думается, это обстоятельство и сделало метод объяснения в историческом познании привлекательным, господствующим, исторически древним, существующим с момента возникновения истории как науки.

Однако будем справедливы, историческое исследование нередко оценивается не по эффективности применяемого исследователем метода, а зачастую по общей значимости работы, богатству использованного в них фактологического материала. Первое говорит о связи исторического исследования с политикой времени выхода работы, второе оценивается историками – профессионалами. При этом они не всегда совпадают друг с другом. Например, исторические работы Ключевского, С.Соловьева соответствуют и державному сознанию российской власти и высокой их оценки учеными-историками. В тоже время работы Л. Гумилева в оценке властных структур России также значимы, но все же не дотягивают до уровня двух первых историков. Исследования Л. Гумилева, бесспорно, высоко ценимы в научном сознании историков.

Историк-исследователь является чрезвычайно щепетильным как к методу исторического исследования, так и его результатам. При этом он склонен их рассматривать в строгой причинно-следственной связи, где метод исследования выступает исходным, изначальным. Об этом говорит отношение современной научной общественности историков-ученых к той версии исторического объяснения, которая не укладывается в схему ни одного из вышеназванных. Ее можно назвать квазинаучной формой объяснения, появившейся на постсоветском пространстве в середине 90-х годов усилиями людей далеких от профессиональных занятий исторической наукой. В основе их требований необходимость пересмотра той модели всемирной отечественной истории, которая сложилась на основе фундаментальных научных исследований.

Разумеется, любое научное знание не вечно, оно представляет собой длительный и неравномерный по интенсивности процесс, а не раз навсегда определенный результат: дальнейшие разработки могут внести коррективы или

привести к полной реконструкции сколь угодно масштабных научных концептов и парадигм. Особенно характерно это для гуманитарных научных дисциплин. Подобного рода гибкость представляет собой принцип, естественно присущий науке в целом так же, как изменчивость естественно присуща биологическим объектам с точки зрения генетики. Более того, научное знание, относящееся к одной и той же сфере или ряду фактов, нередко пребывает в виде целого набора версий, количество и качество которых зависит от различия теоретико-методологических платформ исследователей, состояния инфраструктуры отрасли, внешнего влияния социума на конкретный научный институт и т.п. Дискуссия, полемика, организационное обсуждение конфликта интерпретаций – те формы жизни научного сообщества, без которых не мыслим какой-либо заметный прирост научного знания. Но человек, не принадлежавший к этому научному сообществу (притом к определенной его ветви) может полноценно включиться в профессиональный диспут о наиболее спорных научных проблемах (например, о спорных местах в истории) лишь в том случае, если сумеет овладеть методическим и техническим арсеналом, которым располагают его оппоненты. В противном случае, ему придется либо симулировать научные разработки, либо так или иначе дискредитировать научное сообщество, отыскивая в ненаучной сфере аргументы, которые дали бы право отрицать ценность критики со стороны профессиональных исследователей.

Так и произошло в трудах псевдоисториков названного периода (совокупность литературы подобного рода получила наименование в терминологии некоторых российских историков «фольк-хистори») ¹. Обществу навязывают варианты реконструкции исторической действительности, не имеющие ни малейшего научного обоснования. При этом историческая наука подвергается самой агрессивной критике, читателя всячески убеждают, что историки – профессионалы несостоятельны в своем ремесле и падки на умышленные фальсификации.

На протяжении нескольких лет фольк-хистори не встречала фактически никакого отпора и превратилась в значительный компонент общественной мысли. Этот компонент мощно влияет, и будет влиять на массовые представления о прошлом, на программы учебных заведений, на историческую беллетристику. Можно условно представить систему исторического знания в виде своеобразной «ромашки»: в центре находится научное знание (историческая наука) – здесь добывается из источников фактический материал, получающий целый спектр интерпретаций, конвенционной находящийся в поле научной организации знания, а в дальнейшем на основе фактов и их интерпретаций производится реконструкция исторической действительности; полученные версии реконструированной действительности переходят в другие сектора-лепестки (популярная история, историческая беллетристика, дидактическая

---

¹ Володохин Д.И., Елисеев В., Каманина А. Империя фольк-хистори // Книга и время. 1998. № 8. С. 57.

история, историческое знание в сфере политики, искусства т.п.), где трансформируются и функционируют в соответствии с локальной инфраструктурной ситуацией. Фольк-хистори, совсем недавно получившее территорию в этой «ромашке», претендует на роль нового «центра», а не одного из секторов.

Буквально за последние 15-20 лет несколько лет произошла внутренняя самоорганизация сообщества фольк-хистори; появились даже зачатки группового самосознания. Все чаще, например, представители фольк-хистори, принадлежавшие к совершенно различным направлениям, применяют по отношению к сфере своей активности название «альтернативная история», которое имеет шансы превратиться со временем в самоназвание фольк-хистори. Г.А. Елисеева совершенно справедливо пишет: «Сейчас мир фольк-хистори разросся и зажил своей отдельной жизнью. В нем существуют собственные авторитеты, герои и гении. Одни авторы с уважением цитируют других, ссылки на одни фольк-исторические труды переключиваются в другие... Мир монстров, живет полной жизнью, пародируя жизнь серьезной науки»¹.

Фольк-хистори в небольших дозах всегда, видимо, присутствовала в общей системе исторического знания. Еще несколько лет назад весьма популярной была оценка, согласно которой фольк-хистори – всего лишь сниженный вариант научной истории, изложенная дилетантами. В начале 90-х, вероятно, так оно и было. Однако в середине 90-х гг. в постсоветских странах произошел количественный скачок влияния этого феномена в рамках названной системы, что привело, в конечном итоге, к качественным изменениям. Как уже говорилось, фольк-хистори обрела роль важной составляющей в спектре основных компонентов общественного сознания. Что послужило причиной (или, вернее, причинами) к этому? Что стало той плодородной почвой, на которой возшло это диковинное растение? Прежде всего, особенности переломного состояния той страны, которая некогда называлась СССР. Известно, что на протяжении всего советского периода тесная связь интерпретации истории, особенно СССР с известным мировоззрением была вполне ординарным, повседневным явлением. После утраты данным мировоззрением доминирующей позиции из-за тесной связи оказался так же поколеблен авторитет исторической науки, и профессиональные знания историков перед лицом массового скепсиса оказались почти бессильны. Долгий и сложный процесс адаптации инфраструктуры и теоретической мысли научного сообщества ученых-историков к новой политической ситуации лишили историческую науку возможности достаточно мобильно реагировать на постоянно возникающие общественные запросы на новые исторические знания. В сферу взаимодействия истории и общества вторгся журналист,

---

¹ Елисеева Г., Станкова И. Под знаменем фольк-хистори // Читающая Россия. 1998. № 2. С. 145.

тесня далее качественную, но запаздывающую информацию исследователей, собственной, поверхностной, однако быстрее доходящей до потребителя.

Наконец, следует учитывать и то, что распад СССР и формирование независимых государств на его территории потребовали создание новых официальных идеологических схем, и в частности, теоретических каркасов национально-государственной истории для каждого из них; это, в свою очередь, инициировало массовый прорыв националистических настроений в систему исторического знания. В целом, названный комплекс причин является внешним по отношению к развитию научной мысли в области истории. Поэтому не историческая наука ответственна за расцвет фолк-истории.

Существует и другой комплекс предпосылок, обусловивших «триумфальное шествие» фолк-истории в 90-х. Инфраструктурная модель исторической науки и ее ролевая, функциональная установка в социуме советского периода резко отличались от западных аналогов. Здесь было бы неуместно вдаваться в рассуждения о том, что позитивного и негативного несло подобное положение вещей. Гораздо важнее другое с начала 90-х гг. исторической науке бывшего СССР пришлось принять общие «правила игры». То же самое можно сказать и обо всей гуманитарной сфере. Адаптация исторической науки, во-первых, стала частью более масштабного процесса, затронувшего колоссальный сектор науки и культуры и, во-вторых, происходила не только в плане простого приспособления к политическим трансформациям в жизни страны: фактически понадобилось перестраивать состав и внутреннюю жизнь базовых структур научной истории под образцы, принятые в европейских и американских сообществах историков. Думается, преждевременным было бы утверждение о том, что эта масштабная подвижка уже завершилась и совершенно неуместно здесь оценивать негативные и позитивные стороны подобного рода изменения. Столкновения с фолк-историей – естественный этап этого процесса. Если для западного мира функционирование значительной части гуманитарной сферы в рамках массовой культуры – привычное дело, то в России расслоение на производителей духовных ценностей для интеллектуальной элиты и отдельно для массового потребителя в среде гуманитариев еще не окончено. Возникновение империи «фолк-истории» в сущности, отражает социальный аспект медленного погружения большей части системы исторического знания в среду массовой культуры. Поскольку в общественном сознании России роль творца в этой среде на данный момент оценивается не слишком высоко, ее представитель (представитель фолк-истории, например) стремится всеми силами доказать, что он причастен к «высокой культуре и науке; те, кто к ней действительно причастны, инстинктивно отталкиваются от подобного соседства. Но с финансовой точки зрения более крепкий мир массовой культуры дает в таком столкновении больше возможностей. Поэтому вместо естественного разделения социальной функции между двумя различными ветвями сообщества

гуманитариев происходит агрессивное вытеснение элитарной культуры и в том числе фундаментальной научной истории с ее естественных позиций.

Что представляет собой те особые законы функционирования в рамках массовой культуры, которые доминируют в формировании характерных черт фольк-истории? Массовая культура, в общем, и массовая литература в частности - дело в основе своей коммерческое. Эксплуатируется несколько простых сильных эмоций современного горожанина, которые в обычном состоянии не получают достаточного выхода: жажда романтических любовных переживаний, жажда риска, приключений, тяга ко всему сверхъестественному, мистическому, тайнам и загадкам, интерес к смерти (отсюда два золотых каньона массовой литературы- темы катастроф и маньяков-убийц)

«Клиент» получает «товар» в достаточном количестве, чтобы расслабиться, вне зависимости от того, каким рынок массовых развлечений заставляет этот товар сделать и какие нормы человеческого общежития поставят под удар при его производстве. Хочешь роскошной любви на Гавайях – на любви на Гавайях, хочешь трупы вокруг тонущего «Титаника» – на трупы, хочешь хирурга – маньяка – на хирурга – маньяка. Массовая литература может нести прививку крепкой мужской дружбы, милосердия и благородства, точно так же как и прививку одного- единственного острого желания: выйти на улицу и дать ногой в зубы первому встречному. Неважно, какую прививку он несет – на первом плане всегда была, есть и будет классовость. Со всеми этими задачами справлялись традиционные жанры массовой литературы – боевики всякого рода, «ужастики», дамские романы, вестерны. Не прошло и десяти лет с тех пор как в отечественном массолите появился новый жанр – фольк-истори. Он оказался весьма перспективным с маркетинговой точки зрения. Гвоздь успеха – умело найденная новая эмоциональная ниша: страсть к заглядыванию в темный колодец великих цивилизаций древности. Историческая фактура в фольк-истории препарирована таким образом, чтобы многомиллионные массы, пожелавшие вечером получить релаксацию после тяжелых рабочих будней, потребляли ее с не меньшей охотой, чем чтиво о метких гангстерах и соблазнительных проститутках. Поэтому всякого рода точность здесь отходит на десятый план, уступая роль первой скрипки занимательности.

Фольк-истори как составная часть массовой литературы «раскладывается на четыре необходимых при производстве технических элемента: интрига, то есть основная идея, где отыскать и как представить потребителю обширный комплекс разгаданных тайн древности; обличительный пафос, то есть накал борьбы с образом врага, мешавшего до сих пор раскрыть истину, да и сейчас еще опасного (историки-профессионалы, тоталитарного правительство и т.п.); фактическая аргументация; «позитив» – то есть реконструкция на основе «разгаданных тайн» большого пласта исторической реальности.

Примечательно, события исчисляемые временем довольно произвольно могут разворачиваться в полном противоречии исторической реальности в подробностях, но это жанр процессов, а не состояний. Причина-отсутствие источниковедческих навыков, незнание технических приемов исторического

исследования. Еще одна характерная черта – слабость фактической аргументации (по тем же причинам). Нередко обоснование фактами заменяется ссылкой на общую «правильность» теории или вписыванием того или иного события, процесса, лица в общую схему: само пребывание внутри этой схемы оказывается гарантией правильности интерпретации.

Историческая реальность в фольк-истори эфемерна. Фольк-истори демонстрирует общественности своеобразный образчик объяснения, как метода познания истории. Его можно определить как нормативный метод по аналогии с советской исторической школой, при которой изучаемый материал интерпретировался в строгом соответствии с «нормой» – решениями пленумов и съездов ЦК КПСС.

И здесь мы видим нечто подобное. «Историческое» исследование фольк-истори заранее, априори строится из определенной схемы, под которую подгоняются (по большей части) или откровенно фальсифицируются исторические факты. Здесь мы не найдем должной научной верификации своих «открытий» общепринятой исследовательской процедуры. В таких «исследованиях» как правило, отсутствуют указания на источники. Для них характерно нежелание реконструировать историческую реальность, а географические названия, имена исторических личностей, упоминания источников – все это работает на эффект максимального приближения к действительности (далее-МПД). Любой город, любое событие в книгах Фоменко или, например, М. Аджиев – такой же симулякр, как энциклопедия Тлена у Борхеса, или ссылки того же Борхеса на никогда не живших авторов и никем не написанные книги. Поэтому северную границу степных владений тюрков можно безболезненно проводить по Москве-реке, Иисуса Христа превращать в сына степного бога Тенгри, Куликово поле размещать в Китай-городе, менять названия города Брянск (в летописях Дебрянск) на тюрское Биринчи, нелепо отождествлять с Липецком, а раннесредневековые варварские королевства Западной Европы выводить из гипотетической державы Аттилы. Читатель под действием эффекта МПД проникается впечатлением достоверности: если металлическую ложечку положить в стакан с водой, то она покажется искривленной...

В итоге – создаются исторические мифы, где есть метод объяснения, но своеобразный, более того даже противоположный научному. Здесь важен не поиск объективной истины, а установки ничего общего не имеющие с наукой. Чаще всего они связаны с поисками этничности, его возвеличивания или другая крайность – национальной уязвимостью. Хотя порой такая связь не сразу видна, но она, как правило, есть, ибо проявляется упрощенно. К таковым, например, относятся утверждения фольк-истори о том, что Аттила, Заратустра, Чингисхан, аль-Фараби, Бейбарс и многие другие принадлежат к казахской цивилизации.

Но эта же этничность, но уже в форме гипертрофированной национальной обиды проявляется в фольк-истори, когда она все процессы социалистической модернизации рассматривает как «продолжение традиции российского

самодержавия». Так, например, преимущественно сырьевой характер промышленности Казахстана объясняется не через стратегии, заданные в целом развитию советской экономики на чисто экстенсивные показатели, а «целенаправленно осуществляющейся колониальной политикой метрополии». Та же сугубо «колониальная» проекция выводится и из трагической истории разрушения традиционной структуры жизнеобеспечения казахского этноса в период коллективизации. В этом случае «сталинская аграрная революция» выступает как сила, разрушившая общинно - крестьянские устои на всем советском пространстве. Но игнорируется то, что русская культура, традиции и духовность в такой же степени пострадали от большевизма и сталинизма, как культура других народов.

Прямолинейность, однозначность, упрощенчество – типичные признаки метода объяснения в фольк-истори. Чего уж проще: голод 1932-1933 гг. в Казахстане – то это специальная акция сталинского режима, Октябрьская революция – то это результат «изуверского плана осуществленного кучкой большевистских жидо-масонов», советская экономика при Л. Брежнев – однозначно застойная и пр. Примеров такого упрощенного толкования истории фольк-истори можно приводит немало. Но в одном они одинаковы – игнорирование сложной мозаики причинно-следственных связей истории как реальности. Понятно, например, что уже упомянутый голод 30-х годов в Казахстане не может быть специальной акцией, ибо он имел место в это время и в России и на Украине и других регионах СССР. Советская экономика при Л. Брежнев имела не только известные застойные явления, но и отрицательные (игнорирование национальной самобытности) существующие наряду с позитивными (успехи в космической отрасли и др.).

Упрощенная полярность трактовке исторических лиц, событий также характерная черта метода объяснения фольк-истори. Интернационалист Ленин и великодержавник Сталин, хороший Мирзоян и мерзавец Голощекин – вот некоторые образчики примитивной трактовки деятелей прошлого. А между тем, должно быть понятно, что при всех известных личностных различиях (положительных, отрицательных, чаще переплетающихся) все они являлись людьми определенной Системы. И, безусловно, объяснение исторических деяний каждого из них требует учета и анализа именно этих глубинных оснований этой Системы, которые во многом раскрывают логику мысли и действий данных личностей советского времени, в значительной мере сложную и противоречивую.

Характерно, что подобные опусы – «исследования» фольк-истори обычно рассчитаны на обывателя – массового человека не слишком искусственного в науке. Весьма показательна в это отношении слова А.А. Бушкова автора детективных романов и классического произведения фольк-истори «Россия, которой не было», уже в предисловии делить читательскую аудиторию на две части: «Те, кто привык механически принимать на веру все, о чем гласят толстые, умные, написанные ученым языком книги, могут, сразу же выбросить сей труд в мусорное ведро. «Россия, которой не было» рассчитана на другую

породу людей- тех, кто не чурается дерзкого полета фантазии, тех старается доискаться до всего своим умом и рабскому следованию авторитетом предпочтет здравый смысл и логику»¹.

Так всякому скептически настроенному читателю исподволь навязывается комплекс вины, всякий сторонник научного знания попадает в разряд людей, лишенных «дерзкого полета фантазии». Тот, кто выбрал эмоционально более выгодную позицию союзника автора, подсознательно настроен, обходить вниманием даже очевидные фактические ошибки и просчеты в логике. Известная в России такая группировка историков под руководством П. Фоменко апеллирует к затаившему со времен 60-х гг. противостоянию «физиков» и «лириков». Сторонники «глобальной хронологии» обращаются к авторитету точных наук, неизменно стоявшему чрезвычайно высоко в нашей стране: «Подчеркнем, что новая концепция основывается, прежде всего, на анализе исторических источников методами современной математики и на обширных компьютерных расчетах. Сегодня мы пытаемся восстановить правильную хронологию и историю древности методами естественных наук и надеемся, что находимся на последнем этапе долгого пути»². Читатель и здесь получает еще до знакомства с книгой абсурдную альтернативу: верить или не верить математике? Добрая слава математики как основы современной науки в целом в данном случае эксплуатируется в качестве элемента максимального приближения к действительности

Фольк-истори представляет собой реальную опасность для исторической науки (научной истории), поскольку сама, как уже говорилось, претендует на роль источника для всех прочих секторов исторического знания. Связь с этими секторами означает для научной истории связь с обществом, а вытеснение ее из названного коммуникативного пространства лишает смысла формулу «общественная дисциплина»: историческая наука оказывается в положении изолированной от главных информационных потоков социума сектой фольк-истори.

Заметим, что еще в первой половине – середине 90-х гг. неоднократно говорилось о ситуации «методологического плюрализма» (Ю.Н. Афанасьев), «методологической растерянности» (В.П. Пушкин) или «методологического веера» (А.Е. Шикло). В реальности происходил быстрый слом монистической модели исторического знания. На протяжении десятилетия шла своего рода конкурентная борьба разного рода теоретико-методологических конструкций за место доминирующей парадигмы, утраченное марксистской платформой. В последние три-четыре года раздаются все больше голосов в пользу принципиального отсутствия возможностей реконструировать монистическую модель. С множественностью методологических, также историко-философских подходов в науке большинство историков, кажется, примирились и воспринимают подобное состояние как вполне естественное.

---

1 Бушков А.А. Россия, которой не было. М., 1993. С. 34.

2 Там же. С. 134.

Но полной неожиданностью (да еще и не совсем осознанной к настоящему моменту) оказалась экспансия на традиционную «территорию» исторической науки извне, со стороны фольк-хистори, фактически претендующей занять доминирующую позицию в ключевых структурах системы исторического знания. Академический менеджмент не воспринимает названную экспансию с должным вниманием, и это понятно. Стержневые ментальные устои научного сообщества не обладают иммунитетом к угрозам подобного рода: трудно поверить в само существование опасности, что профессиональная научная деятельность окажется в подчинении положении по отношению к группе агрессивных профанов. Развернутой критике подобные псевдоисторики были подвергнуты в начале марта 2004 г. в Казахстане в Алматы где был проведен «круглый стол» на тему «Феномен альтернативной истории в призме научного знания».

Вот мнения из выступлений историков-профессионалов участников круглого стола, опубликованных в газете «Казахстанская правда» от 11 марта 2004 г.

1) «Мы проанализировали тенденции мифотворчества в освещении наиболее фундаментальных аспектов отечественной истории. На сегодня их носителями выступают многочисленные авторы публикаций, считающие себя представителями так называемой альтернативной истории. Именно они выступают с явной или скрытой претензией на более адекватную по сравнению с академической наукой, интерпретацию истории Казахстана».

2) «Казусы» альтернативной истории тиражируются в учебной литературе, имеющей, порой представьте себе, даже «разрешительные» и «рекомендательные» грифы органов управления образования. А это уже серьезно, так как данное время перестает быть пусть, агрессивным, но, в общем – то, заурядным дилетантом, которого хватало везде и во все времена. Оно все более видимо превращается в фактор, который может не только деформировать историческое сознание социума, но и заблокировать его способность к рациональному осмыслению прошлого опыта как условия понимания проблем настоящего и предвидения будущего развития. Именно это и послужило стимулом к проведению «круглого стола» по данной проблеме».

3) «Есть все основания утверждать, что сегодняшнее мифотворчество в истории в определенной степени является реакцией на сознательные искажения и фальсификации, вершившиеся по указанию сверху в рамках узкопартийной методологии. Долголетняя практика сокрытия официальной наукой ряда исторических факторов, замалчивание целых исторических периодов, политических течений и немалого числа общественных деятелей послужила питательной почвой для такой реакции».

4) «Почти в течение всего двадцатого столетия позиция исследователей прошлого нашего народа состояла в том, чтобы, отталкиваясь от известного тезиса «история человечества есть история классовой борьбы», выявить общие закономерности развития, не вдаваясь в самобытность исторической эволюции. Но каждому народу присущи неповторимый путь развития и место в мировом

сообществе. С признания этой очевидной истины и начинается человеческая культура. Со снятием же идеологических табу обращение к истории, особенно к ее древним периодам, героическим страницам, для определенной категории исследователей, в том числе и любителей истории, стало одним из способов преодоления так называемого колониального (прошлого) сознания».

5) «Никто не может отрицать факт, что научная реконструкция прошлого требует от исследователя специальной, профессиональной подготовки. Иначе история любого народа может превратиться в сплошное мифотворчество».

6) «Искусственно создаваемые мифы и легенды легко внедряются в массовое сознание, порождая сильные установки на провинциализм и религиозную обособленность, подмену подлинного народного духа суррогатами. “Работа” в этом направлении советской идеологически мифологизированной историографии в свое время до такой степени развратила сознание советского обывателя, что он до сих пор пребывает в состоянии сильнейшего маргинального кризиса, демонстрируя болезненные комплексы неполноценности, помноженные на чувство неуверенности, самоустранения и агрессию. Если мы не будем учиться на этом печальном опыте и отдадим процесс формирования национального самосознания и пробуждения коллективной исторической памяти на откуп дилетантам от науки, то массовое сознание будет деформировано и станет отзывчивым на идеи контрмодернизации и разнохарактерного экстремизма».

Таким образом, присоединяясь к мнению отечественных историков, мы считаем, что фольк-истори это своеобразная модель исторического объяснения, которая не выдерживает никакой критики. Этот вид объяснения, который характеризуется поверхностью исследования, основан на эмоциональных мотивах противоречащих разумному объяснению.

Вместе с тем, ретроспективно – историографический обзор иллюстрирует наличие многообразных видов исторического объяснения. Среди них наиболее распространенным, господствующим является модель объяснения в виде общих законов истории. Но если этот вид объяснения безупречен в естественно научном познании, то в исследовании исторической реальности он не столь эффективен. Последнее связано с тем, что объекты исследования истории индивидуальны и неповторимы. И это необходимо учитывать при применении методов исторического познания.

2 РОЛЬ МЕТОДА ОБЪЯСНЕНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

2.1 Деформация метода объяснения в советской и постсоветской исторической науке

Скажем наверно общеизвестную ученым истину – объяснение истории не может быть беспристрастным. Ученый-историк, иначе говоря, неизбежно привносит в исследование той или иной темы субъективные, групповые пристрастия, интересы, оценки. И в этом смысле исследование исторического прошлого несет в себе, неизбежное, назовем его проклятие – оно не может быть полностью нейтральным, безразличным к тому, что оно объясняет.

Это обстоятельство, заметим, не отрицалось ни в советской, ни в постсоветской исторической науке. Другое дело, что в Советском Союзе подобное объяснение истории сознательно поощрялось политикой государства, существующей властью.

Подобный вид объяснения, если подходить строго в полной мере не вписывается в те уже вышеупомянутые разновидности – телеологическое, функциональное или причинно-следственное. Однако при более внимательном анализе и общем ретроспективном взгляде, на наш взгляд, такой вид объяснения, существующий в советской исторической науке, все же выступает скорее разновидностью т.н. общего закона истории.

Напомним, что существо подобной модели (схемы) состоит в том, что исследуемое явление подводится под определенный закон. При этом законы не только причинные, но и функциональные, структурные и другие виды регулярных и необходимых отношений.

Однако советская модель подобного объяснения прошлого истории, сохраняя в своем существе общие характеристики, имела все же черты своеобразия.

Прежде всего, как представляется, ее нельзя путать с классическим марксистским подходом объяснения истории, который имел место у К. Маркса, Ф. Энгельса в их известных исторических работах. Способ объяснения Маркса и Энгельса исторических проблем при всем наличии в них налета идеологизированности, все же по существу был научным, творческим. Вторая тенденция была основная, превалирующая. «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории, – утверждал К. Маркс. – «Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны, до тех пор, пока существуют люди, история природы история людей взаимно обуславливают друг друга»¹.

Исторические работы классиков марксизма «Британское владычество в Индии», «18 брюмера Луи Бонапарта», другие до сих пор привлекают внимание исследователей глубиной анализа, всесторонностью подхода, научностью.

---

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 234.

Достоинство классического марксизма западный историк Джон Тош видит в том, что это теория удачно применяет к историческому исследованию достоинства объяснения; «...социальные теории возникают в связи с тремя аспектами исторического объяснения. «Во-первых, эти трудности, связанные с постижением взаимосвязи всех измерений человеческого опыта в конкретный период. Во-вторых, теория необходима – при анализе исторических перемен....»

«...И, наконец, в-третьих, самые амбициозные теории стремятся объяснить не просто, каким образом происходят изменения в истории, но и определить направленность этих изменений; цель этих теорий – дать представление о судьбе человечества, наделив историю смыслом»¹.

Дж. Тош замечает, что из этих трех аспектов исторического объяснения у К. Маркса наиболее проблемный третий: «Претензии марксизма на то, что он открыл направленность всего исторического процесса наиболее трудный для оценки компонента этой теории». Сегодняшних историков – марксистов не слишком привлекает гигантские эволюционные схемы, и, вероятно, мало кого из них волнует, насколько их исследования могут пролить свет на перспективу обрисованного Марксом бесклассового общества будущего»².

И далее, Дж. Тош замечает, что «однако, пожалуй, самой большой способностью метода объяснения в марксизме является недооценка силы связей между людьми возникающих по причинам совершенно не зависящим от производства. Ведь трудно оспорить то, что религиозная, расовая или национальная принадлежность является столь же важной, как и принадлежность классовая»³.

Абсолют классового в исследовании истории, видимо, объясняется воздействием на Маркса современной ему обстановки. Классовая самоидентификация и классовая борьба были характерными чертами находящихся на стадии индустриализации Германии, Франции, и Британии, где Маркс провел свою жизнь, но они куда меньше проявлялись в более ранние периоды и исследователи доиндустриальных обществ испытывают огромные трудности, пытаясь применить к ним марксистскую теорию в полном объеме.

Подчеркнем еще раз, что при всех своих недостатках обусловленных историческим временем, недостаточностью научного материала и т.д. способ объяснения истории у Маркса и Энгельса являлся объективным, научным. Исторический процесс объяснялся исходя не из готовых схем, под которые подгонялся эмпирический материал, а излагался в целом таким, каким он был, действительно являлся.

---

1 Тош Дж. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 115.

2 Там же. С. 204.

3 Там же С. 210.

Классики марксизма по этому поводу писали; «Предпосылки, с которых мы начинаем – не произвольны, они – не догмы; это действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем»¹.

Разительным контрастом сказанному выступало объяснение исторической реальности в истории советского периода. Существование исторической науки в советский период, безусловно, носило свои характерные черты. При этом, как представляется, прежде всего, необходимо выделить те особенности, которые, пусть в трансформированном виде, сохранились в исторической науке советского периода от предыдущей историографической традиции и затем, соответственно абсолютно оригинальные, сложились под воздействием специфических условий существования в советском государстве.

Значительная тенденция, которая, по нашему мнению, брала начало от дореволюционного времени и нашла свое продление в советский период – это попытка преодоления кризиса позитивизма. При этом если до революции происходило разворачивание множества методологических конструкций, в том числе и марксизма, что являлось реакцией на кризис позитивизма и попытка его преодоления осуществлялась силами самого историка – научного сообщества, то после революции кризис был преодолен, но уже другими способами и средствами, а именно, силой государственного влияния и насильственного подавления и пресечения теоретико-методологических направлений, альтернативных марксизму, хотя до определенного времени, и, прежде всего до высылки части ученых в 1922 г. методологический плюрализм был нормой.

В результате, марксистско-ленинская историография из преследуемой... превратилась в главенствующее, а затем единственное направление в советской исторической науке, поддерживаемое всем авторитетом Коммунистической партии и Советского государства... – отмечал один из апологетов восходящей линии И.И. Минц, констатируя тем самым завершение указанной тенденции.

И, как известно историческая наука в советский период приобрела ряд черт, которые придавали ей совершенно неповторимый облик, отличный от дореволюционной историографии. Государственный контроль и планирование деятельности историко-научного сообщества стало особенностью существования исторической науки в советский период.

Бесспорно, что огромное значение приобрело влияние идеологических установок на внутренний мир науки. Влияние идеологии распространялось по многим направлениям. Изменения коснулись практически всех сторон жизни историко-научного сообщества. Наиболее глубокими и широкомасштабными, как представляется, эти изменения были в организационных формах науки, практике историописания (угле зрения на исторический процесс, проблематике

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1988. С.349.

и подборе персонажей историко-научных исследований, языке историописания), а также в процессе воспроизводства исторических знаний.

В организационных формах науки наиболее важным изменением стало появление нескольких направлений исторической науки. Четко обозначились два основных направления – История партии и История СССР.

Историко-партийное направление начало создаваться с первых дней существования советской системы и просуществовало до ее конца. Оно приобрело явно выраженную функцию поддержания и научного обоснования партийно-идеологических доктрин, с одной стороны, а с другой – буфера между партийно-государственными органами и собственно историко-научным сообществом. Стиль, традиции взаимоотношений между государством и историко-партийным направлением вольно или невольно переносились и на взаимоотношения со всем историко-научным сообществом.

Историко-партийная наука целиком отразила тот изначально прагматический, инструменталистский характер, который был заложен в нее создателем советско-государственной системы. Этот прагматический характер заключался в создании марксистского видения истории России, подкрепляющего, или, по крайней мере, не расходящегося с идеологическими постулатами. Своеобразным отражением этой инструменталистской функции исторической науки стало неравноценное существование историко-партийного и конкретно-исторического направлений советской исторической науки

Историко-партийное направление уже изначально поддерживалось и выделялось государством как наиболее приоритетное и важное по сравнению с конкретно-историческим. Это предопределило то, что взаимоотношения между этими направлениями были весьма неоднозначными. Уже изначально от первых дней существования основных историко-партийных институтов, выступлений основателя советской исторической науки – М.Н. Покровского, историко-партийное направление носило агрессивный характер по отношению к конкретно-историческому, заявляя о своей первичности и приоритетности.

Более точен здесь Ю.Н. Афанасьев. По его мнению, советская историография есть особый научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей. Соглашаясь с этим определением, заметим, что это вписывание произошло именно на уровне партийно-исторической науки, а конкретно-историческое направление находилось под сильным влиянием идеологии и установок партийно-исторического направления, сохранив при этом основные ценности науки, источниковую базу, методику исторического исследования.

Основным способом взаимоотношений между государственными органами и исторической наукой стала директивность, заключавшаяся в том, что государственные органы, путем многочисленных декретов, постановлений первоначально трансформировали то, что осталось от старых обломков организационной структуры дореволюционной исторической науки,

сформировали многие новые элементы историко-научного сообщества, а затем осуществляли надзирающий контроль.

При этом, безусловно, новой чертой взаимоотношений власти и историков в советский период стала опека партийно-государственных структур и лидеров над историками, положение, при котором непрофессионалы, дилетанты считали не только возможным, но и необходимым вмешиваться в деятельность профессионалов-историков. Спектр директивных действий со стороны партийно-государственных органов и лидеров был довольно разнообразным и широким: декреты, постановления о создании исторических институтов, о кадровой политике, о качестве публикаций в исторических журналах, по поводу школьных учебников и т.д.

Иногда партийные лидеры вовлекали свои суждения в более тонкие формы и оболочки заметок, замечаний, суждений, что не предполагало в свою очередь возможность историкам-профессионалам не прислушаться к ним.

В практике историописания, благодаря воздействию идеологических установок, появился новый угол зрения на исторический процесс. Теперь в историческом прошлом наиболее ценными и привлекательными виделись преимущественно те сюжеты, которые были связаны с подтверждением основных положений марксизма, а именно делался акцент не на рассмотрение эволюции государственных форм в истории страны, что было характерно для дореволюционной русской исторической науки, а на поиск изменений производственных отношений с соответствующими им социально-экономическими формами.

Этому сопутствовало рассмотрение исторического процесса как единой неуклонной линии освобождения от всех форм социального гнета, выделение революционных эпизодов в прошлом, накладывавшее значительные элементы телеологизма – неуклонного поступательного движения общества по пути к коммунистическому идеалу. При этом именно в советской историографии, в отличие от дореволюционной, наиболее распространенным стало обращение к ближайшим событиям, что стало следствием хронологического сжатия и усечения горизонта отечественной истории, рассматриваемого теперь сквозь призму классовой борьбы и революционного процесса.

Ж.Б. Абылхожин такой методологический ориентир советской исторической науки назвал метким термином «традиционализм». По своей сути это есть «фанатичная, почти, что на уровне бессознательного апология прошлого, догматическая интерпретация его нерасчлененной целостности как единственного мерила степени адекватности мышления и поведения»¹.

Традиционализм как установка исторического объяснения блокирует проникновение в его поры любых не санкционированных и не освященных прошлым новаций.

---

1 Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007. С. 45.

Прошлое при таком объяснении однозначно предстает как диалектика прогрессивного и реакционного, буржуазного и пролетарского. Все что не вписывается или не интегрируется в такое объяснение, вычеркивается из предмета исторического познания, из социальной памяти общества.

Правда, советская историческая наука порой как бы отступала от этих принципов. Так, например, утверждая в историческом познании идею реакционной сущности дворянства, она могла вспомнить и даже использовать в пропагандистских целях имена Суворова, Кутузова и т.д. Тем самым историческая наука как бы выполняла известный завет В.И. Ленина, который в известной отповеди революционным нигилистам из Пролеткульта ратовал за «развитие лучших образцов, традиции, результатов существующей культуры».

Здесь нет противоречия. На деле и здесь идеологическая составная в историческом объяснении оставалась преобладающей, ибо развитие лучших образцов должно видеться «с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»¹.

Еще одной особенностью существования исторической науки в советский период стала заданность и узость методологических поисков. Признание марксизма в качестве единственно верной методологии пресекло дальнейшие поиски методологического плана. Уже в конце 1920-х гг. директивным путем (постановление 1927 г. Комиссии ЦК об Институте Маркса-Энгельса) были остановлены теоретические поиски в марксизме.

Разгром научной и партийной оппозиции в начале 1930-х гг. привел к установлению жесткой единственной господствовавшей линии в идеологии и теории марксизма, санкционированной партийно-государственными органами. Дальнейшие попытки методологических поисков неизменно были обречены на провал, о чем ярко свидетельствует кратковременная судьба нового направления в «оттепели». Единственной тенденцией методологического плана, которая закладывалась на все время существования исторической науки в советский период, стала постоянная проверка на истинность, самоидентификация марксизма историков, что, в конечном счете, означало корректировку в связи с переменами в идеологии, т.е. на первый план вставала проблема соответствия научных и идеологических установок. В результате, тем самым вырабатывалась система шаблонов, на основании которых и делались, выводы о соответствии исследовательских работ марксизму. В марксистской историографии возникает, тот метод, который можно условно обозначить как шаблонно-сравнительный.

Изменился и сам язык науки. Во-первых, в нем появились слова и выражения, не свойственные дореволюционной научной традиции, привнесенные временем и идеологическими штампами – борьба, революция, классы, партия, большевики и т.д.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 34.

Во-вторых, появился особый пафос, которого не было до революции, постоянно присущее в трудах историков напряжение борьбы, противостояния, ощущение изначальной правоты дела рабочего класса и крестьянства, поражение в краткосрочной перспективе с залогом торжества идеалов классовой борьбы в будущем.

Появляются новые герои и новые образы в исторических работах, причем осуществляется весьма любопытный процесс концентрации положительных черт у героев революционных восстаний, партийных деятелей и участников народных бунтов и обмельчание темпераментов у творцов спокойной мирной жизни или представителей господствовавших классов. Последовали и изменения во внутренней структуре текста историко-научных работ. Влияние идеологии приводило к тому, что историки даже в произведениях далеких от советской действительности должны были использовать в качестве обязательного элемента исторических произведений цитаты из произведений и выступлений вождей, партийных лидеров, постановлений съездов.

Постольку поскольку государство накладывало на историков обязательство корректирование своих научных позиций с генеральной линией партии, в отечественной историографии советского периода наблюдалась тенденция постоянной борьбы между откровенным цитатничеством и схематизмом и сугубо научным знанием, подкрепленным тщательным и добросовестным обращением к источникам, делающим только политенные реверансы в сторону идеологических доктрин и партийно-государственного строительства.

Как и большинство черт советской исторической науки, эта тенденция впервые стала проявляться особенно активно с конца 20-х годов примером обозначившейся тенденции может служить одна из статей В. Быстрианского «Ленин, как теоретик вооруженного восстания в первой русской революции 1905-1907 гг.», опубликованная в журнале «Красная летопись», где из 36 страниц текста ленинские цитаты заняли 31.

Таким образом, сформировалось, как бы два образа исторической науки в советский период. Первый – идеологический, который закончился с существованием советского строя и советского государства. Второй, который, с определенными издержками и уступками идеологии, продолжал сохранять идеалы научности и объективности знания и продолжает существовать до сих пор.

Разрывы и нестыковки обнаруживались как по вертикали, так и по горизонтали развития историко-научного сообщества. Разница обнаруживалась, прежде всего, в теоретико-методологических подходах. До революции – позитивизм и его кризис, после революции марксизм, постоянно стремящейся к тотальному расширению собственного влияния на все отрасли науки, и, прежде всего комплекс обществоведческих наук. Если до революции – проблематика, распространявшаяся на весь горизонт исторического прошлого, кроме ближайшего прошлого, с преимущественным вниманием к эволюции государственных форм, то теперь социально-экономическая проблематика с

характерным для нее вниманием к революционному процессу и анализом событий ближайшего времени.

Произошли и глубокие линии разрыва в источниковедческой практике. Если дореволюционная историография отличалась тщательным и глубоким отношением к историческому источнику, и хорошие источниковедческие знания являлись во многом критерием историко-научного профессионализма, то после революции изначально побеждает тенденции отеснения источников и подчинения их обществоведческим схемам и установкам.

Идеологические начала, которые присутствовали в трудах классиков марксизма в исторических исследованиях этого времени, стали в объяснении фактов истории главными, определяющими. Советская модель объяснения истории по существу стала выступать в идеологизированной форме.

Говоря так, мы по существу подвергаем сомнению научную ценность исторических исследований выпущенных в советский период. Поэтому здесь необходимо правильно расставить акценты.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что сказанное относится в большинстве к той части исследования, которые в науке называют выводами, заключениями. Однако никаких сомнений не может быть в том, что эти же исследования явили общественности, как массовой, так и научной, огромный конгломерат неизвестных ранее исторических фактов, событий, архивных данных, статистических подсчетов и т. д. Все это, безусловно, представляет и до сих пор огромную научную историческую ценность и может, бесспорно, использоваться в определенной мере в научном обороте.

Тем более, научную ценность, в том числе и с точки зрения применения способа объяснения, представляет собой те исторические исследования того времени, которые вопреки идеологическому диктату давали всестороннюю, а не одностороннюю оценку исследуемой теме. Таких работ было немного, но они были.

В существе своем модель общих законов истории призвана в исторической науке частные факты, подводить под известные законы, общее. В схеме объяснения исторических исследований в качестве таких законов выступали идеологические постулаты, абсолютизированные советской партийной – государственной властью.

Конечно, закон и идеология – явления равнопорядковые, не выступающие и не могущие выступать в тождественности. Закон, будь то природный или социальный, по своему существу отражает объективные, необходимые существенные связи, отношения присущие явлениям определенного класса действительности. Между тем идеология – есть явление социального порядка, отражающее групповые (классовые) интересы. К. Маркс, кстати, идеологию вообще считал «ложным сознанием», имея в виду, что оно по существу мифологично, фантастично.

Однако, тем не менее, именно идеологические установки выступили в советский период для исторической науки теми целевыми началами, общими законами с которыми должны были согласовываться факты и результаты

исследования ученого. Подобные установки, под которые должно подстраиваться объяснение истории, были не только основные положения марксизма: о материалистическом понимании истории, классовой борьбе, отмирании нации, государства, права, коммунистическом будущем человечества и т. д. Существенно важным было и другое: исторические факты и выводы исследователя должны были не противоречить, а подтверждаться цитатами, выдержками из произведения Маркса, Энгельса, Ленина. Такое подтверждение рассматривалось как доказательство и при этом окончательные мысли исследователя, проблемы которой он изучал. Поэтому исследователь стремился естественно не исследовать исторический процесс, процесс таким, каким он есть, а подогнать имеющиеся у него фактический материал под те или иные цитаты классиков марксизма-ленинизма, дабы чтобы у возможных оппонентов не возникало претензии к его исследованию. Не случайно западные историки, признавая высокий научный уровень трудов советских коллег, отмечали, что их ценность «затмевается политическими соображениями, которые требуют даже туманную и расплывчатую структуру казахского общества (речь идет о кочевом обществе, т.е.) представить в жестких рамках марксистской терминологии»¹.

Приведем такой показательный образчик обвинения историков – исследователей идеологически неправильно объясняющих Историю Казахстана (именно идеологически, ибо оно ставилось выше научности, или, по крайней мере, выступало синонимами). Речь идет о специальном постановлении ЦК КП (б) Казахстана «О подготовке 2 – го издания «Истории Казахской ССР» от 14 августа 1945 г.» Приведем его подробнее, т.к. оно выражает типичную оценку научности исследованию по Истории Казахстана.

«Основная ошибка состоит в том, что история казахского народа до Великой Октябрьской социалистической революции рассматривается авторами не как история развития производительных сил и производственных отношений, не как история классов и классовой борьбы в Казахстане, а преимущественно как история борьбы казахов за свою независимость»².

Вопреки историческим фактам и указаниям классиков марксизма-ленинизма, составители «Истории Казахской ССР» дали неправильную оценку татаро-монгольскому завоеванию, не показали глубоко реакционную роль монгольского ига, принесшего огромный вред казахскому народу и задержавшего его историческое развитие на целые столетия. Авторы ошибочно отнесли к периоду независимости казахов время монгольского завоевания Казахстана, неправильно утверждая, что татаро-монгольское завоевание способствовало складыванию и развитию казахской народности.

---

1 Есмагамбетов К.Л. Что писали о нас на Западе. Алма-Ата, 1992. С. 85 с.

2 Александров Г.О. О некоторых задачах общественных наук в современных условиях //Большевик. 1945. № 14. С. 28.

В этом же разделе одного из эмиров Золотой Орды – Едыге, душителя и эксплуататора народных масс, авторы прославляют как народного героя и защитника трудящихся.

В Истории Казахской ССР «приукрашиваются патриархально-феодалские отношения казахов и, наоборот, недостаточно показывается угнетение трудящихся масс со стороны казахских султанов и ханов. Здесь же, вопреки историческим фактам, казахское государство XV-XVIII веков объявляется прочным и могущественным государством. Тем самым объективно умаляется значение Великой Октябрьской социалистической революции, впервые в истории освободившей казахский народ от поработителей и эксплуататоров и создавшей подлинно независимое государство – Казахскую Советскую Социалистическую Республику, являющуюся неразрывной частью Советского Союза».

В Истории Казахской ССР дана однобокая оценка присоединения Казахстана к России. Этот факт рассматривается только под углом зрения завоевательной политики русского царизма. Авторы не учли исторической обстановки, сложившейся в Казахстане в момент его присоединения к России, и не показали по-настоящему прогрессивное значение вхождения Казахстана в состав Российской империи, приобщившего его к передовой русской культуре и экономике. Составители «Истории Казахской ССР» не дали конкретно-исторического анализа национально-освободительным движениям, поэтому в книге отсутствует четкое разграничение между подлинными национально-освободительным движением казахского народа и разбойничьими набегами казахских султанов и феодалов.

Феодално-реакционные выступления султана Каратая и некоторые другие безоговорочно отнесены авторами к подлинно национально-освободительным движениям, а оценка движения Кенесары Касымова дана однобоко, без учета внутренних противоречий в этом движении.

Серьезным упущением «Истории Казахской ССР» является то, что в книге совершенно недостаточно показываются экономические и культурные связи между казахским, русским и другими народами Советского Союза, их совместная борьба с царским произволом и насилием, способствовавшее сближению народов нашей страны и их сплочению вокруг великого русского народа»¹.

В постановлении далее содержались установки, как следует освещать проблемы истории казахского народа исходя из «указания товарища Сталина».

Абсурдность объяснения состояла в том, что не убедительность исторических фактов, а указания вождя «всех времен и народов» служили наиболее неоспоримым доказательством.

---

1 Александров Г.О. О некоторых задачах общественных наук в современных условиях //Большевик. 1945. № 14. С. 32-33.

«В истории общественных наук, – подчеркивал в середине 40-х годов начальник Управления пропаганды, агитации ЦК ВКП (б) Г.Ф. Александров, – редко возникали условия, когда большой коллектив историков, философов, экономистов, правоведов крупного государства объединялся бы и вдохновлялся бы в своей деятельности вождем народа и крупнейшим ученым целой эпохи. Мы имеем это в высшей степени счастливое условие. Мы живем и творим в эпоху Сталина, являемся его современником, работаем под руководством партии, которую он вместе с Лениным создал и взрастил, работаем для народа, который он ведет к новым победам социализма. Нельзя стать образованным марксистом-ленинцем, не изучив глубоко, не усвоив всего того, что создано Лениным и товарищем Сталиным в области общественных наук. Каждый теоретический работник, преподаватель общественной науки, лектор и пропагандист должен быть полностью вооружен знанием ленинизма в его высшей, разносторонне развитой, детально обоснованной ступени развития, достигнутой в трудах Сталина»¹.

Об отношении власти к историческим исследованиям, где давались действительное объяснение прошлого, говорит всем известное «дело Бекмаханова». Приведем показательный прием лишь оппонентов Бекмаханова, которые утверждали о правомерности отнесения оценки Сталиным грузинских феодалов XIX в работе «Как понимает социал-демократ национальный вопрос» на события в Казахстане того же времени (речь идет о движении Кенесары Касымова). Механический перенос высказывания Сталина из работы о.т.н. «феодално-монархическом национализме»² приводил бы к заключению, что повсеместно феодальные движения XIX века были реакционными, оторванными от народных масс, в том числе движение Кенесары Касымова.

Подобное, господствующее в исторической науке объяснение истории исходя из идеологических постулатов не могло не привести ее развитие в тупик. С середины 1980-х до начала 1990-х гг. начался процесс ослабления и исчезновения партийно-государственного контроля за исторической наукой, ознаменовавшийся ее кризисом и появлением массы альтернативных как ретроспективных, так и западных постмодернистских теорий. Произошло открытие истории публицистами, выявлено множество лакун в представлениях о досоветском и советском прошлом. Были опубликованы многие исторические и историографические источники. Появилась новая исследовательская проблематика, и установились новые связи с мировым историко-научным сообществом. Как известно он разрешился кризисом догматизированной марксистской методологии истории.

Таким образом, в конце 80-х – нач. 90-х произошел кризис, была, по сути, признана несостоятельность идеологической схемы объяснения исходя из общих законов характерной для исторической науки СССР.

---

1 Александров Г.О. О некоторых задачах общественных наук в современных условиях //Большевик. 1945. № 14. С. 30-31.

2 Сталин И.В. Соч. Т. 1. С. 203.

Но существовали и другие, тоже к этому времени проявляющиеся более общие недостатки естественно присущие дедуктивному объяснению вообще.

Исходным здесь является ситуация когда советские обществоведы, как впрочем, и многие историки, и социологи на Западе, долгие годы упорно искали «законы истории». Определенный импульс этому придали некоторые высказывания марксистских теоретиков. Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» утверждал, что «ход истории подчиняется внутренним законам»¹. У В. Ленина есть аналогичные высказывания о том, что историческое развитие подчиняется определенным законам. «Маркс, – писал он, – рассматривает общественное движение как естественноисторический процесс, подчиняющийся законам, не только зависящим от воли, сознания и намерения людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения...каждый исторический период имеет свои собственные законы»².

Действительно задача каждой науки – выявить законы. Однако в отличие от законов природы закономерности общественного развития не считались основоположниками марксизма жесткими, неизменными. Отмечая, что К. Маркс «объявляет исторические общественные законы лишь простыми тенденциями», К.Каутский в частности разъяснял это положение тем, что «общественные условия являются более сложными, вследствие чего в сфере общественных явлений отдельные законы еще в большей степени, чем в природе, проявляются лишь как тенденции»³.

Исторический материализм назвал одним из важнейших элементов закономерностей в историческом процессе – противоречие производительных сил и производственных отношений и связанную с ним классовую борьбу. Этот вывод явился гигантским шагом в развитии общественных наук. К сожалению, догматическое толкование марксизма советскими обществоведами завело в тупик решение вопроса о «законах истории».

Начало этому было положено И.В. Сталиным, который применил диалектический материализм к истории упрощенно, а именно некоторые исторические явления трактовал как законы или закономерности, допустил ряд неверных оценок – прогнозов исторических процессов – о всеобщем кризисе капитализма в середине 20-х годов, об англоамериканском противоречии как главном в международных отношениях в межвоенный период, об англофранцузских поджигателях войны в 1939 г. (когда гитлеровская агрессия уже стало фактом).

В работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин отмечал, что «одна из особенностей политэкономии состоит в том, что ее законы, в отличие от законов естествознания, недолговечны, что они, по крайней мере,

---

1 Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 56.

2 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 345.

3 Каутский К. Материалистическое понимание истории. – М., 1931. С.145.

большинство из них, действует в течение определенного исторического периода, после чего они уступают место новым законам»¹.

Законы, действующие в обществе, таким образом, не вечны. Это продуктивная мысль. Однако в той же работе Сталин наряду с понятием «экономические законы» неоднократно употребляют выражение «законы науки», что дало повод советским обществоведам считать, что в истории также есть законы, которые действуют объективно, независимо от сознания людей. Советские философы, социологи и историки усиленно искали «законы истории». Далеким не единственным в своем роде было утверждение, сделанное в 1973 г. видным историком М.А. Баргом (специалистом по Английской буржуазной революции) XVII в., автором таких крупных работ, как «Эпохи и идеи: становление историзма» и «Категории и методы исторической науки» о том, что «вершиной синтеза в историческом исследовании является формулирование общественно-исторической закономерности» и что «отвлечений от категории всемерно – исторического при изучении какой-либо локально-исторической эпохи грозит полным бессилием в определении политико-экономической сути обнаруженных общественных связей»². А в одном из изданий «Высшей школы» говорилось: «Основная цель истории, конечно, состоит в том, чтобы раскрыть закономерности исторического процесса»³.

Преобладающим был взгляд на историю как линейный процесс, ведущий только к высшей форме социальной организации – социализму и коммунизму. Не только историческая, но и вся наша общественно-политическая литература была перенасыщена выражением вроде «поступательный ритм всемирной истории», «неумолимый поток событий», развитие всемирно-исторических эпох органически связано с прогрессивными общественными формациями, имеющими одну направленность – только вперед»⁴. Существование спора между марксистами и не марксистами, в сущности, сводилось к следующему: «история предсказуема» – заявляли одни, «истории не предсказуема» – утверждали другие. Примечательно, однако, что наши обществоведы признавали существование «законов истории» как аксиому, но конкретно их не формулировали.

Историческое знание, как и любое иное научное знание, предполагает выявление причинно-следственных связей. При этом возникает соблазн установления законов.

---

1 Сталин И.В. Соч. Т. 1. С. 234.

2 Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1982. С. 45.

3 Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методические проблемы исторического познания. М., 1985. С. 101.

4 Там же. С. 123.

Однако закон, как справедливо отметил известный социолог П.А. Сорокин, – «это фиксация человеком часто повторяющейся связи между фактами. Он помогает, как и гипотеза, человеку ориентироваться в мире бесчисленных фактов. В историю же человечества входят только неповторяющиеся, в своем роде единичные факты. Если каждый закон в подлинном смысле этого слова предполагает повторение, то история не знает повторений, поэтому говорит о законе истории – значить, не понимать закона»¹.

В случае достаточной определенности исторический закон должен бы был служить безупречным прогностическим инструментом. Однако объект истории, как известно, находится не в будущем, а в прошлом. Историк занимается реконструкцией прошлого, но при этом методы этой реконструкции значительно различаются между собой, не говоря уже о том, субъективность исследователя никто никогда не оспаривал.

Высказывания видных социологов и историков ставят под сомнение существование «законов истории». Немецкий философ Г. Риккерт и видные русские историки Н. Кареев, Р. Виппер и Е.Тарле относились скептически к «законам истории», не считая их предметом самой исторической науки. «Задача истории – писал Н. Кареев, – не в том, чтобы открывать какие-либо законы (на это есть социология). А в том, чтобы изучать конкретное прошлое без какого бы то ни было поползновения, предсказывать будущее, как бы изучение прошлого ни помогало в иных случаях предвидению того, что может случиться или наступить. Если данными и выводами истории воспользуются социолог, политик, публицист, тем лучше, но основной мотив интереса к прошлому в истории, понимаемый исключительно в качестве чистой науки, имеет совершенно самостоятельный характер: его источник в том, что мы называем любознательностью на разных ее ступенях – от простого любопытства до настоящей и очень глубокой жажды знаний»².

Р.Ю. Виппер в свою очередь заявлял: «...Термин «закон» появился в исторической науке в качестве заимствования. Взятое из сферы юридической со смыслом принудительного правила, веления высшей силы, примененное затем в математике и механике в качестве обозначения аксиомы, это слово переходит к биологам и социологам. В пестрой массе переплетающихся конкретностей органической и общественной жизни, конечно, нет места для безошибочного принудительного действия простых правил, потому что ограничительные условия чрезвычайно велики и разнообразны»³.

Поиск закономерностей исторического процесса хотя и меньше волнует ныне отечественных историков и социологов, но остается, тем не менее, среди фундаментальных проблем – академической науки.

---

1 Сорокин П.А. Историческая необходимость // Социологические исследования. 1989. № 6. С. 23.

2 Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1914. С.23.

3 Виппер Р. Очерки теории исторического познания. М., 1911. С. 78.

Итак, имеет ли история направленность или какой-либо смысл?

По глубокому наблюдению известного востоковеда Н.И. Конрада, «в зависимости от ответа возникают две концепции истории: смысла никакого нет, есть только бесконечное повторение одного и того же, и история есть непрерывное поступательное движение. Наиболее яркое выражение первой концепции – теория круговорота, второй – теория прогресса. И та, и другая теория всегда подвергались критике»¹.

Идею прогресса в истории развивали Эпикур Ю, Лукреций, Ж. Боден, Р. Декарт, И. Кант, А. Тюрго, М. Кондорсе, И. Гердер, А. Сен-Симон, Гегель, П.-Ж. Прудон, Р. Оуэн, Г. Спенсер, П.Л. Лавров и др. В XVIII и XIX вв., прогрессивная направленность социальных изменений была общепризнанной, а сама идея прогресса обуславливалась верой в могущество человеческого разума и рациональность поведения людей вообще.

По представлению И. Канта, истории, «...если бы она рассматривала игру свободной человеческой воли в целом, она могла бы открыть ее закономерный ход; и то, что у отдельных субъектов выглядит запутанным и лишенным всяких правил, по отношению ко всему роду все же можно было бы познать как некое неизменное поступательное», хотя и медленное, развитие его первоначальных задатков»².

Гегель считал, что история имеет смысл, проявляющееся в развитии «идеи свободы»³. Гердер усматривал движущее начало исторического прогресса в культуре и предлагал сделать ее главным предметом исторической науки. В понятие культура он включал язык, все виды духовной и хозяйственной деятельности людей и их общественные отношения.

Сен-Симон полагал, что общественное развитие строго закономерно, а люди – лишь орудие этого неизбежного процесса. Группа последователей Сен-Симона (Анфантен, Базар, Родриг, Алеви, Дювернье, Серкле и др.) вскоре после его смерти систематизировали его учение в стройное представление об историческом процессе. Во всяком обществе, по их мнению, существует две основные формы человеческих взаимоотношений: антагонизм и ассоциация. «Исторический закон» в своем наиболее общем виде должен определить движение этих форм в историческом процессе. Этот закон таков: исторический процесс есть процесс убывания антагонизма и роста ассоциации. Первоначальная задача возникающих обществ – война; их конечная цель – слияние в мировую ассоциацию. На своем пути общество проходит ряд «продолжительных этапов, на которых ассоциация приобретает все более и более широкое значение: от первичной, элементарной ассоциации – семьи – через касту, город, нацию – к человечеству, к всемирной ассоциации трудящихся»⁴.

---

1 Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. С. 56.

2 Кант И. Соч.Т. 1. С. 98.

3 Гегель Г.Ф. Философия истории. М., 2000. С. 345.

4 Сен-Симон. Избранные сочинения. Т. 2. С. 567.

Представления об историческом прогрессе многими связывается с марксистским учением. В основе «экономического (или исторического) детерминизма», связываемого с прогрессом, лежали две концепции: вера в человеческий разум, идущая от эпохи Просвещения, и убеждение в примате экономики, безусловно вытекающие из марксистского учения, как мотивы и даже факторы исторического процесса они не могут исключаться. Можно подвергнуть сомнению только их абсолютный приоритет и единственность.

В связи с ростом числа сторонников и толкователей исторического материализма Ф. Энгельсу пришлось сделать немало разъяснений существа взглядов К. Маркса на историю. Так, в письме к И. Блоху (сентябрь 1890 г.) он отмечал: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает большее значение экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до анализа какого-либо исторического периода, то есть до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки»¹.

В том же письме Энгельс отмечал: «...История делается таким образом, что конечный результат всегда, получается, от столкновений множества отдельных волей, ... имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие»².

В письме к Шмидту, датированном 27 октября 1890 г., Энгельс проанализировал взаимодействие с экономикой всех форм надстройки – государственных, юридических и идеологических. Он, в частности, указал, что «обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть троякого рода. Она может действовать в том же направлении – тогда развитие идет быстрее; она может действовать против экономического развития – тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направлениях. Этот случай сводится, в конце концов, к одному из предыдущих. Однако ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количестве»³.

По всей значимости государственной власти Ф. Энгельс отдавал должное и другим формам надстройки – праву, религии, философии и т.п.

---

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 231.

2 Там же. С. 234.

3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 240.

Примечательно, что не основоположники научного социализма, а их последователи и толкователи создали догматические представления о «законах истории». Известно, например, высказывание Энгельса о том, что «история часто идет скачками и зигзагами...»¹. Он же критиковал материалистов XVIII в. за то, что их взгляд на историю определялся только мотивами действий людей»².

В.И. Ленин считал абсурдным утверждение, что «исторический вопрос» можно решить при помощи абстрактных конструкций»³. Констатируя в истории человечества наличие периодов застоя или даже сдвигов назад, он заметил, что «представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, не диалектично, ненаучно, теоретично неверно»⁴. Две мировые войны, бесчисленные локальные конфликты, гражданские катаклизмы – лишь некоторые противоречивые явления в историческом процессе, показывающие, что он не только поступательный, прогрессивный, но и временами и регрессивный. Обратимость исторического процесса сопряжена и с такими наблюдаемыми явлениями, как революция и контрреволюция, реформы и реакция. Догматики от марксизма создали искусственную теорию о «законах истории», совершив подмену понятия «социологическая закономерность» понятием «закон истории».

Социологические закономерности предполагают выявление; установление связей и отношений между социальными явлениями и процессами. Они могут касаться только того общего, что наблюдается в развитии общества, но история показывает вместе с тем и нечто уникальное, единичное и неповторимое, что не может обобщаться законами. Социологические закономерности представляют научные гипотезы, которые более или менее правильно отражают действительность на определенном этапе, но могут перестать действовать на другом.

Социологические закономерности не «законы истории», они объясняют лишь некоторые существенные черты исторического процесса. Научная заслуга марксизма состоит, в частности, в показе значения классовой борьбы, а не в ее открытии. Когда же она была возведена догматиками в разряд «законов истории», само содержание исторического процесса обеднялось, сужалось. Критикуя эту точку зрения, известный немецкий философ Г. Риккерт заметил: «... для марксизма необозримая масса иного рода человеческих поступков и стремлений все веков должна быть лишена всякого смысла»⁵.

---

1 Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 250.

2 Там же. С. 345.

3 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 156.

4 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С.368.

5 Риккерт Г. Философия истории. – Киев, 1998. С. 78.

Прогноз К. Маркса об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса в промышленно развитых странах не оправдался, однако сама классовая борьба не исчезла: она приняла разнообразные формы (кроме экономической – политическую и теоретическую) и переместилась во многие регионы мира. В развитых капиталистических странах классовая борьба к концу XX в. несколько притупилась в связи с большой дифференциацией в положении рабочего класса, повышением его жизненного уровня и демократизацией политической жизни. Социальные конфликты переместились больше на периферию империализма, в «третий мир» и в страны с переходной экономикой, где нередко приняли форму национально-этнических столкновений.

В западной политологии, социологии и истории есть иные объяснения исторического процесса кроме как классовой борьбой. В античную эпоху, в Римской империи эксплуатируемым классом были рабы, а эксплуататорами – рабовладельцы – патриции. Однако борьба за власть велась в то время между патрициями и плебеями, тогда как между этими классами не было отношений эксплуатации. При феодализме основными антагонистическими классами были дворяне и крепостные. Хотя крестьянские войны имели место, но главные классовые бои за власть велись между дворянством и буржуазией.

Французские профессора Л. Докес и Б. Розье считают, что в историческом процессе значительную роль играют три фактора: «идея, экономика и социальные конфликты»¹. Они добавляют при этом, что развитие истории не является «линейно прямым»². Бывший генеральный секретарь Высшего совета по радиовещанию и телевидению Франции Ж. Монтасье отмечает, что во французской истории на ее широком протяжении конфликты в обществе происходили из-за четырех причин: из-за отношений к правде, к свободе, к власти и к собственности»³.

Гражданскими конфликтами во Франции были религиозные войны второй половины XVI в. между католиками и протестантами. Они вызвали раскол, как среди аристократии, так и буржуазии и простого народа. При этом в основе их лежали не экономические интересы, а соображения духовного плана — реформы церкви, концепция власти, гражданских свобод – руководили противоборствующими сторонами»⁴. Борьба против абсолютистской власти 1648-1653 гг., по словам Ж. Монтасье, также свидетельствовало о преобладании нравственных мотивов. В «деле Дрейфуса» на рубеже XIX – XX вв., затронувшим права человека, буржуазия была расколота на «дрейфусаров» и «антидрей-фусаров». Правда, до гражданской войны тогда дело не дошло.

---

1 Коломийцев В.Ф. Методология истории. М., 2001. С. 154.

2 Там же. С. 155.

3 Там же. С. 156.

4 Там же. С. 157.

Наконец, после падения Третьей Республики во Франции в 1940 г. патриотическая часть левых и правых вошла в ряды Сопротивления, а другие сотрудничали с оккупантами. В наше время, заявляет Ж. Монтасье, во Франции «расколы всегда без исключения происходят внутри различных социальных классов, и причинами их является не только экономика»¹.

Развитие истории слагается из многообразия факторов. Определит, тем более заранее исхода из действия одного из них историю нельзя. Можно сказать, что предсказания истории равносильно научному управлению обществом. На уровне правительственных экспертов такие прогнозы делаются. Но они не входят в ремесло историка. Есть и большие объективные трудности. Даже в социалистических странах с высоким уровнем государственного контроля над экономикой и обществом оказались непредвиденными некоторые важные общественные процессы. «Пытаться управлять общим ходом современных обществ на уровне полного и рационального знания, – заявляет французский политолог Л. Жоффрен, – значить впасть в иллюзию»². Даже при наличии современной техники воздействия на экономику, общественно-политическая жизнь и общественное мнение трудно предусмотреть последствия миллионов «микрорешений» членов гражданского общества.

К. Маркс не исключал альтернативность, выбора в историческом процессе. При этом к «случайностям» он относил и характер людей»³. Действительно, история не может быть в точности predetermined хотя бы потому, что человеку свойственно ошибаться. Жизнь полна примеров, когда временное недомогание или иррациональное поведение человека, занимающего руководящую должность, имело непредсказуемые последствия.

Движущие силы истории – не только экономика, а в ее основе технический прогресс, но и масса других факторов духовной, культурной и политической жизни общества. При этом человек – не «винтик» и не «капилляр», подчиняющийся действию одного-единственного императива.

Итак, универсальных «законов истории» нет. Даже когда объявляется законом решающая роль народных масс, то тут же добавляется, что роль личностей тоже нельзя сбрасывать со счета. Альтернативность общественного развития всегда ставит перед субъектом возможность выбора варианта поведения. Именно поэтому экономические законы, – а это более или менее устойчивая социологическая закономерность, – не обязательно диктуют человеку, как ему нужно поступать в том или ином случае.

Видный французский социолог Р. Арон считал, что никакая методология не может претендовать на «последнее слово» в объяснении исторического процесса.

---

1 Коломийцев В.Ф. Методология истории. М., 2001. С. 156.

2 Там же. С. 156-157.

3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 561.

По его словам, историческое знание «не в состоянии дать единственную версию, обязательную для всех, объясняющую общества, эпохи и культуры, ушедшие в небытие»¹.

Арон не признавал законов истории. Соглашаясь с распространенным представлением о том, что историю делают люди, он вместе с тем утверждал: «История излагается из индивидуальных действий, но всеобщая («глобальная») история не является обязательно результатом намерений ее действующих лиц («авторов»), я бы даже сказал больше: намерения авторов, за исключением немногих случаев, никогда не являются научным объяснением социальных фактов»².

В сложной системе общественных отношений нет линейной, однозначной зависимости одних событий от других. Всегда действуют множество причин и факторов. Законы общественной жизни проявляются не в фатальной неизбежности результатов, а в виде господствующей тенденции, пробивающей себе дорогу через толщу случайностей. На историю нельзя смотреть как на последовательное развитие жестких законов.

Среди историков России и Казахстана в последнее десятилетия не было одномерного понимания истории, как только поступательного процесса. Точки зрения отрицания «законов истории» придерживался еще в 1981 г. советский историк Ю.В. Петров, автор книги «Практика и историческая наука»³. Колеблущуюся позицию занимал исследователь методологии истории Б.Г. Могильницкий. Признавая, с одной стороны, в общей форме «законы истории», он в то же время писал: «незапрограммированность исторического процесса, присутствие в нем случайности, главное – многообразная деятельность человека обуславливает его многовариантность»⁴.

Раньше советских обществоведов принципиальную и аргументированную позицию занял болгарский философ Н. Ирибаджаков. «История как наука, – подчеркивал он, не является ни социологией, ни философией истории она не имеет цель дать нам ни теорию человеческого общества и его истории, ни общественно-исторического познания. История не открывает и не формулирует никаких специфических законов. Поэтому не случайно, что буржуазные авторы, как авторы, стоящие на позициях марксизма, подчеркивают тот факт, что до сих пор история не открыла никаких законов, а авторы, утверждающие обратное, не могут указать ни одного действительно специфического исторического закона, который не являлся бы предметом какой-то другой общественной науки... Закон классовой борьбы был найден историками, но это – социологический закон.

---

1 Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992. С. 157.

2 Там же. С. 158.

3 Петров Ю.В. Практика и историческая наука. Томск, 1981. С. 134 с.

4 Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989. С. 22.

Если бы действительно существовали специфические исторические законы, мы с удовольствием включили бы их в предмет истории. Но до сих пор нам не известно, чтобы кто-либо открыл хотя бы один такой закон. А поскольку историки открывают или могли бы открывать какие-то – законы, эти законы оказываются или социологическими, или экономическими, или социально-психологическими и другими, и в таком случае историк выходит из сферы своей науки и работает на другие науки»¹.

Таким образом, можно утверждать, что применение метода объяснения даже без идеологической подоплеки не предполагает открытие законов истории. История не повторяется, и все же человечество всегда изучало свое прошлое, искало в нем примеры, выводы, советы для настоящего и будущего. Если история и не устанавливает закономерности, то она, тем не менее, предлагает определенную систему оценки, классификации и обобщения фактов, без которой человечество не имело бы «ключа» к истолкованию громадного количества накопленных фактов. В каждый данный момент история – это представления о прошлом, соответствующее достигнутому уровню знаний. Поскольку общество постоянно находится в движении, в развитии, то соответственно изменяются, не могут стоять на месте и способы его познания. Объективизации исторического исследовательского труда способствуют два фактора – внутреннее стремление историка к постижению истины и известная общественная потребность в знании подлинных фактов и обоснованных суждений о них.

То, что такие законы существуют – вера, которую очень трудно рассеять. Никаких доказательств их существования нет. Есть голая фраза «учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Еще в советское время, когда эта вера внедрялась в общественную мысль, были ученые «реалисты», которые взывали к разуму. Они говорили, что например, в экономике нет никаких «Объективных законов» а есть, самое большее, тенденции. В реальной жизни, эти тенденции проявляются по-разному, в зависимости от множества обстоятельств. Приводим такую аналогию. Камень падает вертикально вниз согласно закону Ньютона. Слабые воздействия вроде дуновения ветерка (флуктуации) не в силах заметно повлиять на скорость и направление движения камня. А возьмите сухой лист. Он, конечно, тоже падает – но вовсе не согласно закону. Падать его тенденция. В реальной жизни при малейшем дуновении лист кружится, а то и уносится ввысь. В жизни общества все эти дуновения не менее важны, чем законы.

Историческое познание, таким образом, не должно стремиться к открытию законов истории. И не только потому, что долгие поиски таких законов не увенчались для исторической науки успехом.

---

1 Ирибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии (К критике современной идеалистической философии истории). М., 1972. С. 202-203.

Есть и другая, не менее веская причина. Она в том, что историческое познание нацелено на исследование всего многообразного в прошлой реальности. Для историка, иначе говоря, все важно, не только общее, не только главное в исторической реальности. Последнее соткано из ткани весьма разношерстностей, где присутствует и общее, и случайное, и второстепенное, и преходящее, и неглавное, и мимолетное.

Поиск общего в истории, иначе говоря – это задача социологической науки, но не истории. Историческое познание специфично в том смысле, что оно познает это многообразие во всей его разношерстности, во всех оттенках, для историка образно говоря, все важно.

Однако советская историческая наука всегда стремилась найти это общее, что противоречило духу и смыслу исторического познания. При этом, общее выступало в виде идеологических слагаемых. По инерции и постсоветская история, в сущности, тоже была таковой, с разницей лишь минус. При этом минусом явно.

При этом минусом явно односторонним и тоже идеологизированным. Примером тому множество. Вот некоторые. Если Октябрьская революция в исследованиях советского времени – «поворотный пункт человечества в истории», то отныне в результате новейшего исторического познания – это «трагический поворот России», нелепая «ошибка истории». Если Сталин в советской историографии «гений», «непревзойденный вождь всех времен и народов», то в постсоветской истории он «преступник», «диктатор», «вождь советского тоталитарного государства». Присоединение Казахстана к России раньше было прогрессивным и добровольным, то отныне, согласно мнению историков «принудительное» и «насильственное».

Все или почти все результаты постсоветского исторического познания в начале 90-х годов радикальным образом повернулись в подобном противоположном советской истории плане. Методологическая порочность такого подхода к историческому познанию очевидна. Односторонность и предвзятость и этого подхода была очевидна для некоторых отечественных историков еще в начале 90-х годов. Не случайно они предупреждали еще в тот время о необходимости в историческом познании «новых подходов» отказа от «разоблачительного зуда»¹. К сожалению, их трезвым голосам не прислушались. А то, что уже заполонило и захлестнуло историческую литературу в виде фольк-истори скорее не результат естественного объяснительного механизма исторической науки, а также его деформация. В чем выход из тупика для отечественной исторической науки? С нашей точки зрения – в изменении способа, метода познания исторической реальности. По существу ныне произошел кризис объяснительного механизма отечественной исторической науки, его господствующей модели, поисков общих законов истории.

---

1 Есмагамбетов К.Л. Что писали о нас на Западе. Алма-Ата, 1992. – С.67.

2.2 Метод объяснения в казахстанской исторической науке

Об интерпретации как методе казахстанской историографии можно в полной мере говорить, на наш взгляд, с развития исторической науки начиная с конца 80-х нач. 90-х гг. XX в. И этому есть определенные причины, хотя, безусловно, своеобразные интерпретационные механизмы объяснения истории были и до этого времени в советской исторической науке. Однако интерпретация исторических фактов, событий в советское время шла в рамках узкой, марксистской методологии истории. Никаких иных интерпретаций истории выходящих за пределы этой методологии не допускалось. Более того, как например уже отмечалось, в случае с выдающимся казахстанским историком А. Бекмахановым такие попытки административно пресекались, подавлялись. Дискуссии историков, различные интерпретации об исторических фактах и событиях допускались в рамках жестко классового видения прошлого, материалистического понимания истории. Методологически ориентированную роль играли указания из Московского Центра. Сюда относились партийные постановления, материалы съездов КПСС и пр., которые выступали высшими установками для всей исторической советской науки.

Проще говоря, тот или иной советский ученый-историк мог и имел право давать собственную интерпретацию того или иного исторического факта, но, однако непременно в классовых рамках марксистской методологии истории. Следствием такой заданности исследовательской работы историка являлось отсутствие свободной творческой работы ученого, боязнь новых, интерпретационных подходов, не согласующихся с указаниями партии.

Разительным рубежом в развитии казахстанской исторической науки явился период после 1991 г., когда метод интерпретации буквально возродился и получил доселе невиданно широкие формы своего выражения. Именно с этого времени, на наш взгляд есть смысл говорить о наличии развитой формы интерпретации как метода казахстанского историографического исследования. В тоже время применительно к советской исторической науке неправомерно говорить о существовании в ней полноценного интерпретационного метода в виду его содержательного и методологического однообразия.

С начала 90-х годов в научной и научно-популярной исторической литературе появилось и продолжает появляться множество самых разнообразных исследовательских работ дающих плюралистическую, поистине многокрасочную интерпретацию событий и фактов исторического прошлого Казахстана. В числе авторов этих работ не только профессиональные историки, но и писатели, публицисты, журналисты, ветераны, люди самых разных профессий. Среди работ последних немало таких, которые как мы отмечали, относятся к т. н. фольк-истории т.е. псевдоисторическим исследованиям имеющим серьезный налет мифологичности. Вместе с тем появились и получили определенное распространение и работы казахстанских профессиональных историков, дающих самое разнообразное толкование тех

исторических событий, которые, казалось бы, получили незыблемое классовое объяснение.

Подчеркиваем, нас в данном случае интересует не та или иная интерпретация исторического события. Хотя стоит заметить, что казахстанская историографическая наука пока, на наш взгляд не дала полного анализа и обобщения всех интерпретационных подходов оценивающих историю Казахстана. Об этом в частности косвенно свидетельствует и отсутствие полноценного историографического учебника по истории Казахстана. Хотя, тем не менее, работы исследовательского характера и при этом серьезного плана в последние годы появляются.

Наряду с созданием обобщенных историографических работ по истории Казахстана важно на наш взгляд исследовать и познавательные подходы, которые проявились в интерпретации тех или иных событий истории Казахстана. К сожалению подобных историографических работ, где бы исследовались и анализировались, такие познавательные подходы в современной исторической науке Казахстана по существу нет.

Попытаемся в известной мере восполнить этот исследовательский пробел. Исходным как нам здесь представляется, является тезис о господстве метода исторического объяснения в интерпретационных подходах к истории общества. Кстати, этот принцип выступает само собой разумеющимся в исторической науке Казахстана и он не подвергается сомнению, а тем более отрицанию.

Однако в исследовательской работе ученых-историков Казахстана не в полной мере учитывается то существенное обстоятельство, что в разнообразии интерпретационных подходов проявляются различные разновидности исторического объяснения. А это, на наш взгляд, многое объясняет. По крайней мере, то, что какие особенности той или иной разновидности исторического объяснения привели к очередной интерпретации конкретного исторического события.

Здесь важно учесть, что метод исторического объяснения, хотя он проявляется и действует в научном познании, является не сугубо академическим явлением. На этот метод, а еще больше на его результаты действуют самые различные социальные обстоятельства: политика, потребности властных структур, национально-возрожденческие аспекты народа, личные амбиции исследователя и пр. Метод исторического объяснения в каждом конкретном случае его применения неизбежно несет в себе элемент определенного пристрастия, влияния одного из упомянутых факторов. Освободится от этого воздействия исследователю – историку, как показывает длительное существование науки истории невозможно. Можно здесь лишь положиться на личную добросовестность и профессиональную честность ученого, меру которой, как известно не определишь никаким арифмометром.

Масштабно реформаторские усилия политически суверенного Казахстана, которые начали проявляться с начала 1990-х годов не могли сказаться на механизмах проявления и результатах исторического объяснения судеб страны.

Как известно роль науки истории особенно существенно возрастает в периоды возникновения и становления национальной государственности. Возникающее государство и его власть остро нуждается в формировании адекватному потребностям основного этноса и новой политической реальности исторического сознания. Последнее возможно при тотальной критике прежнего исторического сознания и утверждении новых духовных ценностей.

Бесспорно, основную составляющую исторического сознания казахстанцев составляет идея нового, казахстанского патриотизма. Понятно, что решение этого вопроса для суверенного Казахстана означает, прежде всего, историческое переосмысление истории казахов, этноса, который является коренным, и название которого носит само государство.

Без преувеличения можно утверждать, что основной массив вышедших в последнее десятилетие работ исторического плана составляет те, в которых вышеуказанная проблема является наиболее значимой. Безусловно, усилия отечественных историков в решении этой важнейшей задачи нового казахстанского исторического сознания заслуживают всяческого одобрения и понимания. Тем более для исторической научной общественности молодого государства они приобрели характер нормативных установок поставленных руководством страны. «Судьба последнего номадического материка в центре Евразии, – подчеркивает Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев, – национальное самосознание и тайна могильников на семи холмах, тоталитаризм и великий правитель Бейбарс, диаспоры современного Казахстана и средневековая Индия, национальная консолидация и «Алаш» – все это причудливым образом переплелось в истории великого народа, давая силы в непростые дни, переживаемые нами сегодня»¹.

Можно вполне констатировать, что в работах решающих задачи национального возрождения страны используется метод нормативного исторического объяснения. Таких работ сегодня большинство. Нормативными, напомним, они выступают потому, что по содержанию, замыслу, целевой установке эти исторические работы исходят из установок, норм руководства суверенного Казахстана по формированию общеказахстанского патриотизма.

Одним из первых методологически важных для формирования нового общеказахстанского исторического сознания поставил в своих публикациях М. Козыбаев. Примечательно, что в условиях зарождающегося нового политически суверенного Казахстана М. Козыбаев отстаивал необходимость взвешенного и всесторонней оценки истории страны без одностороннего охаивания или только возвеличивания прошлого казахского народа. Он обращал внимание в частности на то, что такая методология исторического объяснения формируется не без трудностей, ибо казахстанские «историки» пытаются выработать новые методологические подходы, методы мышления,

---

¹ Назарбаев Н.А. В потоке истории. Алматы, 1999. С. 6.

видеть исторический поток таким, как он был и есть на самом деле...»¹. Характерно, что М. Козыбаев необходимость подобной интерпретации истории соответствующей реалиям прошлого продемонстрировал на ряде важных в методологическом плане проблем истории, в частности, подобный взвешенный подход к историческому познанию, отмечал ученый, необходим при исследовании места истории Казахстана во всемирно-историческом процессе, развития кочевой цивилизации казахов, казахской государственности, оценке Октябрьской революции, коллективизации, индустриализации. М. Козыбаев, например, категорически выступил против одностороннего возвышения или принижения Октябрьской революции в исторических судьбах человечества, в частности Казахстана. Справедливо указывая на негативы Октября 1917 г. тем не менее, он приводил убедительные факты и аргументы о том, что это событие отнюдь не было переворотом, а имело все показатели характерные для социальной революции.

Методологически важными представляется и мысль М. Козыбаева о подходах к исследованию места Казахстана в истории евразийской цивилизации. И здесь, по его мнению, также необходимо следовать исторической правде, раскрывать, последовательно и всесторонне историю Евразии отдавая должное всем странам и народам находящимся волею исторических судеб на общем континенте.

Историческая общественность Республики Казахстан также высоко оценивает методологически важные для исторической науки работы М.Х. Абусеитовой, К.Л. Есмагамбетова, С.Г. Кляшторного, Т.И. Султанова, К.М. Байпакова, В.А. Моисеева и др. Вместе с тем ряд исторических работ некоторых казахстанских ученых-историков получили в печати невысокую оценку, а то и откровенную критику. В таких исследованиях проявляются попытки героизировать и удревить истоки казахстанской истории, показать Чингиз-хана, Аттилу потомками современных казахов, национализировать, аль-Фараби.

С точки зрения метода исторического объяснения такие факты и выводы определенной части казахстанских историков представляются несостоятельными, ибо они не соответствуют требованию адекватности историческим реалиям. В подобных исторических объяснениях как раз слабо представлена рациональная сторона аргументации, которая в большей степени подменена, гипертрофировано национальным тщеславием. И здесь прав Н.Э. Масанов, который пишет: «Не надо выдумывать ничего, не надо присваивать чужих героев и чужие культуры. У нас своя богатая, красивая, самобытная и очень сложная история. И если мы действительно казахи, или же хотим быть

---

¹ Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избранные труды). Алматы, 2006. С. 134.

ими, давайте, наконец, изучать свою подлинную историю и культуру. И не надо неказахскую историю делать казахской»¹.

Ряд казахстанских историков развивают другое направление исследований, в которых проявляется интерпретация истории Казахстана, связана с применением модельного исторического объяснения (объяснения по аналогии). Сегодня можно встретить немало исторических работ, где эти исследователи пытаются, используя этот метод найти в прошлом аналогии современным социальным процессам. Порой эти аналогии ищутся путем сравнения в прошлых исторических событиях. При таком историческом объяснении исследователь исходит из того, что между историческими фактами, событиями есть черты схожести, повторяемости.

Если вспомнить подобный метод исторического объяснения был довольно популярен в работах советских исследователей, особенно российских историков в годы перестройки. Тогда историки искали черты схожести между проводимой в стране перестройкой и проведенной в 20-е годы политикой НЭП.

И в исследовании истории Казахстана путем использования модельного объяснения некоторые авторы находят подобные аналогии. Исходя, из них такие исследователи дают не только иные интерпретационные трактовки истории Казахстана, но и определенные практические советы по реформированию тех или иных сторон жизни современного казахстанского государства.

Нам представляется, что реально, хотя этот метод в историческом исследовании применим, но практическая составляющая здесь как минимум вызывает сомнения. И тому есть некоторые причины. Прежде всего, нельзя не заметить, что исследования, где этот метод применяется, в известной степени идеализирует прошлое, историческую сторону. Подобного рода мысли, суждения довольно часто встречаются как в трудах отдельных профессиональных историков-исследователей, так и тех авторов, которые касаются в своих произведениях исторической тематики. Согласимся на некоторых из них. Широко распространенным явлением, например, среди исследователей является известная идеализация степной демократии бийского судопроизводства, родовых отношений, традиции многоженства, отдельных представителей степной аристократии.

С точки зрения логики познавательного механизма истории Казахстана такого рода перекосы на наш взгляд вполне объяснимы. Они собственно представляют собой некоторую обратную реакцию тем старым, марксистским подходам историков, которые все эти перечисленные исторические явления трактовали как «пережитки прошлого», «негативные явления», «наследие эксплуататорского прошлого» и пр. Поэтому думается не стоит эти перекосы исследовательского плана драматизировать, а тем более огульно обвинять кого-либо из историков в этом.

---

1 Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007. С. 125.

Сам ход дальнейшего исторического познания думается выправить эти несообразности и со временем все это станет на свои места.

Другой вопрос, а это уже, во-вторых, нельзя, как нам представляется эти идеализированные исторические институты прошлого переносить на современность, пытаться их утвердить в нынешней государственной и общественной жизни. Здесь надо помнить, что при всех своих преимуществах тот же суд биев или процессы степной демократии были порождены своим историческим временем, выполняли присущие им функции своего времени. Попытка насаждения этих исторических институтов в современные социальные рамки, на наш взгляд бесперспективна, не даст должных положительных результатов.

А это касается имеющих порой в исследовательской литературе фактов идеализации родовых отношений, амангерства, многоженства то они вообще должны встречать однозначный отпор. И не только по соображениям той мысли, что мы живем сейчас в другое историческое время, в XXI веке. Есть и другие, не менее веские причины. Скажем, родовые отношения – это наследие старого патриархально-феодалного быта прошлого при его реанимации в настоящем оно способно не объединить, а наоборот разъединить казахский народ. Или, что бы означало введение многоженства, которое, как известно будируется на парламентских дебатах некоторыми нашими депутатами? Тоже, на наш взгляд, шаг назад, к восточному, азиатскому в его худших проявлениях. Если мы стремимся идти в современной историей в ногу со стандартами цивилизационного западного образа жизни, то такого рода явления как многоженство не должны присутствовать в жизни казахов и казахстанцев XXI века.

Учет объективных исторических параметров прошлого – это не только требование реформаторской политики государства, но оно и неперемное условие применения исторического объяснения как метода. Поясним эту мысль, на телеологическом историческом объяснении, которое также получило определенное распространение среди определенной части исследователей в современной казахстанской исторической науке. Напомним, что телеологическое объяснение – это метод когда в историческом исследовании трактовка тех или иных фактов, событий дается исходя из целей, намерений деятельности людей. Бесспорно значимость этого метода для исторического познания, в частности, отечественного. Его в какой-то мере для нашей исторической науки можно назвать компенсационным, ибо оно компенсировало те односторонности, которые были присущи господствующей в отечественной истории марксистской методологии истории. Ведь не секрет, что исходя, из этой методологии наши историки акцентировали свое внимание на исследование специальных, экономических, политических сторонах исторических фактах, событий. Этим самым упускалось из виду необходимость исследования субъективной составляющей исторического процесса,

недооценки психологических, волевых сторон деятельности людей в историческом прошлом.

Отрадно, что после получения национально-политической независимости современного Казахстана ряд отечественных ученых посвятили свои работы исследованию этой субъективной составляющей, роли истории и места государственных, исторических личностей в истории казахстанского народа.

Тем самым происходит и это надо всячески приветствовать процесс восполнения того пробела, который ране был присущ отечественной историографии. Однако нельзя не заметить, что широкое применение в практике исследовании метода телеологического исторического объяснения сопровождается в отдельных работах идеализацией роли некоторых исторических личностей. Происходит своего рода лакировка, ретуширование образов отдельных исторических персонажей прошлого или как обратный исследовательский прием изображения той или иной личности в качестве корня зла на определенном этапе истории казахов.

На наш взгляд это известная переоценка психологической составляющей в исследовании истории. Здесь в пылу увлеченности романтизации или наоборот излишнего акцента на отрицательности исторического персонажа недостаточно уделяется, а то и может быть и забывается объективная социально-экономическая сторона истории, в которой живут и действуют личности. Отсюда как результат и создаются порой в историческом сознании образы однозначно положительных, героизированных личностей казахских батыров, справедливых, никогда не ошибающихся в своем деле казахских судей Айтеке-би, Толе-би, Казыбек-би, мерзавца и злодея Голощекина и т.д.

Конечно, можно возразить и сказать, что разве эти эпитеты не соответствуют характеристике реалии исторических персонажей Казахстана? Ответ, соответствуют, но не в полной мере. Побудительные мотивы, замыслы, цели в реальной истории выступают, как известно отнюдь неоднозначно, точнее не всегда однозначно определенными. Здесь для их объяснения требуется исследование всей гаммы психологической составляющей проявляющейся в деяниях исторической личности. И, безусловно, требование адекватности исследования личности требует изучения и объективной составляющей исторической эпохи, времени, конкретной ситуации, в которой проявляется деятельная сторона личности.

С этой точки зрения, большего учета всех обстоятельств исследуемой исторической проблемы более плодотворным представляется применение метода системного исторического объяснения. Системность при этом в историческом познании может пониматься по-разному.

Есть системность в исследовании исторических явлений усилиями ученых историков, философов, психологов, социологов и других представителей наук. Заметим, что в историографическом багаже Казахстана работ такого плана крайне мало, если не сказать больше.

Системность может пониматься и в смысле применения в историческом познании различных методов научного исследования: философских, общих,

конкретных. И здесь справедливости ради сказать, на наш взгляд тоже обстоит дело не столь благополучно. К сожалению, этому в значительной мере мешают традиционно сложившиеся профессиональные стереотипы ученых разных специальностей. Историки, например, не приемлют применения в исторических исследованиях философских понятий, категорий, считая их сугубо теоретическими, абстрактными, бессодержательными. Подобные рецидивы отрицательного отношения историков-исследователей наблюдаются и по отношению к методам психологии, социологии, которые также трактуются как ненужные для исторического исследования.

Попытка такого системного исследования исторической проблематики с использованием методов познания разных наук в частности была предпринята Абилом¹. Необходимы дальнейшие научные поиски в разработке этой проблемы.

Думается, что это одно из перспективных направлений развития отечественной исторической науки. Необходима интеграция, объединение усилий особенно гуманитариев разных специальностей, разных методов научного познания.

И, наконец, системное историческое объяснение как метода может выступать как всемерный учет всех составляющих исследуемого исторического явления, о чем мы ранее говорили. Это требование, думается особенно важно, когда историки исследуют сложные системные явления прошлого, например, национально-освободительные движения, процессы коллективизации и пр.

И здесь следует, на наш взгляд подчеркнуть, что современная историческая наука Казахстана имеет с точки зрения имеющейся у нее методологии истории благоприятные обстоятельства. Для контраста вспомним, в советской исторической науке тоже ратовали за подобные системные подходы к исследованию исторических явлений. Более того, каждый диссертант в то время считал непрямым во введении обязательно подчеркнуть, это предлагаемое им научной общественности исследование построено именно на системном анализе.

На самом деле советская история в познании реалии прошлого отнюдь не руководствовалась системным историческим объяснением. Этот метод по сути дела был подменен методом каузальным, причинно-следственным. Характерно, что в действии этого метода в качестве причины каждый раз, непременно выступала экономическая составляющая. И это не удивительно. Ведь советская методология истории исходила из того, что в основе, фундаменте объяснения исторического процесса лежат экономические причины.

А это фактически означало, что исследователь-историк хотел или нет, противоречило это его научным убеждениям или их подтверждало – в любом случае для успеха своей исследовательской работы вынужден был давать в ней приоритет в объяснении истории материальному фундаменту.

---

1 Абилов Е. Этногенез казахов. Опыт системного подхода. Кустанай, 1997. С.124

Остальные слагаемые истории выступали как второстепенные, как следствие из основной причины, что невольно вело к фрагментарности их исследования.

Современный казахстанский историк-исследователь свободен в выборе своей методологической базы. И научная общественность историков вправе ожидать от исследователей крупных обобщающих работ, где системность исторического объяснения не просто декларировалась, а применялась по всей его многосторонности без односторонних приоритетов, какой-либо стороне реальной истории.

На наш взгляд следует оценить как весьма позитивный отказ казахстанских ученых-историков от поисков в исследовании законов исторического процесса. Между тем, напомним, в советской исторической науке это было тоже принципиальным требованием партийного руководства КПСС. Хотя, как известно, такие исследовательские попытки не увенчались успехом. Казахстанские историки как впрочем, и все советские в тот период больше руководствовались законами классовой борьбы, материалистического понимания истории, но сами собственно новых законов не открыли. Практически это выглядело более скромно, как подведение исследуемых исторических фактов под эти т.н. общие законы истории. Одновременно эти последние выступали для исследователя – историка и как методологические установки, которых надо придерживаться и непременно соблюдать в исследовании.

С крушением марксистской методологии истории такая задача для исследователя-историка отпала. Ныне возобладала в исследовании методология ситуативного исторического объяснения, что несет в себе несомненные определенные положительные плюсы. В этом случае историческое познание выигрывает за счет исследования детализации фактов, событий, полноты конкретики изучаемого объекта.

Тем не менее, как нам представляется поиски исторического исследования с нацеленностью на обобщение, выявление тех или иных общих признаков исторических явлений нужны. Речь не идет о задаче возврате исторической науки к утопическим поискам общих законов истории. Речь идет о другом, исследовании и выявлении общих тенденций исторического процесса.

Последние, безусловно, существуют в развитии реальной истории. Ведь согласимся, исторические факты, события имеют не только каждый свою индивидуальную физиономию, но они непременно несут в себе в прошлом и определенные одинаковые признаки, которые выступают в истории как общие тенденции.

К сожалению, казахстанская историческая наука не слишком увлечена поисками и исследованием таких тенденций. Об этом свидетельствует малое количество исторических работ посвященных исследованию этой задачи. Это можно рассматривать как определенный пробел в казахстанской историографической науке.

Укажем здесь на некоторые стороны реальной истории Казахстана, которые несут в себе эти общие тенденции исторического процесса. Одна из актуальных проблем в этом плане – исследование в историческом контексте евразийских начал в истории казахов и других народов, населяющих Казахстан. Здесь усилия историков-исследователей Казахстана выглядят более скромными, нежели результаты отечественных философов, социологов. Пожалуй, наиболее интересные мысли, на наш взгляд, но не практические работы, которые он не успел, написать и выпустить были высказаны историком М. Козыбаевым¹.

Другая проблема-исследование общих тенденций в развитии кочевничества как исторического явления. И здесь также мало крупных работ по этой, несомненно, актуальной проблеме исследования. Исключение, пожалуй, здесь составляют совместные, коллективные исследования историков²

Нуждается в тщательном исследовании проблема соотношения общего и особенного в развитии казахской государственности. Историки здесь отстают по сравнению с правоведами. Исследование именно общих тенденций развития государства у народов как казахов живущих в условиях номадного общества с привлечением широкого круга источниковедческого материала – одна из востребованных задач исторической науки Казахстана.

Весьма позитивным явлением в нашей историографической науке мы считаем снижение удельного веса исторических наук написанных на основе метода нарративных (повествовательного) изложения. В советской исторической науке этот метод исторического объяснения был не только распространенным, но он выступал зачастую в своеобразной, специфической форме. Исторические работы, написанные по этому методу, отличались «валом» фактологического, цифрового материала, которые не подвергались серьезному теоретическому анализу. Такие работы больше напоминали статистические сводки, нежели глубокое историческое исследование.

Безусловно, факты, перефразируя слова известного классика для исторической науки – упрямая вещь. Но, однако, когда в исследовании истории она превращается в фетиш, то научная работа в этом случае превращается в справочник.

Преобладание в советской исторической науке такого нарративного метода исследования в его своеобразной оболочке имело и определенные последствия для профессионального сознания историков.

---

1 Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избранные труды). Алматы, 2006. С. 5, 7.

2 Кшибеков Д.К. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. – Алматы, 2000. С. 235. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.А., Баратова Г.С. История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2000. С. 435.

Ведь до сих пор можно встретить казахстанского историка вышедшего и сформировавшегося в советские времена, который признает научно-исследовательской лишь ту работу, которая насыщена и перенасыщена статистически – фактологическим материалом.

Для сознания такого историка теория – это нечто вроде проказы, которой надо всячески сторониться и отказываться.

Конечно – указанная черта является признаком не всякого бывшего советского историка. Но увлеченность именно фактологической стороной исторического исследования без должного их анализа и теоретической проработки встречается порой у них, нежели молодых казахстанских историков.

Заметным явлением в исследовании методологически важных для исторической науки проблем является работа Оразбаевой А.И. В ее монографии впервые в отечественной истории предпринята попытка теоретико-методологического обоснования цивилизационных особенностей социокультурного развития традиционного казахского общества, рассматриваемого в контексте сравнительной теории цивилизации.

Вместе с тем в работе казахстанского историка – ученого содержатся и исследуются новые для исторической эпистемологии Казахстана вопросы познания. Исследователь исходит из утверждающейся с начала XXI в новой альтернативной формы истории, т.н. «культурной истории социального» предполагающего оперирование параметров как культурного, так и антропологического подходов. Прежние методы исторического объяснения с точки зрения этого нового методологического угла исторического познания нуждаются в значительной корректировке. Согласно мнению Оразбаевой А.И. отныне в фокусе исторических исследований должны находиться не объекты. Исходным в историческом исследовании должны явиться «субъект, индивиды, разновидности их сообществ, логика и стратегия их действий, их отношения к идентичностям, ибо нет таких экономических, политических и других материальных структур, которые не несли бы на себе отпечаток человеческого сознания, человеческих представлений, индивидуальных и коллективных»¹.

Нам представляется, что подобные выводы и положения исследователя важны не только новизной для отечественной истории, но они в известной мере ориентируют исследовательское поле историков на новые подходы исторической эпистемологии.

Таким образом, анализ методов исторического объяснения в казахстанской исторической науке позволяет констатировать их разнообразие, применение различных новых методов исторического познания. Последнее выступает показателем богатства интерпретационных подходов к историческому исследованию. Каждый из разновидностей метода исторического объяснения проявляет себя с естественно присущим ему достоинствами и недостатками.

---

1 Оразбаева А.И. Цивилизация кочевников евразийских степей. Алматы, 2005. –С. 9.

В значительной мере казахстанская историческая наука эти методы ныне осваивает, ибо ранее, в советский период этого разнообразия исследовательских подходов к истории не наблюдалось.

ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX-НАЧАЛА XX В О РОЛИ МЕТОДА ОБЪЯСНЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ

3.1 Европейская историческая мысль об объяснении и обоснование его замены методом понимания

Ситуация, в которой оказалась отечественная (бывшая советская) историческая наука в конце 80-х – нач. 90-х годов XX в всеми квалифицируется как кризисная. При этом кризис понимается и толкуется как методологический. Аргумент таков: в советское время, почти 80 лет такой основой методологии истории являлась формационная теория марксизма, стала очевидной ее несостоятельность

Подобная констатация состояния исторической науки как мы уже приводили факты, сопровождалась тем, что с начала 90-х годов появилось множество исторических исследований, которые стали изучать прошлое, образно говоря наоборот, т.е. появилось множество исследований, в которых история, особенно советская стала выступать исключительно в негативных красках. Проще говоря, хотя к сложной и противоречивой истории термин этот неприменим, плюсы были поменяны на минусы

Спору нет, любое историческое исследование, даже самое квалифицированное и добросовестное, никогда нельзя рассматривать как законченное. В истории истина относительная величина хотя бы потому, что источники практически неисчерпаемы, а исследователь никогда не может преодолеть субъективный подход.

При всем желании историка быть беспристрастным судьей, его отношение к прошлому не может быть совершенно нейтральным, отвлеченным от морали. Ведь ему что-то по человечески нравится, а что-то не нравится, хотя в жизни нет явления абсолютно положительных или абсолютно отрицательных. Тем не менее, добросовестный историк должен быть осторожен в своих выводах. Ему не следует навязывать свои суждения, становится в позу резонера.

К сожалению, постсоветская история в своих исследованиях преимущественно судила прошлое, нежели подходила к ним беспристрастно. Французский историк М. Блок, говоря об основной задаче исследования прошлого, обращал внимание на то, что здесь необходимо, прежде всего «понять», ибо она стоит выше задачи «судить». «История, – писал он, – слишком часто отдавая предпочтение наградному списку перед лабораторной тетрадью, приобрела облик самой неточной из всех наук – бездоказательные обвинения мгновенно сменяются бессмысленными реабилитационными. Господа робеспьеристы, антиробеспьеристы, мы просим пощады: скажите нам, ради бога, попросту, каким был Робеспьер? К несчастью, привычка судить, в конце концов, отбивает охоту объяснять»¹.

---

¹ Блок М. Апология история или Ремесло историка. М., 1973. С. 35.

Академик П.В. Волобуев (1923-1997) не раз показывавший пример научной смелости и добропорядочности, в интервью журналу «Отечественная история», ставшем по воле судьбы его исповедью и одновременно завещанием, говорил: «Историческое сознание народа усилиями средств массовой информации запутано, и люди часто просто не знают, где ложь, а где, правда. Поэтому историки должны дать им, прежде всего, научно-обоснованные и нравственные ориентиры понимания истории. Каждое большое событие оказывает огромное воздействие на общественное сознание. Поэтому его надо правильно истолковывать, донести до людей, с тем, чтобы они сумели оценить свое историческое прошлое, увидеть в нем плюсы и минусы и понять, что без знания прошлого невозможно никакое будущее»¹.

Ремесло историка – призвание особого рода, удовлетворяющее нравственную жажду к знаниям, к истине. Подобно другим наукам история дифференцируется по направлениям и даже по методам. Есть историки-фактологи, вводящие в научный оборот малоизвестные факты. Есть историки-концептуалисты, выдвигающие интересные новые объяснения. Есть историки-философы, социологи, политологи, экономисты, аграрники, историографы.

Не упрощая положение, следует отметить, что на состояние исторической науки оказывают немаловажное влияние и такие факторы, как состояние культуры вообще и общественного сознания в частности, престижность самих исторических знаний (или отсутствие таковой), наконец, материальные условия для создания фундаментальных исторических исследований.

Любая наука, в том числе и история, требует своих энтузиастов и подвижников, беспредельно преданных своему делу, в особенности творцов и мыслителей. «История – такое же ремесло, как и все остальное, – писал Л. Февр – Она нуждается в добросовестных мастеровых, в опытных подрядчиках, способных выполнять работу по плану, составленному другими. Нуждается она и в хороших инженерах. И они-то должны смотреть на вещи отнюдь не с высоты фундамента. Они должны уметь составлять планы, обширные планы, всеобъемлющие планы, осуществлением которых займутся в дальнейшем добросовестные мастеровые и опытные подрядчики. А чтобы составить обширный и всеобъемлющий план, необходимо обладать широким и ясным умом. Трезво и зорька смотреть на вещи. Работать в согласии с ритмом своего времени. Ненавидеть все мелкое, узкое, пошлое, отжившее. Одним словом, нужно уметь мыслить»².

Если история и не точная наука, то вопрос о ее правдивости ставится в том случае, когда она отрывается от бесспорных данных. В таком случае возникает опасность умышленной фальсификации. Истинность исторического знания подтверждается совпадающими оценками многих исследователей.

---

1 Волобуев П.В. История: сегодня и завтра // Отечественная история. 1997. № 6. С. 23.

2 Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 145.

Одна из высоких гражданских целей исторической науки состоит в развенчании разного рода мифов, которые появляются в особенности в поворотные моменты общественного развития. Без прошлого нет настоящего, ни будущего. Люди хотят знать, чтобы предвидеть, и предвидеть, чтобы действовать. Нельзя пытаться совершенствовать общество, не опираясь на рациональное наследие, накопленное человечеством. Всякий кто хотел бы игнорировать это наследие, делать «все наоборот», фактически оказывается утопистом, если не реакционером-ретроградом

В исторических исследованиях субъективные качества исследователя играют существенную роль. В том, как он интерпретирует исследуемые события, оценивает их, объясняет. Говоря такого рода качествах американский профессор Дж. Гарриген считал, что для компетентного историка необходимы следующие качества; стремление к истине, критический ум, объективность, трудолюбие и сила интеллекта»¹.

Однако известно, что в науке законы открываются лишь методом объяснения в исторической науке, как советской, так и отечественной традиционно господствовало и господствует мнение об объяснении как универсальном методе научного познания. Здесь налицо позиция, отождествляющая способ познания естественных и гуманитарных наук, не акцентирующая внимания на эпистемологических особенностях каждой из них.

Для отечественных гуманитариев и историков в частности длительное время, имеется ввиду советская эпоха, не была знакома в полной мере (понятно по идеологическим причинам), концепция понимания принятая еще во второй половине XIX в. и учитывающая особенности гуманитарных наук.

Между тем, многие представители исторического знания еще в конце XIX - начала XX в. выступали против использования естественнонаучных методов познания в исторической науке. В качестве альтернативного способа они выдвинули новый способ исследования, который заимствовали из герменевтики. Слово «герменевтика» древнегреческого происхождения и первоначально обозначало искусство интерпретации или истолкования текстов, их понимания и перевода на другой язык. Этимологически она связана с именем Гермеса, который в античной мифологии считался посланцем богов Олимпа, доставлявшим людям их повеления. Чтобы люди поняли божественный язык, Гермес должен был стать не только посредником в общении между богами и людьми, но и толкователем и переводчиком божественных мыслей².

---

1 Коломийцев В.Ф. Методология истории (От источника к исследованию). М., 2001. С. 145.

2 Бласс Ф. Герменевтика и критика. – Одесса, 1991. С. 20.

Герменевтика как практическое искусство интерпретации и понимания древних текстов, в частности исторических произведений, впервые возникла в античной Греции.

Обучение истории там начиналось с изучения работ Геродота, понимание которых было связано с немалыми трудностями, как из-за мифологического их содержания, так и отдаленности во времени написания. Поэтому афинские учителя истории «должны были много заниматься, если не ученым объяснением, то простым истолкованием, герменевтикой, а также прибегать к критике»¹.

Формирование практических методов герменевтики началось с поисков эмпирических правил истолкования и понимания текстов различного содержания. В зависимости от конкретного содержания текстов постепенно выявлялось и особые правила их истолкования. Так возникла филологическая, библейская, впоследствии юридическая герменевтика.

Теоретические основы герменевтики были созданы в 1819 г немецким ученым Ф. Шлейермахером, который ее толковал как искусство понимания. Такое искусство должно быть одинаково применено как для понимания текстов Священного писания, так и исторических хроник, художественных произведений, юридических документов.

Новый подход Шлейермахера существенно отличался от прежних тем, что он предлагал рассматривать текст как особого рода диалог между автором и его интерпретатором. Сам процесс понимания, по его мнению, осуществляется посредством двух взаимосвязанных и взаимодополняющих интерпретаций; грамматической и психологической. Психологическая интерпретация стремится выявить индивидуальные особенности автора текста, обращая особое внимание на события его жизни, на его взгляды и духовный мир. Чтобы понять по настоящему текст, интерпретатор должен проникнуть в духовный мир автора, прочувствовать и пережить то, что он пережил. Настаивая на необходимости соотнесения текстов с культурно-историческими факторами их возникновения, их отношением к жизни, Шлейермахер во многом способствовал появлению новой герменевтической концепции понимания.

Такова в общих чертах характеристика появления и особенностей метода понимания в герменевтике.

В историческом познании объяснения тесно переплетаются с интерпретацией и пониманием, поскольку они тесно связаны с осмыслением действий и поведения людей в прошлом. Ведь чем глубже и полнее мы раскрываем цели и мотивы поведения людей, тем лучше поймем их действия и поступки. В то же время, когда мы понимаем исторические действия, тем яснее и точнее можем объяснить их. Однако в отличие от объяснения в понимании содержится определенный субъективно-психологический оттенок, связанный с восприятием мыслей, чувств и духовной жизни людей.

---

1 Бласс Ф. Герменевтика и критика. – Одесса, 1991. С. 23.

Впоследствии немало историков возражало, поэтому против использования естественнонаучных методов в историческом познании. Поэтому в качестве альтернативного метода изучения они выдвигали специфический метод познания и характеризовали его как способ интерпретации и понимания исторических событий и процессов.

Однако в историческом познании понимание, как представляется, имеет свою специфику по сравнению с другими областями знания. Прежде всего, понимание выступает методом научного познания, а, следовательно, и исторического познания. И здесь в литературе нет возражения, хотя чаще в ней по отношению к пониманию используется термин «способ». Но если метод толковать в традиционном аспекте, как совокупность приемов и средств познания, то понимание классически вписывается в такое представление. Ведь понимание при его практическом применении предполагает (при грамматической или психологической интерпретации или любой другой форме использования) необходимость использования определенных методик, как в любой науке.

Однако, следует констатировать, что несмотря на давнюю разработку и распространение в гуманитарных исследованиях метода понимания оно все еще не получило своего отражения в классификации методов научного познания. По своему характеру понимание целесообразно относить к методам, которые применяются в гуманитарных науках. Ни естественнонаучных, ни технических исследованиях понимание как метод не получил своего распространения.

Исходные методологические основы применения метода понимания в историческом познании содержатся в идеях представителей Баденской школы исследователей В. Виндельбанда и Г. Риккерта. В. Дильтей (1833-1911) гг. хотя и не относился к этой школе, но выдвинул во многом схожие, общие идеи необходимости метода понимания в историческом познании. В. Дильтей, в частности эту особенность исторического познания выявил с психологических позиций.

Дильтей разделил весь комплекс наук на науки о природе и науки о духе «Сумма духовных явлений, – писал он, – подпадающая под понятие науки, обычно делится на две части; одна обозначается названием наук о природе; для другой, странным образом, общепризнанного обозначения не существует. Я присоединяюсь слову употреблению тех мыслителей, которые это второе полушарие интеллектуального глобуса именуют науками о духе»¹. Данные два класса наук относительно отличаются друг от друга по предмету и по специфике методов исследования. Это обусловлено тем, что мир природы и духовный мир тесно связаны друг с другом. Природа является фактором, условием и моментом деятельности человеческого духа, жестко определяя жизнь человека. И в то же время человек оказывает обратное воздействие на природу, изменяя природный мир и себя как часть этого мира.

---

¹ Дильтей В. Собр. соч. Т. 3. С. 123.

Неотвратимое действие природных, независимых от человека сил и свободный человеческий дух сплетаются в единый универсум свойств, связей и отношений, части которого существует независимо от целого и друг от друга только мысленно. «Отсюда ясно, – писал Дильтей, – насколько условно ограничение двух классов наук друг от друга... Знания того и другого классов постоянно смешиваются друг с другом в обеих пограничных областях между изучением природы и изучением духовных явлений... Познания наук о природе смешиваются с познаниями наук об обществе»¹. В универсуме природно-социальных связей собственно человеческое следует рассматривать тоже как целое. Дильтей его называл «психофизиологическим жизненным единством». Оно может быть познаваемо обоими классами наук. И науки о природе и науке, о духе обнаруживают в нем собственный предмет. Но таковой предмет в чистом виде может выделить лишь сила абстракции. Духовная жизнь человека также не существует вне зависимости от психофизиологического жизненного единства. «Система таких жизненных существ суммируется в действительность, составляющую предмет историко-общественных наук»². Ясно, что какие бы духовные сущности мы ни рассматривали, понимать их адекватно можно, учитывая системообразующие связи с жизненным единством, с «действительностью» и со всем природным космосом. Любые духовные сущности есть проявления жизни, они не существуют независимо от человека, тем и отличаясь от природных явлений. Поэтому метод познания их должен быть качественно иным.

Специфику всех методологических приемов о духе Дильтей усматривает в преимущественном использовании интерпретационных методов исследования. «Понимание... утверждает он, – этот метод используемый науками о духе. Все функции объединяются в понимании. Понимание в каждой точке открывает определенный мир»³. Дильтей был в числе тех, кто утверждал, что науки о духе не могут существовать без интерпретационных методик.

Цель исторического познания, по Дильтею в частности состоит в постижении уникального мира людей прошлых эпох. Поскольку внутренний мир человека не дан непосредственно, он познается через его чувственно-предметные выражения, объективации – в жестах, поступках, высказываниях, текстах, произведениях искусства и т.п. Все эти «выражения жизни» объективации констатируются в указанном жизненном контексте в качестве его узловых пунктов, значения, в связи, с чем постижение заложенного в них смысла предполагает иной метод, чем метод полностью рационального прояснения всеобщего содержания научного знания. Здесь, подчеркивал Дильтей, необходимо понимание посредством «вчувствования» (эмпатии). «Пониманием – дает определение Дильтей, – я подразумеваю процесс, в котором мы используем чувственно данные объективации для достижения

---

1 Дильтей В. Собр. соч. Т. 3. С. 134.

2 Там же. С. 145.

3 Там же. С. 150.

знания духовной жизни»¹.

В историческом познании понимание, отталкиваясь от эмпирических данных исследования – исторических документов, автобиографии и биографии людей, материальных памятников культуры должно стремиться раскрывать уникальный жизненный мир, на который они указывают. Исследователь – историк должен понять их автора так, как он понимает самого себя. Понимание, согласно Дильтею тем самым выступает психологической актуализацией живого опыта автора, воображаемым самопереносом, посредством которого познающий преодолевает культурную и временную дистанцию, отделяющую его от объекта и становится «современником» исторического субъекта². В этом смысле понимание для Дильтея – это «не концептуализация, но тотальное осознание духовного состояния и его реконструкция на основе вчувствования»³. Отсюда вытекает и психологическая трактовка понимания как нормативного основания гуманитарно-исторических дисциплин, дающего историку возможность «духовной достижимости» исторической временности, возможность стать мысленно и чувственно-эмоциональным соучастником исторического события.

Именно методологический вызов историзма был отправной точкой для В. Дильтея. Он хотел сделать для истории в особенности, а для «наук о духе», вообще то, что сделал Кант по отношению к естественным наукам. Как Критика чистого разума Канта обнаруживает гносеологические условия возможности знания в области эмпирической науки, так и Дильтей пытается развить «Критику исторического разума». Он считал себя методологом исторической науки.

Согласно ему, самое главное – избежать сведенной и механической перспективы естественных наук. Предметом интереса в гуманитарных науках не является точка сосредоточивания характерная для естественных наук. Гуманитарные и общественные науки – дисциплины истолковывающие выражение внутренней жизни человека. Отсюда для Дильтея основное; это необходимость развития методов для приобретения правильного истолкования внутренней жизни. Понимая невозможность так называемой «объективности» в истории он указывает на конкретное историческое жизненное переживание, как отправную и конечную точку гуманитарных наук. Или наук о духе.

Отправной точкой для осмысления истории и других наук о духе является согласно Дильтею «жизненный опыт». Нам надо как бы переобнаруживать нашу «историчность» или наше основное существование в истории, чтобы понимать человеческое существование, которое иначе теряется в статичных понятиях эмпирической науки.

---

1 Дильтей В. Собр. соч. Т. 3. С. 234.

2 Там же. С. 323.

3 Там же. С. 315.

Тем самым, мы видим у Дильтея «принцип опыта» как основной герменевтический принцип для выяснения действительности гуманитарных наук в противопоставлений к естественным наукам. Если естественные науки объясняют природу, гуманитарные науки понимают выражение жизни.

Важное место в процессе понимания истории по Дильтею играет герменевтический круг. Данное понятие выражает существенную особенность процесса понимания, которая связана с его циклическим характером. Герменевтический круг был известен уже античной риторике, а также патристике.

В. Дильтей считал, что понимание текста как «объективизации жизни» творческого индивида возможно при условии понимания духовного мира соответствующей эпохи, что, в свою очередь, предполагает понимание оставленных этой эпохой «объективизации жизни».

Но вот вопрос: если следует понимать каждое особенное явление в контексте его эпохи, то, как можно представить, что само наше понимание необходимо обуславливается своей эпохой и поэтому никогда не освобождается от ее влияния в попытке понимания других исторических времен? Речь идет о рассмотрении и оценке других эпох, не используя стандарты нашего времени, но стандарты характерные данным эпохам. Но при этом, возможно ли избежать релятивизма? Если нельзя понимать прошлое без какого-то отношения к современности, то не значит ли это, что всяческое историческое понимание, по сути релятивное? Это вопрос относится к основной гносеологической проблеме; если наша эпоха – одна среди других эпох, и если наше понимание всегда обусловлено ей, то, как можно предьявить притязание на истину современных исторических взглядов, независимо от взглядов прошлого времени? Иначе говоря, как возможно строгая наука история? Находится ли объективная или нерелятивная истина в истории? Действительно ли невозможно избежать герменевтического круга нашей историчности? Вот – основная проблема историзма или релятивизации все истины, как обусловленной историческими обстоятельствами.

У Дильтея мы не найдем действительный ответ на указанную проблему релятивизма. Но зато мы находим ответ у другого методолога истории – Ионна Густава Дройзена (1818-1884). Он отвергает мнение, что историки занимаются «объективными» открытиями о прошлом. То, что важно, для него – это попытка как бы критически переставит на сцене нашего понимания прошлые события. Никогда не вырисовывается картина прошлого, а только современная переработка его то, что мы получаем от других, стараемся углубить для себя и для современников.

Если В. Дильтей историю относит к наукам о духе, В. Виндельбанд и Г. Риккерт характеризуют ее как науку о культуре. Однако и в том и другом случаях признается специфика исторического и вообще гуманитарного познания. В характеристике последней В. Виндельбанд и Г. Риккерт обращают на особое значение проблемы текста для социально-гуманитарных наук.

Они исходят из того, что если естественные науки непосредственно нацелены на телесные, природные вещи и процессы (это и есть их фактический материал), то науки о культуре выходят на последние опосредованно, т.е. через материал, представляющий источниками – историческими, археологическими, этнографическими, культурологическими и т.д. Эти источники и есть непосредственный материал наук о культуре. Из них исследователи и извлекают исторические факты, но не просто констатируют и описывают их, а обобщают, систематизируют «совокупность фактов», подвергают их критическому анализу, отделяя при этом существенное от несущественного. Критерием этого отделения и является принцип отнесения к ценностям.

Поскольку представителям гуманитарных наук даны непосредственно не факты, а источники, то они нуждаются в принципе выбора для того, чтобы отделить в них существенное от несущественного. Таким принципом и является отнесение к ценностям. Добывая из источников тот фактический материал, который его интересует, историк, например, сталкивается с трудностями, «неведомыми естествознанию». У последнего, полагает Риккерт, «в большинстве случаев оказывается больше материала, чем ему нужно». У исторической науки материала зачастую бывает очень мало. Чем это вызвано?

Во-первых, история изучает главным образом прошлое, как правило, по «незначительным его отрывкам, следам». Поэтому историк вынужден довольно часто прибегать к проблематическим предложениям или же заранее отказываться от воспроизведения значительных частей своего рода предмета.

Из этого следует, что, во-вторых «история в большинстве случаев не может прямо узнавать, как естествознание свои факты, но почти всегда должна лишь умозаключать к ним от сохранившихся следов (в источниках). А это значит, в третьих, что в подавляющем числе случаев (бывают и редкие исключения) история имеет перед собой не прямой фактический материал, а материал представленный источниками.

Тем самым, в-четвертых, в истории «обыкновенно объект наблюдения и объект исторического изложения, стало быть, источник и факт, не совпадают»¹. Однако бывают случаи (хотя и редкие), когда источник и факт совпадают. К таким случаям Риккерт относит, в частности, опросы людей, сохранившиеся географические арены исторических событий, продукты культуры-постройки, произведения искусства, утварь и т.п. Несмотря на скудность источников и недостаток исторического материала основная заповедь историка остается незабываемой: «отличать существенное от несущественного».

Таким образом, взаимосвязь субъекта и объекта исторического познания носит очень сложный, весьма опосредованный характер. Таким посредствующим, промежуточным звеном и служит разного рода источники, которые представлены в большинстве случаев теми или иными конкретными текстами.

---

¹ Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. М., 1977. С. 67-68.

При этом историческая реальность (как опосредованный предмет гуманитарного знания) отдалена от историков «непреодолимым барьером времени», что, конечно, значительно осложняет ее изучение.

Выделяют следующие основные признаки текста: а) знаковость, ибо текст, всегда зафиксирован в определенной системе языка; б) ограниченность; в) структурность; г) тематическое единство, обусловленное авторским замыслом. Тем самым всякую знаковую структуру, выражающую некоторый целостный смысл, реализующую определенную культурную функцию можно рассматривать как текст.

Важная роль в историческом познании текстов (различных видов происхождения) дает основание говорить о его «текстовой природе» как одной из его характерных особенностей. Объектом исторического познания является история общества, выраженная в языке, литературе и других творениях человеческого духа выраженная посредством текстов. Последние – непосредственный предмет исторического познания.

Текстом, таким образом, выступает любая знаковая система, которая является носителем смысловой информации и имеет языковую природу. Текст – последовательность знаков (языка или другой системы знаков), образующая единое целое. Как отмечал М. Хайдеггер, «естественнонаучному эксперименту соответствует в историко-гуманитарных науках критика источников»¹ т. е. текстов различной природы.

Интерес к пониманию как методу исторического познания был присущ и другим немецким ученым, таким как Иоганн Густав Дройзен (1808-1884) и Вильгельм Гумбольдт (1767-1835). Но они рассматривали понимание и объяснение как взаимодействие взаимодополняющих друг друга методов, в то время как Дильтей их противопоставлял.

Недостатки подобной исторической методологии в значительной степени были преодолены благодаря трудам Макса Вебера, в которых они нашли дальнейшее продолжение. Вебер (1864-1920) был выдающимся западным (немецким) ученым, оставившим глубокий след в различных областях научных знаний. Его часто называют буржуазным Карлом Марксом. Вебер дополнил и углубил ряд положений в исторической методологии. В частности, он серьезно скорректировал методологические принципы Риккерта, который рассматривал ценности и их иерархию как нечто надисторическое. Вебер был склонен трактовать ценность как установку той или иной исторической эпохи. Кроме того, Вебер полагал, что идеографические науки должны быть также свободные от оценочных суждений, как и науки естественные.

Важнейшим методологическим инструментом Вебера является его учение об «идеальном типе», который сам ученый называл утопией.

---

¹ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998. С.89.

Суть этого понятия заключается в следующем: историк действительно изучает неповторимое, но чтобы это изучение было более эффективно и научно, он должен работать с какими-то общими понятиями, используя их в качестве инструмента для изучения уникально-неповторимого. Такими понятиями и оказываются «идеальные типы».

Хотя, как отмечал ученый, «идеальный тип» – это мыслительная теоретическая конструкция, фактически он состоит из реальных черт действительности. Видно, что веберовский «идеальный тип» близок к идеальной модели, которой пользуется естествознание. Это подчеркивал и сам Вебер. «Идеальный тип» Вебера, таким образом, есть лишь средство, а не цель исторического познания. В результате, ученый существенно модернизировал разделение наук на естественные и исторические, значительно усовершенствовал методологию исторического познания.

Огромное внимание проблеме текста в исторической науке уделил М.М. Бахтин (1895-1975). Он отмечал, что дух, сознание мышление человека предстают перед историком – исследователем в форме текстов, в языково-знаковом выражении. Вне этого историческое знание невозможно, ибо человек в его специфике, как полагал Бахтин, всегда выражает себя (говорит) т.е. создает текст, который является той непосредственной действительностью мыслей и переживаний, из которой только и может исходить историческое познание. Если естественные науки нацелены на вещи, их свойства и отношения, то исторические – на тексты, которым присущи значение, смысл, ценность.

Бахтин считал, что текст (письменный или устный) есть «первичная данность» исторической науки: «Текст является той непосредственной действительностью (действительностью мыслей и переживаний), из которой только и может исходить историческая наука. Где нет текста, там нет и объекта для исследования мышления. А наука, не имеющая своего предмета, не есть наука, а нечто совсем иное»¹.

Под текстом в широком смысле Бахтин понимал «всякий связанный знаковый комплекс» – такой, например, как архитектурный комплекс. В работе с текстами разного рода (архивными данными, рукописями древних мыслителей, памятниками и т.д.) он видел основное отличие исторической науки от любой естественнонаучной дисциплины.

Согласно Бахтину, какие бы ни были цели исследования в историческом познании, «исходным пунктом может быть только текст» (в той или иной форме), который и является «первичной данностью» соответствующих исторических дисциплин².

---

1 Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук / Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.20.

2 Там же. С. 22

Важной характерной особенностью текста Бахтин считает его диалогический характер: «Диалогические отношения между текстами и внутри текста. Их особый (не лингвистический) характер.

Диалогический характер текста проявляется, прежде всего, в его «двухполюстности»: один полюс – это то, что находится вне данного текста (т.е. контекст), второй полюс – сам данный текст как нечто индивидуальное, единственное и неповторимое. Этот второй полюс (т.е. сам текст) неразрывно связан с моментом авторства и «всецело осуществляется средствами знаковой системы языка»¹.

Текст внутри себя самого является двухполюсным и в другом отношении. Первый полюс – «неповторимое событие текста», второй полюс – язык (автора, направления, жанра, эпохи и.д.). Между этими двумя полюсами, по Бахтину, располагаются все возможные гуманитарные дисциплины, исходящие из первичной данности текста.

Таким образом, для исторической науки, как впрочем, для любой гуманитарной их предмет исследования, т.е. «дух (и свой, и чужой) не может быть дан как вещь (прямой объект естественных наук), а только в знаковом выражении, реализации в текстах для себя самого и для другого»². Вот почему для ученого-историка необходимо глубокое, богатое и тонкое понимание текста.

Бахтин подчеркивал, что требуемое в исторической науке воспроизведение текста не есть, конечно, механистическая процедура типа отпечатка пальца или перепечатка на пишущей машинке. «Воспроизведение текста субъектом (возвращение к нему, повторные чтения, новое исполнение, цитирование) есть новое неповторимое событие в жизни текста, новое звено в исторической цепи речевого общения»³. Иначе говоря, работа с текстом – это очень сложная творческая деятельность.

При этом историческое «событие жизни текста» (т. е. подлинная сущность) разыгрывается не в безвоздушном пространстве, и даже не в голове и сердце того, кто с ним работает. «Событие жизни текста всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов. А это требует диалога «диалога особого вида: сложное взаимоотношение текста (предмета изучения и обдумывания) и создаваемого обрамляющего контекста (вопрошающего, понимающегося, комментирующего, возражающего и т.п.) в котором реализуется познающая и оценивающая мысль ученого»⁴. Тем самым встреча двух авторов, двух субъектов – это встреча двух текстов: готового и создаваемого реагирующего текста.

---

1 Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук / Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.26.

2 Там же. С. 102

3 Там же. С. 117

4 Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 134.

Поскольку текст – не вещь, то второе сознание, сознание воспринимающего, нельзя элиминировать или нейтрализовать.

Реальный человек прошлого как предмет исторического познания – так или иначе, выражает себя через текст, какой-либо природы. Поэтому к человеку истории и его деятельности можно подойти не иначе как «через созданные или создаваемые им знаковые тексты». Последние требуют понимания, которое осуществляется в диалоге. Таким образом, «изучая человека, мы повсюду ищем и находим знаки и стараемся понять их значение. Нас интересуют, прежде всего, конкретные формы текстов и конкретные условия жизни текстов, их взаимоотношения и взаимодействия»¹.

Важная методологическая проблема исторического познания состоит в том, чтобы исходя из понимания текста как «материализованного выражения духовной культуры», распределить субъективные смыслы, объективированные в текстах, «услышать через них человеческие голоса» и с их помощью проникнуть в Дух «минувших эпох, чужих культур»².

Таким образом, во-первых, любой текст – источник множества его понимания и толкования. И понимание его автором – только одно из них; произведение содержит в себе одновременно несколько (множество) смыслов. Поэтому понимание зависит не только от того смысла, который вложил в него автор произведения, но и его интерпретатор. А это значит, что понимание может и должно быть лучшим, оно восполняет текст, носит активный, творческий характер. Однако зависимость понимания текста от конкретных исторических условий его интерпретаций отнюдь не превращает его в чисто психологический и субъективный процесс, хотя личные пристрастия и опыт интерпретатора играют здесь далеко не последнюю роль.

Во-вторых, это множественность смыслов раскрывается не сразу, ибо «смысловые явления могут существовать в скрытом виде, потенциально, и раскрываются только в благоприятных для этого развития смысловых культурных контекстах последующих эпох»³.

В-третьих, смысл текста в процессе исторического развития изменяется. Каждая эпоха открывает – особенно в великих произведениях – что-то новое, свое. Новое понимание «снимает» старый смысл, переоценивает, углубляет, расширяет его.

В четвертых, понимание текста – это не готовый результат, а диалектический процесс, диалог разных культурных миров, результат столкновения смыслов «свои – чужие» (Бахтин), диалог текстов.

В-пятых, понять текст чужой культуры – это значить уметь находить ответы на вопросы, которые возникают в нашей современной культуре.

---

1 Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 100.

2 Там же. С. 176.

3 Там же. С. 118.

В понимание особенностей понимания в историческом познании значительный вклад внес немецкий мыслитель Ганс Гадамер (1910-2002). Исходя из того, что феномен понимания по своей сути пронизывает все связи человека с миром, Г. Гадамер обращает внимание на две его характеристики, имеющие особое значение для исторического познания. Таковыми выступают конкретность и историчность понимания. Говоря о первом, Г. Гадамер отмечает «...ясное герменевтическое требования: понимать сказанное текстом, исходя из той конкретной ситуации, в которой было сделано высказывание»¹.

Конкретность – как известно принцип вообще исторического познания. В контексте учения Г. Гадамера речь идет о конкретности понимания, ибо понимать всегда необходимо исходя из той конкретной ситуации, в которой осуществляется данный процесс. При понимании текста необходимо учесть все специфические обстоятельства, в контексте которых было сделано то или иное высказывания. В исторической науке каждое явление должно мыслиться в своей конкретной единичности, индивидуальности, в его однократной исторической конкретности.

Вместе с тем, Гадамер требует иметь в виду, что при оценке каждого случая масштаб всеобщего не просто механистически применяется к нему, но и исправляется и дополняется по данному случаю. Однако историческое познание, тем не менее, не имеет своей целью представить конкретное явление как случай, иллюстрирующий общее правило, а должно представлять его именно как «модификацию», «преломление» последнего, ибо единичное не служит здесь простым подтверждением какой-либо всеобщей закономерности.

По мнению Гадамера каждый исторический случай нельзя представлять как отдельный пример, якобы подтверждающий общее правило. Вместе с тем он подчеркивал, что это чисто дилетантское представление, когда применение закона к конкретному случаю мыслится как логический процесс подведение отдельного от общего»². Не просто подвести одно под другое, а «сгладить разрыв между законом и случаем» (т.е. разрешить противоречия между ними) – вот важная задача историка-исследователя.

Анализируя другой принцип понимания текста, Гадамер утверждает, что человеческое бытие по существу своему исторично. А это означает не только историчность человека, его свойство быть историей, но и то, что постижение последней также должно быть историчным. Это предполагает прежде понимание того, что, наша повседневная жизнь являет собой непрекращающееся движение через одновременность прошлого и будущего.

Характерные свойства человеческого бытия, по Гадамеру – тесное единение таких его трех измерений, как прошлое, настоящее и будущее, одновременность эпох, столетий, рас и т.п. человечества во времени

---

1 Гадамер Х.Г. Истина и метод. М., 1988. С. 56.

2 Там же. С. 114.

При решении проблемы историзма «время» – ключевая категория, исходный и конечный пункт познания и понимания человеческого бытия.

Подлинно историческое мышление, согласно Гадамеру, обязано не только учитывать историчность человеческого бытия, но и должно мыслить и свою собственную историчность. Такая саморефлексия даст возможность мышлению не «гнаться за призраком» исторического объекта – предметом прогрессирующего научного исследования, а через свою историчность «увидеть» историчность предмета. В этом, по убеждению Гадамера, и состоит как действительность истории, так и действительность исторического понимания.

Разъясняя сущность подлинно-исторического мышления в работе «Истина и метод» Гадамер отмечает, что историческая точка зрения состоит вовсе не в том, чтобы вообще отказаться от собственных понятий и мыслить лишь в понятиях рассматриваемой эпохи. Это требование, по Гадамеру – «наивная иллюзия», ибо, «отложить в сторону» современные понятия вовсе не означает наивное перенесение себя в прошлое, погружение в него, с тем, чтобы полностью воплотить «идеал собственного неучастия». Но этого никогда не бывает, и быть не может, ибо без «вируса современности» никакое познание и понимание на деле неосуществимы. Избавиться от этого «вируса» даже при самом большом желании и искреннем стремлении к объективности нельзя.

Вот почему «в действительности мыслить исторически – значить проделать те изменения, которых претерпевают понятия прошедших эпох, когда мы сами начинаем мыслить в этих понятиях. Историческое мышление всегда и самого начала включает в себя опосредование этих понятий с нашим собственным мышлением. Пытаться исключить из толкования свои собственные понятия не только невозможно, но и бессмысленно»¹.

Таким образом, историзм для Гадамера, это действительно «уразумение» изменчивости и преходящности формообразования человеческого бытия. Это определенный универсальный способ мыслительной деятельности, важное условие и предпосылка познания и понимания, а не только исследовательская традиция, связанная с выявлением индивидуального своеобразия и изменчивости культурных феноменов.

Вместе с тем, Гадамер считает утопическим идеал современности, с точки зрения которого прошедшее будто бы освещается абсолютно полно – такого в действительности быть не может. В этом смысле ясно, что у исторического мышления нет никакой «современности» (как чего-то раз навсегда данного), а есть только постоянно сменяющийся горизонт будущего и прошедшего. Надо избегать абсолютизации настоящего, а тем более навязывания его представлению прошлому, их механического туда переноса. Делать это – означает позволить себе «соблазниться заблуждением».

---

1. Гадамер Х.Г. Истина и метод. М., 1988. С. 115.

Гадамер вполне согласен с Гегелем в том, что сущность исторического духа состоит не просто в восстановлении прошедшего, а в мыслящем опосредовании с современной жизнью.

Обобщая можно сказать, что Дильтей и Гадамер, как и историки – антипозитивисты решающую роль в гуманитарных исследованиях предлагают методу понимания. Понимание, которое объединяет в единое целое внутреннее и внешнее, где последнее выступает как специфическое выражение внутреннего опыта человека, его целей, намерений и мотиваций. Только через понимание достигается постижение человеческой жизни и истории. Понимание дает возможность постигать особенное, неповторимое в истории, а не абстрактные схемы общего исторического процесса.

Однако, подводя критически можно сказать, что историческое понимание не сводится к эмпатии или психологическому вживанию, исследователя во внутренний мир участников событий прошлого. С другой стороны понимание как метод познания мотивов действий и интенции участников широких общественных движений в истории мало эффективен, ибо здесь трудно найти равнодействующую их общего поведения.

Однако в целом герменевтический метод исследования для изучения истории необходим, хотя этого не исключает применения других оправдавших себя методов исторического познания.

Есть основания считать, что понимание как метод познания наиболее эффективно среди гуманитарных дисциплин применяется в исторической науке. Эти основания таковы:

1 Своеобразие гуманитарных наук имеющих дело с индивидуальными явлениями наиболее присуще исторической дисциплине. Более того, историческое познание своей целью имеет исследование уникального, неповторимого. Познание неповторимых событий в истории возможно методом понимания, а не объяснения, задача которого исследование общего.

2 Многовековое единоличное господство в историческом познании метода объяснения показавшее естественно присущие, ему недостатки показало, что от дополнения к нему способа понимания история как наука в целом выигрывает.

Необходимость обращения к методам интерпретации и понимания герменевтики объясняется тем, что историк-исследователь работает, прежде всего, с различного рода текстами. Для их анализа и истолкования в классической герменевтике разработаны многие общие и специальные приемы и методы раскрытия их смысла, а, следовательно, их интерпретации и понимания.

Специфические особенности при интерпретации текстов исторических документов, несомненно, существуют. В историческом познании, где изучаются события прошлого, правильность интерпретации не может быть проверена существующими фактами, как например, в экономических науках, и поэтому в истории приходится интерпретировать немногочисленные, дошедшие до наших дней свидетельства критически, а главное – с ориентацией на те ценности, которые превалирует в современном обществе.

Интерпретация и основанное на ней понимание, должно учитывать, с одной стороны, все объективные данные, относящиеся к историческому свидетельству или тексту документа. С другой стороны, никакой исследователь, даже в естественных науках, а тем более в исторических науках, не может подходить к своему объекту без каких-либо идей, теоретических представлений, ценностных ориентации, т.е. без того, что связано с духовной деятельностью познающего субъекта в более сложных случаях, в частности в историческом познании. В отличие от этого естествознание ограничивается лишь объяснением явлений, которое сводится к подведению явлений под некоторые общие схемы или законы. Понимание же дает возможность постигать особенное и неповторимое в социальной жизни, а это имеет существенное значение для постижения духовной жизни, например, искусства, где мы ценим частности ради них самих и больше обращаем внимание на индивидуальные особенности художественных произведений, чем их сходство и общность с другими произведениями. Такой же подход должен применяться при изучении истории, где мы интересуемся индивидуальными и неповторимыми событиями прошлого, а не абстрактными схемами общего исторического процесса.

Таким образом, если кратко подытожить, то можно сказать, что Дильтей, как историки-антипозитивисты акцентируя, внимание на индивидуальности и неповторимости исторических событий выступает против обобщений и законов в исторической науке. Герменевтический метод исследования, который он пропагандировал для изучения истории, заслуживает нашего общего внимания, хотя это не исключает применения других оправдавших себя методов познания.

Речь идет об оправдавших себя в известной мере методах исторического объяснения. Однако особенности исторического познания и здесь мы согласны, с мнением западноевропейских мыслителей все же более адекватно отражает метод понимания.

Специфические особенности при интерпретации текстов не только гуманитарных наук, но и исторических и юридических документов, несомненно, существуют. В историческом познании, изучаются события прошлого, правильность интерпретации не может быть проверена существующими фактами, как в экономическом, так и социально-гуманитарных науках, и поэтому в истории приходится интерпретировать немногочисленные, дошедшие до наших дней свидетельства критически, а главное – с ориентацией на те ценности, которые преобладают в современном обществе.

3.2 Проблема границ применения метода понимания

Кризисное состояние современной постсоветской исторической науки, как правило, связывают с применением марксистской методологии истории. Хотя если быть точным, классический марксизм здесь не причем. Речь о кризисе

идеологизированного квазимарксизма, которым долгое время руководствовались наши историки.

Но в сущности, как нам представляется дело даже не в этом. Кризис постсоветской исторической науки обусловлен тем способом познания исторической реальности, который был не только заабсолютизирован, но и густо идеологизирован. В данном случае речь идет об объяснении. Напомним его идеологические деформации – абсолютизация, цитатничество из работ классикой марксизма, как верх доказательства, догматизм оценки социальной реальности, ориентация на утопическую эсхатологическую цель – коммунизм и др. Однако, даже освободившись, от этих деформаций метод объяснения в постсоветской исторической науке впал в другую крайность, которую можно охарактеризовать как «все наоборот».

Этим, пожалуй, отмечено главное, основное для метода объяснения постсоветской науки истории. Но были и в значительной мере и сейчас остаются другие особенности весьма характерные для отечественной истории. Отметим и охарактеризуем их.

Первое, начнем с принципа «все наоборот», которое в целом наверно понятно. Но не все думается, представляют положение, роль истории как науки в свете этого принципа. Начиная с конца 80-нач.90-хх. годов в исторической науке бывшего СССР, а по инерции и после развала советского Союза начался обвал изобличительного материала, который по существу коренным образом пересматривал, казалось бы, устоявшиеся десятилетиями, а то и столетиями стереотипы традиционного исторического сознания. Авторами публикаций с материалами объясняющий исторические реалии, глашатаями, первопроходцами становились не профессиональные историки, а, прежде всего публицисты, журналисты. Во главу угла нередко становились не цели научной объективности, а стремление к сенсационности, эмоционального ошарашивания читателя.

Второе, существенно важной нормой оценки исторического прошлого стали нравственные установки, принципы т.н. демократического общества (по сути современного Запада.)

Здесь надо отметить, что в историческом познании нравственный контекст оценки прошлых событий выступает обязательной составной познающего субъекта. Это то, от чего образно говоря, никуда не деться. Ведь историю познает живой исследователь со своими субъективными пристрастиями, индивидуальным выражением, элюзиями, в которых нравственный аспект занимает безусловное и необходимое место.

Может показаться странным, но со времен «отца истории» Геродота историки спорят о том, в чем состоит смысл и цель их занятия, является ли оно наукой или же представляет собой род искусства, которому покровительствует особая муза Клио.

Конечно, эти споры не исключают согласия по вопросам, считающимся общепризнанными. В самом деле, никто и никогда не отрицает тот факт, что именно на долю историка приходится наиболее полная и точная реконструкция

интересующего его события. Так, никто, кроме историка, не мог бы взяться за задачу установить все фактические обстоятельства убийства, происшедшего в Риме, в курии Помпея 15 марта 44 г до.н.э. Именно историк должен определить имена шестидесяти и более заговорщиков, решивших убить Юлия Цезаря; доказать, что именно Гай Кассий, Марк и Децим Брута стояли во главе заговора; установить события, предшествовавшие убийству и последовавшие за ним, и т.д.

Уже эта задача историка – описать все так, «как оно было на самом деле» (выражение немецкого историка Леопольда фон Ранке), – связана с огромными трудностями, требует от историка высокого профессионального мастерства, умения критически работать с источниками, «гасить» субъективность человеческих свидетельств и т.д.

Но должно ли историческое познание ограничиться такой фактографической реконструкцией событий, исходя из того, что «факты сами говорят за себя?» Или же ему следует пойти дальше простой исторической хроники и попытаться понять суть происшедшего в истории, выяснить, почему произошло то или иное событие, было ли оно случайным или же в нем воплотилась некоторая необходимость, которая сделала его если не неотвратимым, то весьма вероятным?

Нужно сказать, что разные историки по-разному оценивают возможность подобного углубления исторического познания, его выхода за пределы чистой фактографии. Крайняя точка зрения считает его априори невозможным, полагая, что интерес историков направлен на объективно непознаваемое явление, каковым по преимуществу выступает человеческое прошлое, минувшая социальная действительность. Очевидно, что именно прошлое – несколько тысячелетий «писаной» человеческой истории – представляет собой главный объект историков. В балансе их научных интересов это безграничное царство «прошлых дел» явно перевешивает тот тончайший хронологический срез, который мы называем настоящим и который сам ежесекундно превращается в прошлое.

А если это так, если прошлое есть главный объект историков, то, как могут считать себя учеными люди, изучающие то, чего нет и никогда не будет, то что «дематериализовалось», растворилось во времени? Не следует ли нам честно признать, что события прошлого непознаваемы в силу своего фактического отсутствия в настоящем и принципиальной невозпроизводимости в будущем?

Казалось бы, ошибочность подобных аргументов не нуждается в подробном обосновании. Ведь все мы знаем, что прошлое изучает не только история, но многие естественные науки – космогония, палеонтология и другие, вполне доказавшие свою способность познавать то, что ныне уже не существует.

Известно, к примеру, что от некогда грозных тираннозавров – животных из подотряда хищных динозавров – остались ныне лишь ископаемые останки. Однако это не мешает ученым реконструировать образ их жизни, единодушно утверждать, что чудовище с подобным анатомическим строением могло быть

только хищником, жить на суше, а не в воде, перемещаться на двух, а не на четырех лапах, откладывать яйца, а не рожать живых детенышей, и т.д.

Спрашивается: что мешает историкам таким образом реконструировать минувшие события? Ведь как и в случае с природой, историческое прошлое редко проходит бесследно, не оставляя вполне определенных «материальных следов». Пускай историк не может воочию наблюдать походы Суворова или Наполеона, но он видит пушки, стрелявшие при Измаиле или Ватерлоо, ружья пехотинцев и сабли кавалеристов, боевые знамена полков, остатки фортификационных сооружений и т.д. и т. п.

Увы, все эти факты, как полагают критики исторического познания, не позволяют ему подняться над уровнем элементарной фактографии, не дают историкам возможности почувствовать себя настоящими учеными, которые способны не только описать, но и объяснить происходящее. Все дело в том, что материальные следы былого имеют для историка совсем иное значение, чем для палеонтолога, содержат в себе значительно меньше познавательной информации, специфика истории как сознательной деятельности людей состоит в том, что она не может быть восстановлена по своим материальным следам, точно также как характер человека не может быть установлена по его бренным останкам.

В самом деле, раскопав на бранном поле следы былых сражений, мы можем убедиться в том, что исторические хроники не лгут и некоторые описываемое ими событие действительно имело место. Могут найти свое подтверждение и технические детали происшедшего, свидетельствующие об успехе одной стороны и поражении другой. Но, созерцая ржавое железо, бывшее некогда боевым оружием, мы никогда не поймем сути и смысла происшедшего, тех глубинных причин, которые заставили множество людей сойтись в смертельной схватке друг с другом.

Чтобы судить о них, историк должен – в отличие от палеонтолога – учитывать совсем иные, «нетелесные» по своей природе факторы. Он должен проникнуть в нематериальную субстанцию человеческих замыслов, планов, целей, надежд, которые не могут быть выведены из «остатков былого» с палеонтологической точностью и однозначностью. «Ископаемая пушка, увы, сама по себе нечего не говорит о намерениях и целях человека, стрелявшего из нее... Именно эти намерения, убеждения, взгляды и настроения прошлых поколений считают сокровенной тайной истории, скрытой от историка непроницаемой завесой времени. На чем основано это убеждение? Ведь к числу «остатков былого» относятся не только орудия труда, вооружение и прочие «вещи» – предметы практического назначения, но и символы, знаки, специально созданные людьми для передачи информации о мотивах, целях и средствах своей деятельности.

Историк могут быть доступны карты сражений, военные донесения, дипломатическая переписка, наконец, многочисленные мемуары прямых участников событий (можно представить себе, насколько облегчилась бы жизнь палеонтологов, если бы подобную «мемуаристику» оставили после себя

динозавры). Слава богу, структуры человеческих языков, даже самых древних, давно потерявших своих живых носителей, открыты для понимания, что позволяет специалистам читать налоговые документы египетских фараонов, законы Хаммурапи или похвальбы ассирийских завоевателей почти также просто, как мы читаем современные газеты.

Но все это, как полагают критики, не делает прошлое познаваемым. Вопрос упирается в невозможность адекватного понимания историком реальных импульсов поведения своих персонажей, которое проистекает, если говорить попросту, из той древней истины, что «чужая душа – потемки». Мы видим, как это обстоятельство мешает историкам понять даже ближайшую историю своей собственной страны – к примеру, причины массовых репрессий 1937 года в СССР. Попытки «заглянуть в душу» их инициатора, понять подлинную мотивацию поступков Сталина рождает множество противоположных версий, арбитром которых мог бы стать лишь сам покойный генералиссимус, если бы захотел правдиво, «как на духу» комментировать собственное поведение.

Нетрудно представить себе, как усложняется ситуация, когда историк пытается, судит дела и поступки людей, принадлежавших иным странам и иным эпохам. Шансы на получение истинного, достоверного знания, как полагают критики исторического познания, в этом случае падают до нуля, ибо историк сталкивается с абсолютной некоммуникабельностью различных исторических эпох – той, к которой принадлежит он сам, и той, которую пытается самоуверенно постичь.

Знаменитый историк Ранке говорил, что задача историка описывать события, «как они происходили» (*wie es eigentlich gewesen war*)¹. Отец истории Геродот еще задолго до него отмечал: «рассказывать то, что было (*ton eonta*)». Каждому ученому, историку предлагается склониться перед фактами. Эти слова великих мыслителей имели свою двусмысленность. В них можно вычитать совет быть честным – такой смысл вложил в нее западный историк Л. Ранке, а также – совет быть пассивным. И отсюда перед историками возникают две проблемы: 1) проблема исторического беспристрастия, 2) проблема исторической науки как попытки воспроизведения истории (или же, как попытки анализа).

Но как быть беспристрастным? Она возникает только потому, что и это слово, в свою очередь, двусмысленно. Существует два способа быть беспристрастным – как ученый и как судья. Одно только для них общее – это добросовестное подчинение истине. Задача ученого реконструировать, более того, провоцировать опыт, который, возможно, опровергает самые дорогие для него теории. Цель судьи допрашивать свидетелей с одной лишь заботой узнать факты во всей их подлинности. И для ученого и для судьи общее – это долг совести, о котором не спорят.

Но наступает момент, когда их пути расходятся. Если ученый вел наблюдение и дал объяснение, его задача выполнена.

---

1 Ранке Л. Собрание трудов. Т. 3. С. 578.

Судье же предстоит подавить личные симпатии и, следуя, закону вынести приговор и тогда он может считать себя беспристрастным. И действительно будет таковым, по мнению судей. Но ученые считают иначе. Невозможно осудить или оправдать, не основываясь на ценностях, не связанных с какой-либо позитивной наукой. Если, человек убил другого – это факт, который в принципе можно доказать. Чтобы покарать убийцу надо исходить из тезиса, что убийство – вина, а по сути – всего лишь мнение, относительно которого не все цивилизации были единодушны.

Историк с давних времен слышет неким судьей подземного царства, который позволяет себе восхвалять или клеймить позором погибших героев. Такая миссия прочно укоренилась среди историков. Учителям, которым приходилось, исправлять работы студентов знают, как трудно убедить этих юношей, чтобы они с высоты своей парты не разыгрывали роль Миносов или Осирисом. Здесь уместно замечание Паскаля: «Все играют в богов, творя суд: это хорошо, а это плохо»¹. При этом забывают, что оценочное суждение оправдано только как подготовка к действию и имеет смысл лишь в отношении сознательно принятой системы нравственных рекомендаций. В повседневной жизни необходимость определить свою линию поведения вынуждает нас наклеивать ярлыки, обычно весьма поверхностные. Но можем ли мы что-то изменить, ведь речь идет об идеалах весьма глубоко отличных от наших. Не берем ли мы на себя излишне много? Уверены ли мы в самих себя и в собственном времени, чтобы в сонме наших предков отделить праведников от злодеев? Было бы ошибкой, возведя в абсолют относительные критерии индивидуума, партии или поколения, прилагать их к способу правления Суллы в Риме или Ришелье на Генеральных штатах христианнейшего короля? В природе нет ничего более изменчивого, чем подобные приговоры, подверженные всем колебаниям коллективного сознания или личной прихоти. История часто отдавала предпочтение наградному списку перед лабораторной тетрадью, приобретая облик самой неточной из всех наук – бездоказательные обвинения мгновенно сменяются бессмысленными реабилитациями.

Полбеда, если приговор только следовал за объяснением, но привычка судить, в конце концов, отбивает охоту объяснять. Когда отблески страстей прошлого смешиваются с пристрастиями настоящего, реальная человеческая превращается в черно – белую картину. Монтень предупреждал об этом: «Когда суждение тянет нас в одну сторону, возможно, не отклониться и не повести изложение куда-то вкось»². Чтобы проникнуть в чужое сознание, отдаленное от нас рядом поколений, надо полностью отрешиться от своего «я», а чтобы приписать этому сознанию свои собственные черты, вполне можно оставаться самим собою.

---

¹ Паскаль Б. Мысли. Малые сочинения. Письма. М., 2003. С. 223.

Последнее, конечно, требует куда меньше усилий. В качестве примера можно привести случай из Истории Казахстана, связанный с событиями 1916 г. в Тургае. Как известно, представители казахской интеллигенции, в лице А. Байтурсынова, А. Букейханова и др., вопреки мнению вожаков вооруженного восстания (А. Иманова) считали нужным участие казахов в тыловых работах. В советской истории этот факт преподносился как пример показывающий враждебность представителей казахской интеллигенции делу вооруженного восстания повстанцев, противоположности интересам народных масс. Но, говоря так, такая советская версия оценки данного исторического события скорее выступала с позиции судьи, нежели историка-исследователя. Ведь подход А. Байтурсынова и др. был шире, так как участие «инородцев» в защите общего Отечества говорило в их глазах об общности для всех народов России единого дома, отсутствие ущемления чувств по этническому признаку.

Задачи историка-исследователя не быть судьей. Ему необходимо максимально справиться в оценке исторических событий понятии добра, зла. Хотя в полной мере это невозможно. В познании физических явлений это возможно. Но в исторической науке понятие «успех» или «неудача», «хорошо», «плохо» вытекают из естества исторического исследования, ибо учение имеет дело с людьми, ставящими перед собой определенные вытекающие из конкретной ситуации.

Надо полагать, что командующий армией, вступив в битву, старается ее выиграть. В случае поражения, если силы с обеих сторон примерно равны, можно сказать, что командующий видимо неумело руководил боем. А если такие поражения не в новинку? То мы приходим к выводу, что этот командующий неважный стратег. Например, взять денежную реформу, цель которой было улучшение положения должников за счет займодавцев. Определив ее как мероприятие великолепное или неуместное, мы стали бы на сторону одной из этих групп, т.е. произвольно перенесли бы в прошлое наше субъективное представление об общественном благе.

Вдруг станет известно, что генерал сознательно вел свои войска к поражению. Тогда без колебания можно заявить, что он был изменником (со стороны истории было бы несколько педантичной щепетильностью отказаться от простой недвусмысленной обиходной лексики). Необходимо выяснить, как оценивался подобный поступок в соответствии с общепринятой моралью того времени. Измена может порой оказаться своеобразным благоразумием – пример тому кондотьеры старой Италии.

В исторических трудах царит и все освещает одно слово: «понять». Хороший историк не лишен страстей. Оно чревато трудностями, надеждами, а также дружелюбия. Но в историческом познании все это должно быть запрято, не должно отражаться на оценке события прошлого. Это не только трудно, но даже может противоестественно, но это необходимо для поиска исторической истины. Нужно стремиться, лучше понять душу человека действующей в той далекой от нас, прошлой ситуации. Здесь нужна

психология. И тогда история откажется от замашек карающего архангела. История – это обширный и разнообразный опыт человечества, встреча людей в веках. Неоценимы выгоды для жизни и для науки, если встреча эта будет братской.

Методологическую позицию, которая настаивает на этом тезисе, нередко именуют «презентизмом» (от английского present, означающего «настоящее»). Презентисты убеждены в том, что каждый человек всецело и безраздельно принадлежит своему времени. Он не в состоянии вырваться за рамки идей, пристрастий, вкусов, принятых в его собственную эпоху, в результате чего разговор между представителями разных эпох – это диалог глухих. Мы можем текстуально знать религиозные трактаты Фомы Аквинского, но никогда не поймем их собственный, сокровенный смысл, ибо, как утверждают историки, «религиозность просвещенного европейца, притупленная развитием науки» не приспособлена для понимания средневековой религиозности, так же как экономическое мышление нашего времени, сложившееся в эпоху индустриализации XVIII и XIX столетий, «не может правильно оценить средневековую систему торговли и учета».

В результате историк имеет дело не столько с прошлым, сколько с настоящим. Он не должен обманывать себя, думая, что изучает прошлое и некогда присущей ему собственной логике; в действительности он проецирует на прошлое самого себя, высказывает собственное мироощущение и миропонимание «в связи и на фоне» непознаваемой минувшей действительности.

Было бы ошибкой считать, что теория презентизма – досужая выдумка, не отражающая реальных трудностей, связанных с проникновением историка в чужие для него системы культуры. Тем не менее, большинство специалистов признает презентизм крайностью, абсолютизирующей такие трудности, не учитывающей общие, интегрирующие факторы истории (существование которых признают даже убежденные сторонники уникалистской доктрины «локальных цивилизаций»; так, Л.Тойнби убежден в существовании, как минимум, двух унифицирующих историю факторов: единства Божьей воли и постоянства человеческой природы – инвариантности потребностей, стремлений, целей и прочих стимулов поведения, о которых мы будем говорить ниже).

Отвергая крайности презентизма, большинство историков считает возможным проникновение в мотивы исторического поведения, в те тончайшие движения человеческой души, которые побудили участников исторических событий совершить то, что было ими совершено.

Историк может и должен перевоплотиться в своего персонажа, как бы прожить чужую жизнь ощутить себя Марком Брутом, понять, какие чувства любимец Цезаря испытывал к своему покровителю, как возник замысел убийства, на что рассчитывали заговорщики, почему, наконец, римский народ, выражавший недовольство царистскими претензиями диктатора, по

свидетельству Светония, сразу после погребения «с факелами рванулся к домам Брута и Кассия».

Конечно, достижение подобных целей особых профессиональных навыков, огромных знаний и высокоразвитой интуиции, позволяющей с определенной долей достоверности проникнуть в стиль мышления и чувствования, ушедший в прошлое, воссоздать систему ценностных приоритетов, в которых понятие доблести и трусости, благородства и низости могут иметь самое странное, непривычное для современности наполнение.

Лишь это позволит историку доказать, что действие его персонажей не были «бессмысленными», т.е. немотивированными, имели какие-то рациональные и эмоциональные основания. Очевидно, что «разумность» подобных действий должна устанавливаться не по меркам современного сознания, а путем реконструкции представлений о разумности, свойственных изучаемой эпохе, по законам которой и следует, судит исторических персонажей, реальность их планов и замыслов, их психологическое и нравственное наполнение. Глупо оценивать Цезаря по нормам пуританской морали или, напротив, считать безумцем Савонаролу, хотя он явно не вписывается в доминанты современного потребительского менталитета.

Итак, многие историки полагают, что историческое познание не ограничивается фактографией событий, но предполагает их объяснение путем проникновения в мотивы человеческого поведения в истории. Отрадно, что подобный позитивный методологический подход приветствуется и в казахстанской исторической науке. В частности, «отличительной характеристикой, – пишет Оразбаева А.И., – современной эпистемологии истории выступает интерпретация исторических источников ‘изнутри’, с позиции действующих лиц, поскольку профессионализм историка оценивается сегодня с точки зрения владения им теоретико-методологическими знаниями, способствующими вскрытию путем глубинного анализа представлений и верований людей изучаемой им эпохи, и его умением рассмотреть за любым историческим феноменом живую человеческую жизнь. Казалось бы, подобная презумпция позволяет полностью защитить научное достоинство историка, признать его способным возвыситься над эмпирическим фактоискательством, предпринять далеко не бесполезные попытки теоретического осмысления своего объекта – иными словами, опровергнуть «молчаливо принятую предпосылку, будто в задачу «истории» входит только собирание фактов или только чистое «описание»; что «в лучшем случае она якобы поставляет «данные», которые служат строительным материалом для «подлинной» научной работы»¹.

Но возникает весьма существенный вопрос: соответствует ли историческое объяснение канонам научного познания, позволяет ли оно историку считаться ученым в полном смысле этого обязывающего термина?

---

1 Оразбаева А.И. Цивилизация кочевников евразийских степей. Алматы, 2005. С. 236.

Нужно сказать, что многие обществоведы отрицательно отвечают на этот вопрос, выводят историческое объяснение за рамки науки, рассматривая его скорее как вид искусства.

Обосновывая эту точку зрения, ее сторонники используют самые разнообразные аргументы, призванные доказать несоответствие исторического мышления стандартам научного творчества. Это касается и целей истории, и средств их достижения, которые считают отличными от целей и средств «настоящей» науки.

Прежде всего, не соответствующей научному стандарту признают именно цель исследовательской деятельности историка, направленность его интереса, прямо противоположную интересам «классической» науки.

В самом деле, в физике, химии или биологии, как уже отмечалось выше, единичные свойства объекта сами по себе не занимают внимания ученых. Анализ отдельного – конкретных атомов, молекул или живых организмов – выступает лишь как средство постижения тех общих свойств, которыми обладают целые классы материальных объектов.

Так, Ньютону, открывшему законы классической механики, было совершенно безразлично, какие конкретно тела – планеты, снаряды или яблоки – движутся по этим общим для всех объектов макромира правилам, единственно интересовавшим ученого. Точно так же биолога интересует не конкретный пес Шарик в его отличии от других собак, а воплощенные в подопытном животном свойства, общие для всех собак, всех млекопитающих или всех животных вообще – что зависит от широты поставленной научной задачи. Даже этология – наука о поведении животных, изучая уникальные способности отдельных обезьян или дельфинов, интересуется, в конечном счете, пластичностью поведенческих стереотипов, возможностями животной психики, степенью ее приближения к психике человека.

Очевидно, что познавательный процесс историка направлен прямо противоположно, – он исходит из самоцельности единичного, стремится к объяснению уникальных, неповторимых явлений, интересных именно своей уникальностью.

Так, рассуждая о деятельности Цезаря, историк помнит, что речь идет о человеке, которому свойственно «все человеческое», т.е. все субстанциальные признаки и свойства социального объекта. Он помнит, что речь идет о гражданине Рима, во многом похожем на других римлян; наконец, о представителе привилегированного сословия патрициев, с общими свойствами, присущими этой социокультурной группе.

И все же в деятельности Юлия Цезаря историка интересует не то, что роднит ее с поведением «людей вообще», «римлян вообще» или «патрициев вообще», а то, что отличает ее, позволяет считать деятельностью выдающейся исторической личности, а не одного из многих римских граждан, одного из многих политиков, полководцев и пр.

Совсем не обобщения являются собственной целью историка – это задача других наук, изучающих стандартизированные структуры человеческого поведения. Что касается истории, то для нее социально-философские, социологические или психологические обобщения есть лишь средство достижения собственных задач: описание и объяснения уникальных явлений исторического процесса – неповторимых особенностей древнеегипетского культа фараона, быта римских патрициев, вооружения франкских племен и т. д. и т. п.

В действительности историк, остающийся в рамках своей профессии, отнюдь не обязан совмещать ее с профессией философа или социолога и мечтать об обнаружении общих или всеобщих законов исторического поведения людей. Это не значит, что он обязательно отрицает существование таких нетривиальных в своей сущности законов, – просто его научный интерес направлен в другую сторону, в область единичных событий. Настоящий историк вполне способен посвятить свою творческую жизнь изучению взаимных отношений Антония и Клеопатры или обстоятельствам загадочного перелета Рудольфа Гесса в Великобританию, какими бы «мелочами» они ни казались эти уникальные эпизоды с точки зрения «логики мировой истории».

Не свидетельствует ли такая направленность интереса о непреодолимой пропасти между историческим и научным познанием вообще? Аргументация против такой точки зрения, как уже отмечалось выше, была развернута немецким философом Г. Риккертом, который считал неверным отлучать историю от науки на том основании, что ее целью является индивидуальное в общественной жизни. Ученые, читающие поиск и открытие существенных сходств и объясняющих их законов единственным признаком и критерием научности, единственным «хлебом» науки, полагал Риккерт, абсолютизируют одну из возможных ее моделей, а именно «физикалистскую» модель познания, к которой пытаются свести всю систему научного знания вообще.

Науки, как полагал Риккерт вслед за В. Виндельбандом, делятся на два различных по целям и методам вида: генерализирующие (обобщающие) и индивидуализирующие. К числу первых Риккерт относил главным образом науки о природе, хотя включал в данный тип и некоторые общественные дисциплины: политическую экономию, языкознание, «науку о принципах истории» (под которой фактически подразумевался синтез социальной философии с социологией).

Что касается истории, то она не принадлежит к генерализирующему типу познания, но это не мешает ей соответствовать наиболее общим, родовым признакам научного знания, к числу которых относится способность «отличать действительно существующее от фантазии», рассматривать изучаемое в целостности его проявлений, устанавливать причины его возникновения, отличая существенные причины от несущественных, и т.д. и т.п.

В соответствии с такой точкой зрения систематический анализ поступков Цезаря, раскрывающий и объясняющий целостность этого яркого характера,

его главные черты и причины становления, является вполне научным – хотя и не ставит перед собой задачу открытия каких-то общих законов «цезаризма».

Комментируя такой подход, мы полагаем, что установка на объяснение единичных явлений, рассмотренных в своей уникальности, сама по себе не выводит исторического познание за рамки и границы науки. В действительности различие генерализации и индивидуализации отнюдь не связано с жестким разведением научного и ненаучного и выступает как универсальная внутринаучная дихотомия. Это означает, что методы индивидуализации объекта могут практиковаться естественными науками без малейшего ущерба для их научности, – так, никто не сомневается в «учености» астронома, изучающего не перемещение физических тел вообще, а конкретную траекторию движения кометы Галлея.

Точно так же индивидуализация объекта связана с определенной внутренней генерализацией, немыслима и невозможна без нее. В частности, историческое познание невозможно без поиска устойчивой общности, «шаблонности», повторяемости в поступках людей, которые интересуют историка в качестве живых, неповторимых индивидуальностей.

В самом деле, ни у кого не вызывает сомнений уникальность жизненного пути Наполеона Бонапарта, нешаблонность его мыслей и поступков, понять и раскрыть которые должен историк. Но как он сможет это сделать, если не найдет в чередке этих поступков – будь то подавление роялистского восстания в Париже, расстрел герцога Энгиенского или бегство с острова Эльбы – устойчивого «стиля действий», повторяющихся особенностей поведения, которые и конституируют уникальный характер Бонапарта? Мы видим, что общее проникает в святая святых исторической уникальности, «просвечивает» в поступках уникама, не подводимых, казалось бы, ни под какие стандарты.

Итак, цели исторического познания не дают нам оснований, выводит его за пределы родовых признаков науки. Сложнее обстоит дело с его средствами. В самом деле, выше мы говорили о том, что объяснение исторических событий, в силу самой специфики истории как сознательной деятельности людей, невозможно без проникновения в мотивы исторического поведения – ожидания, намерения и цели людей.

Очевидно, что такое объяснение весьма отлично от процедур объяснения, принятых в физике, химии или биологии, изучающих «бездушные» объективные законы, вполне безразличные к сознанию людей. Чтобы подчеркнуть эту специфику, немецкий исследователь Дильтей предложил сохранить сам термин «объяснение» только за науками о природе, изучающими несубъективные и внесубъективные реалии. Что же касается истории, то она, по мнению Дильтея, с наибольшей полнотой воплощает в себе ключевое свойство «наук о духе» – способность не объяснять, а понимать объект своего изучения.

Иначе говоря, в исследовании прошлого действенным в изучении специфики исторического факта является такой метод как понимание. В отличие от объяснения в понимании содержится определенный субъективно-

психологический оттенок, связанный с восприятием мыслей, чувств и духовной жизни людей. Это альтернативный объяснению метод познания, заимствованный из философской концепции герменевтики.

Здесь важно обратить внимание, что при субъективно-психологической интерпретации природы понимания основой для исторической науки выступают не объективные исторические факты, а субъективно истолкованные выражения мыслей, чувств, целей и мотивов деятельности людей. Историческое понимание, поэтому существенно отличается от естественнонаучного объяснения потому, что оно всегда связано с раскрытием смысла деятельности людей в разнообразных ее проявлениях.

Но, возникает вопрос: насколько соответствует такая процедура «понимания» общенаучным критериям поиска истины? В. Дильтей относил герменевтику к области науки, рассматривая ее как своеобразную «описательную психологию». Но многие философы и историки, не соглашаясь с ним, выводят историческое мышление за рамки науки, рассматривая его скорее как вид искусства

Они убеждены в том, что знания, полученные путем понимания, существенно отличны от истин науки, открытых методами объяснения. Увы, не существует никаких экспериментов и прочих процедур верификации, которые позволили бы историку убедительно доказать соответствие своих психологических интервенций в личную жизнь Цезаря или Наполеона реальной действительности.

Именно поэтому историк более похож не на ученого, а на художника – скажем, дирижера, исполняющего вместе со своим оркестром то или иное музыкальное произведение. И том и в другом случае свобода творческой деятельности не является абсолютной, имеет вполне определенные ограничения. Так, исполнение дирижера «дисциплинируется» партитурой музыкальных произведений Баха, Генделя или Шостаковича, исключающих всякую «отсебятину» в плане замены нотного материала на свой собственный. Точно так же исследовательская деятельность историка дисциплинируется строго установленными фактами – нет и не может быть серьезной исторической работы об обстоятельствах гибели Джона Кеннеди, в которой Харви Освальд застрелил бы Джека Руби, а не наоборот, как это произошло в реальной действительности, на глазах миллионов телезрителей.

Однако за пределами таких ограничений, налагаемых самим материалом, за пределами требований профессиональной культуры, определяющих достоверность изложения, его соответствие минимальному вкусу или «здравому смыслу», и дирижер, и историк обладают свободой интерпретации, которая не является единственно возможной, исключающей возможные альтернативы.

Увы, мы знаем, что самый сильный ум не всегда способен разобраться в мотивах собственного поведения, нередко нуждаясь в помощи профессионального психоаналитика. Тем более мы не можем с абсолютной или достаточной достоверностью судить о психологических мотивах далекого

исторического персонажа – к примеру, понять ту «обращенную к себе» мотивацию, которая побудила Бонапарта к роковому походу на Россию. Можно десятилетиями спорить о психологических побуждениях, вызвавших активную революционную деятельность В.И. Ленина, устанавливать удельный вес в них честолюбия, стремления к справедливости, преобразовательного пафоса марксиста - практика и прочего – вплоть до мотивов мщения за брата, блистательно обыгранных в романе Ф. Искандера «Сандро из Чегема». Результат будет одним и тем же – мы не получим единственно возможной, единственно верной интерпретации, обладающей принудительной обязательностью научной истины.

В этом смысле герменевтика Дильтея как вчувствование в «значимые переживания» исторических персонажей отлична не только от естественнонаучного объяснения, но и от процедур общественных и гуманитарных наук (включая сюда академическую психологию), пытающихся установить объективные связи и отношения во внешнем социальном и внутреннем душевном мире человека.

Очевидно, что, ограничив историческое познание подобными интерпретациями, признав герменевтику единственным способом постижения исторической реальности, мы потеряем возможность считать историка ученым, который владеет хотя бы минимумом средств объективной верификации своих утверждений, их проверки на истинность. Точно так же отпадает сама возможность интересующей нас научной философии истории, не ограничивающейся моральными сентенциями по поводу исторических событий, но делающей их предметом рефлексивного категориального анализа

Но возникает вопрос: насколько необходимо такое ограничение? Можно ли сводить историческое познание лишь к важным процедурам «понимания»? Правильно ли считать, что предположения мотивов человеческого поведения, их психологическая интерпретация являются единственным средством исторического объяснения, тем объективным пределом, который установлен для любознательности историка и философа?

Нет спору – историческое познание, которое чурается «копаний» в психологических мотивах поведения, пытается игнорировать их, лишить людей присущей им свободы воли, совершает самую серьезную ошибку, подменяет «общественным процессом» реальную историю людей, лишает себя возможности понять ее богатство, выйти за рамки абстрактных социологических схем. Сухость, скучность, недостаточность многих отечественных учебников истории как раз и объясняется тем, что в них действуют абстрактные «представители» классов, сословий, партий, руководствующиеся в своем поведении какими-то «среднестатистическими» мотивами, а не живые люди во всех их сложности и противоречивости, способности капризничать и ошибаться, рисковать и трусить, действовать себе во вред, жертвуя главным ради сиюминутного и второстепенного.

В действительности мы не сможем понять подлинные причины Русской кампании Бонапарта или Октябрьского переворота в России, если

сконцентрируем все свое внимание на канонах геополитики или классовой борьбы и сбросим со счетов идейно-психические интенции инициаторов, без которых данные события или не состоялись бы, согласно которой не только самодвижение социальных структур, но и значимые исторические события происходят с непреложностью солнечного затмения, независимо от намерений и желаний их участников.

Все это так. Но значит ли это, что идеальная мотивация, «целевая доминанта» исторической активности представляет собой единственный интерес историка?

Увы, многие обществоведы считают правильным утвердительный ответ на этот вопрос. В худшем случае такой ответ основывается на посылах волюнтаризма – убеждения в том, что в истории нет других причин, кроме суверенной воли ее персонажей. В лучшем случае редукция причин социального поведения к его мотивации избегает крайностей волюнтаризма – как это имеет место, в частности, в «понимающей социологии» М. Вебера, который фиксирует наличие объективных «структур смысла», не зависящих от индивидуального волеполагания (об этом ниже).

Однако в любом из случаев такая постановка вопроса представляется нам ошибочной. Ниже, анализируя структуру и функциональные связи человеческой деятельности, мы постараемся показать, что апелляция к сфере целеполагания и веления отнюдь не объясняет нам причины, механизмы и последствия реального поведения людей. Такое объяснение требует, как минимум, соотнесения человеческих целей, самого процесса целеполагания 1) с объективными условиями деятельности, данными и созданными в природной и социокультурной среде ее осуществления; 2) с объективными факторами деятельности и виде потребностей и интересов действующего субъекта; 3) с объективными механизмами целереализации, диалектикой цели, средств и результатов деятельности, имеющих подчас весьма спонтанный характер.

Пока же, не углубляясь в социально-философские тонкости, мы можем подчеркнуть, что серьезные школы историографии отнюдь не склонны ограничиваться методами психической интроспекции. Они прекрасно понимают, что даже самое интимное понимание того, к чему стремились и чего хотели исторические персонажи, недостаточно для постижения событий истории – сразу по нескольким причинам.

Прежде всего, знание мотивов социального поведения, проливая свет на его причины, не дает нам понимания его реальных следствий, также подлежащих историческому объяснению. Проблема упирается в реальное рассогласование целей и результатов человеческой деятельности, прекрасно выраженное в известной поговорке о благих намерениях, которыми вымощена дорога в ад.

В самом деле, на примере своей страны мы видим, как мечты о свободе, равенстве и братстве, вдохновлявшие многих инициаторов Октября, обернулись полным попранием этих принципов, террористической «диктатурой пролетариата». Спрашивается: что поймет историк в судьбах России, если

ограничится психоаналитическим «пониманием» субъективных интенций Ленина или Троцкого и сбросит со счетов «объяснение» тех объективных обстоятельств общественной жизни, которые встали на пути «кремлевских мечтателей», исказив до неузнаваемости первоначальные планы переустройства общества?

Трезвый историк должен будет признать, что не только следствием, но и причины исторического действия не могут быть раскрыты до конца методом понимания. Дело в том, что причины не редуцируются к мотивам действия, которые имеют свои собственные первопричины, свои собственные основания в непсихологических сферах общественного бытия.

В самом деле, наивно думать, что соблазн революции, обуявший большевиков, а вслед за ними и «широкие массы трудящихся», может быть понят сам из себя, представлен как некое «бесовское наваждение». Серьезный историк не сможет обойтись без апелляции к объективным условиям общественной жизни, к тем наследуемым из поколения в поколение особенностям российской экономики, российской государственности, российской культуры, которые обусловили крах реформистского развития страны и сделали ее предрасположенной к искушению «быстрого и радикального» решения социальных проблем, обусловили выбор в пользу революции, а не медленных, постепенных, кропотливых реформ.

В этом плане понимание причин человеческой деятельности требует соотнесение ее мотивов с объективными статусными характеристиками субъектов истории, их включенностью в систему реальных общественных отношений. Последние, как мы увидим ниже, обладают способностью возникать стихийно, независимо от желаний людей, а, сложившись, властно влиять на мотивацию поведения, существенно ограничивать теоретически безграничную свободу выбора жизненных целей, провоцировать тот или иной выбор, делать его более вероятным, чем другие. Реальная жизнь, как мы знаем по себе, устанавливает жесткие пределы человеческой воле и своеволию, заставляя людей даже в быту тщательно соотносить желаемое с объективно возможным. Тем более действенны эти ограничения в публичной жизни людей – экономике, науке, искусстве и, конечно, политике, определяемой многими как «искусство возможного».

Итак, мы утверждаем, что историк, ограничивший свой горизонт интроспекцией в мотивы человеческой деятельности, их герменевтическим «пониманием», попросту не выполнит свой профессиональный долг. Он не сумеет понять и объяснить другим любые значимые исторические события, если не попытается проникнуть в объективную логику исторической ситуации, понять «правила игры», по которым вынуждены были действовать его персонажи.

По этой причине серьезный историк, рассуждающий, например, о причинах, обстоятельствах и последствиях Восточного похода Наполеона, не облегчает свою задачу,водя ее к созданию еще одной версии «аутентичных интенций» императора. Пытаясь понять, почему Наполеону «захотелось

напасть на Россию, он не ограничивается инвективами в адрес непомерного властолюбия императора или уяснением психологических мотивов его неприязненного отношения к Александру I».

Напротив, в солидных исторических трудах мы обнаружим детальный анализ реальной ситуации в Европе, создавшейся наслоением, переплетением, взаимодействием социальных, экономических, политических и духовных факторов и обстоятельств. Мы найдем, в частности, детальное исследование тех отношений противодействия, которые сложились между Францией и Великобританией и повлияли по одной из версий, на решение воевать с Россией (поскольку континентальная блокада Англии, как полагал академик Тарле, была бессмысленной при открытости и неподконтрольности Наполеону обширного российского рынка).

Обращаясь к анализу социальных реалий изучаемой эпохи, историк выходит далеко за рамки абстрактного психоанализа. Он тщательно верифицирует исторические мотивы, сочетая «понимание» человеческих интенций с «объяснением» ситуации, спровоцировавшей их появление. Его работа во многом подобна работе социолога, анализирующего взаимовлияние практических и духовных обстоятельств общественной жизни – с той разницей, что историка интересуют не контактные факторы поведения, не общественные законы как таковые, а вероятностное проявление таких законов в конкретной исторической ситуации.

Повторим еще раз: природа историографии как науки «индивидуализирующего» типа освобождает историков от необходимости подменять философов и социологов в анализе законов – устойчивых, объективных, повторяющихся связей совместно человеческой деятельности, которые сами по себе не дают исчерпывающего понимания исторической реальности.

Предметом исторической науки являются не законы общественного развития, а особые закономерности, возникающие в событийном пласте совместной человеческой деятельности. Мы имеем в виду связи и отношения между факторами исторического поведения, которые во многом подобны законам, имеют схожие с ними признаки и все же не являются законами.

Прежде всего, закономерным связям истории присуща объективность. Это значит, что в своем наличном бытии они обладают фактической данностью, не зависящей от воли исторических персонажей, напротив, предписывающей им вынужденные решения. Простейшим примером объективности может служить хронологическая необратимость исторических ситуаций. Несомненно, Наполеону хотелось бы иметь более благоприятный для него расклад военных и политических сил, нежели тот, который сложился после изгнания из России и привел, в конечном счете, к отречению императора. Несомненно, он пытался изменить ситуацию к лучшему, придать ей позитивную динамику.

И, тем не менее, при всем своем желании могущественный император не мог вернуться в прошлое, чтобы «подправить» то реальное положение дел, которое сложилось на данный момент – в том числе и в результате его

собственной прошлой деятельности. Это положение дел стало объективным условием его текущей активности, которое нельзя отменить никаким декретом, к которому нужно приспособляться, заставляя сознание искать лучшее из решений, возможных в данной ситуации.

Другим признаком закономерной исторической связи является ее существенный, неслучайный характер. Оставляя «на потом» подробный анализ категорий существенного и феноменологического, необходимого и случайного в общественной жизни, отметим лишь, что неслучайные состояния истории вызываются логикой саморазвития объективных ситуаций, а не воздействием внезапных внешних импульсов.

Можно, конечно, считать, что поражение Наполеона при Ватерлоо стало случайным следствием знаменитой ошибки Груши, который принял небольшой неприятельский отряд за корпус Блюхера, сбился с пути и в результате умудрился опоздать к решающим событиям битвы.

Но возникает вопрос: не слишком ли много ошибок было допущено в этом сражении? Вспомним ту ярость, с которой Наполеон, тщетно ожидавший Груши, обрушился на маршала Сульта, когда узнал, что начальник штаба послал на поиски заблудившегося войска всего одного гонца. «Милостивый государь, – воскликнул Бонапарт, – Бертье на Вашем месте послал бы сотню!» Вспомним также, что ситуация при Ватерлоо волею судеб стала трагическим напоминанием битвы при Маренго, где генерал Дезе, находясь в ситуации Груши, не стал следовать букве приказа: изменив маршрут, явился на поле уже проигранной французами битвы, превратив поражение в победу.

Сопоставляя эти события, мы можем задаться вопросом: является ли случайным большое количество ошибок, совершенных «новыми» маршалами Наполеона в сравнении со «старыми»? Правильнее думать, что это обстоятельство свидетельствует о закономерных изменениях в боеспособности наполеоновской армии, происшедших после катастрофы в России, – изменениях, имевших далеко не случайные, объективные политические, экономические, демографические, кадровые причины.

Итак, постигая историю, историк должен обнаружить в ней объективные и не случайные связи, которые нельзя считать законами лишь потому, что они лишены одного из главнейших признаков закона – признака повторяемости, общности, воспроизводимости выражаемых им отношений. В самом деле, при всей неслучайности и объективности военно-политического крушения империи Наполеона, которое обязан не только «понять», но и «объяснить» историк, речь идет об уникальном событии, которое интересует его именно в плане своей уникальности, а не всеобщности проявившихся в нем общественных законов.

Конечно, это не значит, что историк вправе вовсе игнорировать такие законы, не привлекая их для объяснения причин и следствий исторических событий – в границах реальной познавательной ценности подобных сообщений. Именно они (законы) становятся основой поиска и обнаружения объективных и не случайных связей истории, доказательства историком их закономерности.

Так, анализируя поступки исторического персонажа, задумываясь над их случайным или неслучайным характером, историк использует в качестве критерия знания норм человеческой реакции, понимание того, как ведут себя в целом люди, очутившиеся в подобной ситуации. Тем самым историк привлекает к объяснению исторических событий систему так называемых охватывающих законов (термин Э. Нагеля), т.е. законов, обнимающих собой все частные случаи определенной поведенческой реакции.

Историк, полагает Риккерт, «не любит» подобные обобщения, совсем не они являются целью и смыслом его исследовательской деятельности. Но отсюда вовсе не следует, что он способен игнорировать их, может не использовать их вовсе. В действительности, изучая уникальную жизнь Бисмарка или Гете, историк не вправе забывать, что речь идет о представителях немецкой культуры, обладающей вполне определенной качественной самостоятельностью, общими системообразующими факторами организации.

Соответственно обобщающие понятия типа «культура Германии» или «римская цивилизация» не безразличны историческому познанию, поскольку позволяют фиксировать значимые черты в поведении уникальных личностей как представителей единого народа или сообщества народов. Подобные черты должны быть поняты историком для понимания индивидуальных особенностей поведения, поскольку уникальность, как уже отмечалось выше, является всего лишь другой стороной общности человеческих дел и поступков.

Итак, главный вывод из сказанного мы можем сформулировать следующим образом: событийный пласт общественной жизни, именуемый нами историей, отнюдь не закрыт для рефлексивного научного мышления с присущими ему процедурами «объяснения» событий путем подведения единичного к общему, повторяющемуся. Именно это обстоятельство позволяет нам утверждать существование рефлексивной методологии истории, изучающей событийный пласт общественной жизни под иным, нежели историография, углом зрения.

Однако особенность постсоветского исторического познания конца 80-начала 90-х годов состояла в том, что нравственное порицание или наоборот одобрение по сути дела заменило объективность истины в исследовании. Произошла недопустимая для рационального познания подмена целевой установки эмоциональной составляющей относящейся по выражению Полани к области «неявного знания» и не могущего в силу своей имманентной природы выступать в качестве истины.

При этом важно обратить внимание, что нравственная оценка исторического прошлого по сути дела шла с позиции норм и принципов сегодняшнего дня, с позиции т.н. «общечеловеческих ценностей».

Третье, в историческом познании в то время исследователь по сути дела выступал в роли судьи, решающего кто прав, а кто неправ в тех далеких от него событиях, которые он объяснил. При этом критерием оценки опять же выступили те же самые общечеловеческие ценности. По сути задачи объективного, честного исследования, беспристрастной оценки исторических

событий были подменены не свойственные задачам познания установками относящимся к другой области – нравственному современному сознанию.

Оценка прошлого, в том числе и нравственная объективно присуща социальному познанию вообще. Но оценку не следует путать с судейской функцией, которая ну никак не входит ни в одну из составных познания.

Четвертое. В объяснении и познании исторической реальности в противовес длительно господствующему господству монополизма единообразия и единогласия квазимарксистского подхода был провозглашен плюрализм в оценке исторического прошлого. Наличие плюрализма в историческом познании довольно спорная вещь. С одной стороны, многообразие подходов и позиции раскрепощает исследователя, дает возможность свободно и творчески, без оглядки на идеологические и иные препятствия познавать и трактовать историческое прошлое. Но с другой стороны, есть непреложная аксиома познания вообще – истина одна. Отсюда вопрос, не приводит ли плюрализация мнений об истории прошлого к затушевыванию истины, к господству уже кое, где существующего принципа, где «каждый прав по - своему». Но тогда получится уже не наука, а царство субъективных мнений, пристрастий, идей, в которых все относительно.

Говорим обо всем этом в постановочном порядке, не претендуя на радикальное решение этой сложнейшей проблемы. Однако нам все же представляется, что плюрализм мнений в толковании исторического прошлого все же должен сочетаться с единообразием кардинальных аспектов трактовки истории. Без этого история не только не может быть наукой, но она в такой же степени не сможет быть воспитывающей, мировоззренческой дисциплиной

Таким образом, если подойти суммировано по всем вышеотмеченным слагаемым, то можно сказать, что объяснительный механизм исторического познания в постсоветской исторической науке страдает не меньшими недостатками, нежели история советского времени. Правда, есть версия, что эти особенности присущи только нахлынувшей в последнее время исторической литературе массовой культуры т.н. «фольк-хистори». Однако с таким мнением нельзя согласиться по существу.

Да, «фольк-хистори» пожалуй, наиболее ярко отражает вышесказанные особенности объяснения постсоветской истории. Но и профессиональная история в принципе не свободна от них, о чем свидетельствует в особенности ее кризисное состояние. С другой стороны, совершенно очевидно, что между «фольк-хистори» и научными исследованиями по истории не существует непроходимой границы. Последние довольно размыты, относительно. Ссылки, оппонируемые друг с другом идут без условностей, без разделительных границ.

Проблема, как нам представляется, в большей степени заключается в другом. По существу – в абсолютизации объяснительного механизма исторического познания, в тех деформациях (вышеотмеченных), которые проявились в его действии в постсоветской исторической науке.

Речь идет о том, что постсоветская история, сломав, отказывались, от идеологемы объяснения как метода познания истории по существу осталась, верной ему, признав его единственным инструментом исследования исторических процессов. Между тем, другой метод исторического исследования – понимание, который разрабатывался сторонниками Баденской школы, В. Дильтеем хотя и был известен, но в практике в историческом познании не применялся.

Речь не идет о замене объяснения другим – пониманием. Было бы более правильным говорить о разумном применении обеих методов исторического познания.

Не отказ от метода объяснения в историческом познании, а его творческое сочетание необходимо с утверждающимся в истории методом понимания. Сейчас, отмечает российский историк Л.П. Репина «все громче звучат призывы к преодолению антитезы сциентистской и гуманистической тенденции, структурного и антропологического подходов, макро – и микроистории, системного и динамического видения исторического процесса¹.

По мнению известного французского историка – методолога М. Эмара, история сегодня должна быть открыта для всех направлений мысли и гипотез, выдвигаемых другими дисциплинами, которые тоже изучают общество, а ее методы, так же как и способы постановки вопросов, должны быть в значительной степени обновлены»².

В сущности, сторонники и приверженцы- историки, абсолютизирующие необходимость только одного из методов в основе своей неправы. Недостаток объяснения состоит в том, что он при реальном применении стремится задачи исторической науки свести к естественно-техническим, нахождению общих законов. Метод объяснения не учитывает в полной мере уникальности, своеобразия исторических событий – знания которых и призваны добиваться история как наука. В тоже время метод объяснения важен, необходим, когда исследуются исторические события большого, масштабного плана, в который вовлечены большие массы людей. Здесь речь идет, например, об историческом исследовании таких явлений как национально-освободительная борьба, общественное движение и т.д. Здесь метод понимания показывает свою ограниченность.

Но этот же метод может быть и должен применяться при исследований действий тех или иных исторических действий тех или иных исторических деятелей, небольших исторических событий, которые существенно повлияли на ход общественного развития того или иного народа, страны.

Одной из ахиллесовых пят советской исторической науки, если можно так выразиться было то, что она не могла дать вразумительно, адекватного

---

1 Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 105.

2 Там же. С. 178.

объяснения роли того или иного исторического деятеля, сводя ее по существу к реализации назревающих общественных закономерностей. По сути дела такое автоматическое объяснение истории сводило личностный фактор к роли марионетки, игрушки в руках неведомых, обусловленных законов исторического развития.

Но действия исторической личности в тех или иных исторических конкретных ситуациях нельзя познать в полной мере, адекватно, если руководствоваться только методом объяснения. Объяснение в личности учитывает рациональные мотивации, которые к тому же выводятся и привязываются к объективным законам функционирования и развития общества. Вне поля зрения исследователя-историка в этом случае остаются остальные случайные и духовно – психологические мотивации личности: воля, стремление, честолюбие, тщеславие, подсознательные и иные слагаемые, без которых никакая личность не действует. Игнорирование случайных и иррациональных мотивов исторической личности необходимое следствие признания объяснения как единственного метода познания исторических процессов.

Методологический смысл объяснения в том, в историческом процессе он фиксирует и следует основные, главные тенденции, оставляя вне поля зрения случайные, второстепенные факторы. Характеризуя методологический переход, переживаемый наукой конца XX – нач. XXI вв. Гамаюнов соглашается с тем, что в рамки классической науки царствовали принципы детерминизма, случайность считалась второстепенным фактором, практически не оставляющим следа в общем течении событий. Неравновесность, неустойчивость воспринималась в негативном контексте, как нечто негативное, разрушительное, сбывающее с «правильной траектории»; развитие мыслилось как безальтернативное.

Метод понимания в этом смысле позволяет в историческом познании учитывать обстоятельства и события разного порядка, как главные, так и второстепенные. Ситуационная среда, в которой действует та или иная историческая личность предстает как определенная система. Система, которая связана отношениями между событиями как главными, так и второстепенными, сиюминутными, несущественными и т.д. Эта системная ткань социально – исторических отношений может быть воспринята пониманием руководствующегося синергетическим подходом к ним.

Связь понимания и синергетики в историческом познании очевидна. Понимание не зацикливается в объяснении истории на основных, ведущих факторах. Учитывая, многообразие обстоятельств оно не исключает объяснения природы исторического события исходя из случайных факторов, которые нередко, как известно современной истории, могут выступать в качестве решающих. А это и есть применение синергетического подхода к историческому познанию.

Синергетика не есть нечто внешнее к пониманию истории. Понимание по своей природе предполагает синергетику. Можно сказать и более жестко, понимание не может не быть синергетикой.

Как известно, синергетика исходит из того, что линейный характер развития процессов и равновесные состояния отнюдь не являются доминирующими в реальности; большого внимания исследователей заслуживает непредсказуемость поведения изучаемых систем в периоды их неустойчивого развития, в точках бифуркации, в которых малые случайные флуктуации могут оказать сильные воздействия на траекторию процесса. Возникающие вблизи точки бифуркации «хаос» не означает, что порядок исчезает, он означает, что динамика процесса становится внутренне (а не в силу внешних причин) непредсказуемой. Отсюда, центральный вопрос, который обсуждается историками в этой связи – влияние случайностей, которые принципиально невозможно предугадать и прогнозировать на общий характер развития изучаемого процесса.

В этой связи обращает на себя внимание недавняя работа М.В. Сапронова, считающего, что главная причина «незавидной ситуации» в обществоведении (и особенно, в сфере исторического знания) сегодня – господство среди большинства ученых-гуманитариев классической научной парадигмы, которая начала формироваться еще в XVII веке и доминировала вплоть до начала XX века¹. По мнению автора, стремление обществоведов найти “универсальную, всеобъемлющую и безальтернативную теорию исторического процесса, отыскать единственно верные закономерности его протекания (как того требует устаревшая парадигма), наталкивается на непреодолимые трудности и, в конце концов, приводит многих их к уходу в область исследования частных вопросов, к заявлениям о ненужности теории вообще². В своей статье М.В. Сапронов предлагает подвергнуть пересмотру гносеологические основания обществознания, т.е. перейти на новый мировоззренческий уровень, отказавшись от некоторых радикальных постулатов классической парадигмы; скоординировать логику исторического познания с логикой постнеклассической науки; принять новые представления о критериях и ценностях научного мышления³. Выход из сложившейся кризисной ситуации автор видит в овладении историками основными концепциями синергетики, теории самоорганизации. При этом М.В. Сапронов подчеркивает, что синергетика рассматривается им не как очередная генерализующая концепция, призванная всесторонне объяснить исторический процесс (именно так к ней относится большинство, как отмечает автор), а как новая познавательная

---

1 Сапронов М.В. Синергетический подход в исторических исследованиях: новые возможности и трудности применения // *Общественные науки и современность*. –2002. № 4. С. 56.

2 Там же. С. 58.

3 Там же. С. 61

парадигма, т.е. ‘новый взгляд на окружающий мир, новый идеал научности, новый способ постановки и решения задач, наконец, новый принцип использования познавательных возможностей человека’¹.

Соглашаясь с позитивной оценкой, данной М.В. Сапроновым потенциалу синергетики в разработке таких важных методологических проблем, как роль личности в истории и альтернативность исторического развития, остановимся на не менее важной категории – случайности, являющейся, по мнению М.В. Сапронова ‘самым труднодостижимым для ученого-гуманитария элементом синергетической парадигмы’². Если плюрализм, альтернативность, самоорганизация имеют шанс прижиться в исторической науке, – считает автор, – то случайности в этом плане будет нелегко, т.к. самое главное опасение у историков вызывает тот факт, что ‘в случае затруднений при объяснении какого-либо явления все можно списать именно на нее’. Такая опасность реальна, – продолжает М.В. Сапронов, но так же реальна и сама случайность – ‘от этого никуда не уйдешь’³. Думается, однако, что именно в этом методологически важном для историков вопросе синергетика оказывается наиболее эффективной, проясняя роль случайности в развитии исторических процессов. Роль случайности невелика в устойчивых ситуациях (по ‘классике’), и она становится существенной в точках бифуркации, при возникновении хаотических режимов.

Метод понимания компенсирует естественно присущий объяснению недостаток недооценки иррациональных компонентов действий исторической личности. Вкупе с объяснением он позволяет дать более объективную, адекватную истине характеристику историческим процессам, личности в истории.

Сказанное лучше всего проиллюстрировать на знакомых всем исторических событиях. Приведем из советской истории. Например, долгое время, да и сейчас в сознании многих историков лежит убеждение в том, что советская перестройка конца 80-х – нач.90-х годов была продиктована нашим, советским военно-техническим отставанием в это время от США, других стран Запада. Такую точку зрения в свое время первым озвучил бывший и единственный президент СССР М.С. Горбачев.

Однако предположим, что это только одна сторона истины. И она выступает тогда, когда мы начинаем объяснять большой по масштабам преобразование и относительно длительный по историческим меркам процесс как советская перестройка.

---

1 Сапронов М.В. Синергетический подход в исторических исследованиях: новые возможности и трудности применения // *Общественные науки и современность*. –2002. № 4. С. 62

2 Там же. С. 63.

3 Там же. С. 78.

Однако для исследования хода, темпов, направленности перестройки метода объяснения недостаточно. Здесь важную роль в познании этих проблем играет понимание. В частности, какие были изначально внутренние помыслы, цели в отношении перестройки у М.С. Горбачева, А.Н. Яковлева, других лиц которые сыграли ключевую роль в тех драматических событиях тех процессов. Какие личностные и иные недостатки, слабости, в том числе психологического, идейного плана были у данных личностей и как они сказались в развитии политических, экономических событий того времени. Наконец, какова была конкретная сиюминутная ситуация руководства, страны, государства в условиях которой и под давлением которой принималось то или иное директивное решение со стороны М.С. Горбачева. Какую роль сыграло в перестройке желание Президента СССР быть демократом до конца, понравиться Западу, игнорирование и равнодушие к национально- русскому (которое, кстати, стало понятным уже в наши дни).

На эти и другие вопросы подобного рода нельзя дать вразумительного ответа, если руководствоваться методом объяснения. Здесь нужен метод понимания. Нужно войти во внутреннюю лабораторию чувств, стремлений, вожелдений, тайных помыслов и пр. руководящего ядра перестройки. Надо понять сиюминутное и долговременные интересы, непосредственные объективные обстоятельства, которые заставляли М.С. Горбачева идти шаг за шагом по пути разрушения государства, которым он руководил. Здесь важно понять, чего он действительно (а не словесно) добивался, что он сделал сам и что его заставили обстоятельства.

Следовательно, историческое познание роли М.С. Горбачева в советской перестройке, других деятелей, имеющих, непосредственное отношение к ней и повлиявших на его драматические повороты в развитии требует, понимания базирующего на эмпатии, сопереживании. Войти в мир психологических помыслов, намерений стремлений исторических личностей возможно через изучение текстов. Текстов, которые выражаются в протоколах совещаний, заседаний, воспоминаниях очевидцев, автобиографические произведения и пр. Именно тексты позволяют войти, вжиться в мир непосредственных участников тех или иных исторических событий, понять логику их замыслов и действия, дать в итоге объективную оценку роли той или иной исторической личности.

Использование метода понимания в историческом познании позволяет на наш взгляд в большей степени приблизиться к истинности, нежели при применении метода объяснения. «Вживаясь» в конкретику исторического события, эпохи мы лучше понимаем помыслы, конкретные обстоятельства, которые заставили ту или иную личность прошлого поступить так, а не иначе. Однако согласимся, что применение метода понимания вместе с тем таит в себе возможность проявления негатива: морального оправдания этими конкретно- историческими обстоятельствами любых практических действий того или иного исторического деятеля.

Отсюда есть довольно веская причина, которая делает необходимым рассмотрение метода понимания в таком контексте. Эта причина, остановимся на ней более пространно, исходит от опасности злоупотребления прошлым в интересах настоящего. История использовалась раньше и используется сейчас в целях настоящего. Исторические высказывания служат интересам определенных национальных, политических и социальных групп. Именно эти силы заинтересованы в тезисе о возможности "объективной истории". Манипуляции историей облегчает тот факт, что большинство людей придерживается мнения, что историческая истина лежит в готовом виде в учебниках истории. В представлении этих людей историческую истину можно иметь по аналогии с тем, как имеют определенные предметы. Они не задаются вопросом, "что" такое историческая истина и как ее вообще можно "иметь".

Никаких сомнений не вызывают у них процессы повального переписывания учебников истории, появления "наконец-то верной" интерпретации определенного события прошлого. Они убеждены, что искаженные картины прошлого знают только диктатуры, а не открытые общества. В какой-то степени они правы. Но проблема исторической истины стоит в открытых обществах, в которых господствует неограниченный плюрализм мнений, еще острее, чем в диктатурах. Не надо испытывать ностальгию по ясным и точным ответам на все вопросы прошлого. Этих ответов не знает никто. Каждый независимо мыслящий субъект отвечает за качество своих знаний о прошлом. Каждый отдельный человек и каждая определенная современность открывают для себя великие имена прошлого и познают заново события прошлого. Настоящее ищет свой особый путь к прошлому, так как оно имеет свое особое прошлое. Одни и те же события прошлого излагаются в различных современностях по-разному, т.к. они эти события интерпретируются в различных познавательных ситуациях и в различных целях.

Как метод понимания, так и господствующие в историческом познании метод объяснения потенциально таит в себе возможность субъективной интерпретации исторических событий.

Историки – живые люди, которые руководствуются определенными политическими приоритетами, имеют определенные философские воззрения, зависят от их национальных чувств. Они не принадлежат к категории святых и не обладают монополией на историческую правду. Но им не хватает сил повторить вслед за Дройзеном и признать сказанное им: "Я хотел бы иметь ни больше и не меньше, как только относительную правду моего пункта зрения, которую мне моя родина, моя религия, мои политические убеждения и мое время позволяют"¹. Довольно необычно слышать подобное из уст историка, ведь историки обычно утверждают, что их знания абсолютно объективны. Дройзену хватило сил поставить принцип объективности исторического знания под сомнение.

---

1 Дройзен И.Г. Основы исторической науки. М., 1977. С. 78.

Но Дройзен был историком пытавшимся заглянуть в глубины процесса исторического знания. Такие попытки приносят, как правило, больше вопросов, чем ответов. Но они абсолютно необходимы. Слишком большую роль в нашей современности играют исторические знания и слишком огромно их влияние на настоящее, чтобы мы могли себе позволить игнорировать анализ процессов познания прошлого.

Утверждение о прошлом делается только для их настоящего и в целях их настоящего. Эти цели могут быть самого различного характера, чаще всего это цели безобидные, как например, познавательные и воспитательные, но также корыстные, как например, националистические, собственнические, военные или расистские, т.е. цели направленные на изменение status quo.

Интересы настоящего находят свое обоснование в прошлом. Настоящее вынуждено, чтобы добиться желаемых для себя изменений или же оправдать свои действия, искать аргументы в прошлом. История есть не только средство познания, но и средство легализации определенных интересов настоящего: Претензии наследников на престол, притязания государств на владение определенной территорий, являются на сегодня одними из самых распространенных способов конкретного использования исторических знаний в интересах настоящего: “Кто первый изобрел...” и “кто первый открыл...”? Для прошлого эти вопросы уже не важны, но настоящее инструментализирует свои знания о прошлом в своих целях, даже если эти цели незначительны и связаны, например, только с улучшением имиджа этого настоящего.

Можно ли в этих условиях ожидать, что знания о прошлом будут оставаться во все времена неизменными и константными? Нет, нельзя. Каждая современность неизбежно будет иметь “свое” знание о прошлом и свое прошлое, которое является только ее прошлым, прошлым ее особенного и неповторимого настоящего. Об абсолютных знаниях, о прошлом может говорить только очень наивный человек.

Тем не менее, метод понимания является более серьезным противовесом субъективной интерпретации истории, нежели объяснение. Метод понимания, преследуя в качестве главного вжиться в исследуемую эпоху, познаваемый объект позволяет более адекватно отразить реалии прошлого.

Иначе говоря, как бы плохо не прозвучало, из двух зол необходимо по возможности, так, где диктует логика исторического исследования меньшее зло – метод понимания. Историческое познание отягощено неизбежно “проклятием” – субъективной интерпретацией событий прошлого в соответствии с представлениями исследователя историка, духа времени, характера эпохи и т.д. “вживаясь” в последние и осознаем истинный, реальный смысл событий прошлого.

В связи со сказанным, хотелось бы выразить несогласие с модным тезисом среди определенной части историков-исследователей, которые для достижения объективности освещения исторического прошлого провозглашают

абсолютный приоритет общечеловеческих морально-этических принципов. Соблюдение общечеловеческих моральных принципов, по их мнению, есть неукоснительный закон для исторической науки.

Однако такой подход в определении истины в историческом познании представляется неточным. Споры нет, значение общечеловеческих норм морали вообще велико. Но, применяя их как мерило истинности прошлых событий, не превращаемся ли мы, в своеобразных судей истории? И еще, насколько правомерно применение морали к такой специфической области как историческое познание?

И, наконец, применение общечеловеческих норм морали к исследованию истории, а тем более в качестве главного определителя истины в познании есть применение объяснительного метода в историческом познании в его крайнем, одностороннем виде. В познании истории важно понимать и анализировать мотивы действия участников прошлого, характер их практических действий, но не судить, правильно или неправильно с моральной точки зрения они поступили. А это возможно путем применения метода понимания в историческом познании.

Таким образом, общесказанное вовсе не отвергает объяснения как метода исторического познания. Оно лишь говорит о том, что объяснение эффективно, когда необходимо рациональными установками объяснить действия в истории больших общественных движений. Но когда дело касается исторического исследования действия той или иной личности, то плодотворным в достижении истины выступает метод понимания.

Иначе говоря, историческое познание требует соблюдения принципа «и понимать и объяснить».

Настало, иначе говоря, время, когда в современном историческом познании методу понимания необходимо дать соответствующее место в методологии отечественной истории. Необходимо не только отказаться от деформации метода объяснения, доставшего в наследство от старых методологических подходов советского марксизма, но и дополнить его творчески методом понимания.

Заключение

Представители лучших умов человечества веками пытались познать свое историческое прошлое, справедливо полагая, что его уроки во многом будут поучительны для них и будущих потомков. Но такой неугасающий интерес, который вполне справедливо проявляли, прежде всего, профессионалы-историки, столь же постоянно и настойчиво показывал, что процесс исторического познания очень сложен и противоречив.

В исторической науке всегда были, и будут наблюдаться различные интерпретации одних и тех же исторических событий, процессов. Интерпретация выступает историографическим методом, ибо он охватывает это разнообразие методов исторического исследования и их результатов.

В историческом исследовании, как и во всякой науке метод познания, занимает важнейшее, ведущее положение. История еще с античных времен выработала определенный комплекс методов исторического исследования. Метод – это определенные пути, приемы, которые историческая наука применяет для познания своего объекта исследования.

Методы исторического познания, несмотря на свое конкретное многообразие (историко-сравнительный, генетический и пр.) выступают способами объяснения исторической реальности, рационально-описательной формой познания объекта исторической науки. Объяснение, следовательно, выступает универсально-рациональным методом исторического познания, который, пронизывая, другие методы истории в тоже время выступает их сущностной основой имеющей самостоятельное значение. Интерпретация с этой точки зрения выступает историографическим методом, охватывающим сумму объяснительных способов исследования истории.

Метод объяснения, следовательно, предполагает применительно к историческому познанию рационально-разумную трактовку объекта исследования. Объяснение истории неизбежно, следовательно, несет в себе элемент субъективно-интерпретационного начала и не только со стороны личностных, профессиональных качеств исследователя, но и его социальной принадлежности, эпохи, идеологии и пр. Поэтому историческое познание, несмотря на все претензии исследователя на объективность несет неизбежно элемент «пристрастности». Как следствие познания истории методом объяснения выступает многообразие точек зрения на историческую проблему, трудность достижения истины в познании истории.

Как показывает, опыт исследования прошлого особенно сильные деформации историческое познание испытывает, тогда, когда наука история подчиняется партийно-идеологическим интересам, как это было в СССР. Метод объяснения прошлого в советской исторической науке отсюда неизбежно несет в значительной мере элемент конъюктурности, односторонности, идеологизированного обоснования. Все это не позволяло, несмотря на несомненные заслуги науки истории в СССР быть беспристрастной, объективной. К сожалению и развитие постсоветского исторического познания,

страдало и в значительной мере продолжают страдать той же односторонностью, политизированностью, которое выражается в трактовке, объяснении истории по принципу, наоборот, в очернительно-отрицательных тонах.

Современному историческому сознанию становится все более ясным, что процесс познания в гуманитарных науках, истории имеет значительные особенности по сравнению с естественнонаучным познанием. Весомый вклад в теоретическую разработку этих различий внесли западные исследователи В. Дильтей, неокантианцы во второй половине XIX в., которые отнесли историю к «науке о духе» в отличие от «наук о природе». В частности они показали, что историческое познание не может строиться по принципу подведение частного под общее, на котором строится все естественно-научное познание. Метод объяснения в науках о природе не может эффективно и плодотворно применен в сфере гуманитарных наук, исторического познания. Историческое познание не может строиться на задаче открытия законов, ибо это чрезвычайно затруднительно. История, события прошлого индивидуализирована, неповторима, в них элемент общего, одинакового не выступает характерной чертой. Задача исторического познания состоит, по мнению западных мыслителей, не в открытии законов истории, а в описании индивидуализированной физиономии исторического события, что является самоцелью и особенностью исторической науки.

Отправной точкой для познания истории и других наук о духе является согласно Дильтею «жизненный опыт». Нам надо как бы переобнаруживать нашу «историчность» или наше основное существование в истории, чтобы понимать человеческое существование, которое иначе теряется в статистических понятиях эмпирической науки. «Принцип опыта» есть по Дильтею основной герменевтический принцип для выяснения действительности гуманитарных наук в противопоставлении к естественным наукам. Конкретизируя, этот принцип В. Дильтей отмечает, что «мы объясняем природу, мы понимаем жизнь души». Естественные науки объясняют природу, гуманитарные науки, историческое познание понимает выражения жизни.

Таким образом, В. Дильтей, предлагает в историческом познании руководствоваться не методом объяснения, а другим методом - понимания. Суть последнего в историческом познании должна состоять в том, что субъект исследователь должен стремиться максимально войти в эпоху, психологию исследуемой исторической эпохи, события, процесса. Не следует познавать историческое прошлое с позиции сегодняшнего дня, его ценностей, жизненных, нравственных установок. В этом случае мы неизбежно искажаем природу познаваемого исторического объекта, ибо привносим в его оценку смысловые и жизненные установки сегодняшнего дня. Именно этим, деформирующим природу исторического объекта началом страдает метод объяснения в истории, что также выступает дополнительной причиной отказа от него в «науках о духе».

Безусловно, войти полностью в изучаемое прошлое нельзя, ибо его уже нет. О прошлом ведь историк - исследователь судит по текстам (архивным, рукописным данным, автобиографическим рукописям, газетам и пр.). Следовательно, задача состоит в том, чтобы понимать историю, изучая и исследуя тексты.

Необходимо со всей определенностью констатировать, что, в официально существующей среди исследователей историков в традиции методов исторического познания метод понимания не нашел своего места, не говоря о его практическом применении. В значительной мере такое положение объясняется слабым знакомством отечественных историков с разработками западных мыслителей в отношении метода понимания, а также некоторой абсолютизацией метода объяснения в исследовании исторической реальности.

На наш взгляд отрицательные аспекты одностороннего применения метода объяснения в период постсоветского исторического познания, развивались тогда когда в противовес прежней советской методологии истории, последняя писалась и трактовалась по принципу «наоборот». Это была полоса развития исторического познания, когда действия, процессы прошлого трактовались и оценивались главным образом с позиции сегодняшнего дня, главным образом нравственных ценностей конца XX и начала XXI века.

Сегодня, с позиции сегодняшнего дня, оценивая методологию исторического познания советского времени и после, приходится констатировать, что применение в одностороннем порядке объяснительного метода привело к крайним трактовкам исторических событий - либо сугубо положительных, либо как отрицательных. И хотя должно быть понятно, что в такой ситуации истина лежит посередине, главным все же является вопрос, а какими методами, средствами исторического познания ее можно достигнуть.

Интересные и перспективные методы исторического познания, в том числе и объяснения, разрабатываются в казахстанской исторической науке. Можно вполне определенно говорить о разных отрядах отечественных историков, которые исследуют историческую реальность прошлого Казахстана методами нормативного, системного объяснения, объяснения по аналогии, ситуативного изложения и др. В последние годы наблюдается тенденция методологического характера к обоснованию иных методов познания, при которых исследование стремится к познанию субъективных мотиваций исторического прошлого.

В. Дильтей и западные исследователи второй половины XIX начала XX в. полагали, что выход состоит в полной замене метода объяснения методом понимания. С их точки зрения историческая реальность не связана жесткой причинно-следственной как природа, а представляет собой неповторимые жизненные процессы, которые могут быть познаны только методом понимания. Однако такая трактовка роли метода понимания в учении западных ученых – историков все же страдает односторонностью. Здесь неприемлем сам подход огульного отбрасывания метода объяснения, отрицание за ним какой-либо позитивной роли в историческом познании.

Большинство современных исследователей придерживаются того мнения, что в историческом познании должны применяться как метод объяснения, так и метод понимания в определенном конкретно- историческом контексте. Метод объяснения должен преимущественно применяться при историческом познании больших общественных движений, массовых действий, например восстания, демонстрации и пр. В органической увязке с объяснением следует применять метод понимания, который эффективен исследовании действий тех или иных исторических деятелей, их оценке в истории.

Таким образом, метод понимания в историческом познании имеет свои определенные границы своего применения, ибо он малоэффективен в исследовании массовых общественных процессов, где более плодотворен в познавательном аспекте метод объяснения. Задача современного исторического познания, следовательно, состоит в признании важности метода понимания и разработке технологии его практического применения в тесной увязке с методом объяснения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Гуревич А.Я. Историческая наука и мифотворчество. – М.: Наука, 1995. – 105 с.
- 2 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 34 т. – М.: Наука, 1972. – Т. 4. – 460 с.
- 3 Ирмуханов Б.Б. История Казахстана: Опыт теоретико-методологического исследования. – Алматы: Наш мир, 2004. – 448 с.
- 4 Назарбаев Н.А. В потоке истории. – Алматы: Атамұра, 1999. – 296 с.
- 5 Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. – СПб., 1914. – 461 с.
- 6 Петрушевский Д.М., Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – Санкт-Петербург, 1911. – 302 с.
- 7 Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. – Казань, 1921. – 563 с.
- 8 Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. – М.: Территория будущего, 2006. – 622 с.
- 9 Историческая наука и некоторые проблемы современности. – М.: Наука, 1966. – 231 с.
- 10 Данилов А.И. Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков. Методологические и исторические вопросы исторической науки. – Томск: Мысль, 1969. – 211 с.
- 11 Дьяков В.А. Методология истории в прошлом и настоящем. – М.: Мысль, 1974. – 71 с.
- 12 Барг М.А. Категории и методы исторической науки. – М.: Наука, 1984. – 340 с.
- 13 Антипов Г.А. Историческое прошлое и пути его познания. – Новосибирск: НГУ, 1987. – 443 с.
- 14 Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. – М.: Наука, 1982. – 413 с.
- 15 Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. – Прага: Академия, 1975. – 123 с.
- 16 Брандт М.Ю., Ляшенко Л.М. Введение в историю. – М.: Наука, 1994. – 134 с.
- 17 Жуков Е.М. Очерки методологии истории. – М.: Наука, 1980. – 245 с.
- 18 Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования (Процесс развития и проблемы его научного воспроизведения). – М.: Политиздат, 1961. – 181 с.
- 19 Добрянов В.С. Методологические проблемы теоретического исторического познания. – М.: Политиздат, 1968. – 232 с.
- 20 Французова Н.П. Исторический метод в научном познании. – М.: Наука, 1972. – 422 с.
- 21 Уваров А.И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. – Калинин: Мысль, 1973. – 354 с.
- 22 Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. – М.: Наука, 1989. – 186 с.

- 23 Ракитов А.И. Историческое познание. – М.: Наука, 1982. – 129 с.
- 24 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. – М.: Мысль, 1991. – 327 с.
- 25 Кантор К.М. История против прогресса (опыт культурно-исторической генетики). – М.: Наука, 1992. – 231 с.
- 26 Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – 367 с.
- 27 Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. – М.: Наука, 1995. – 234 с.
- 28 Прядин В.С. Историческая наука в условиях обновления; философские основы, принципы познания, методы исследования (историографический анализ). – Екатеринбург: ЕГУ, 1995. – 43 с.
- 29 Назарбаев Н.А. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства. – Алматы: Атамұра, 1992. – 132 с.
- 30 Берденова К.А. Евразийство в экономической и этнополитической истории Казахстана: – Алматы: Экономика, 1997. – 244 с.
- 31 Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избранные труды). – Алматы: Ғылым, 2006. – 272 с.
- 32 Досова Б.А. Синергетика как подход в историческом познании: историографический подход: автореф. дисс. канд. ист. наук: 00.07.09. – Караганда: КарГУ, 2005. – 30 с.
- 33 Абусейтова М.Х. Казахстан и Центральная Азия в XV-XVII вв.: история, политика, дипломатия. – Алматы: Дайк-Пресс, 1998. – 123 с.
- 34 Есмагамбетов К.Л. Что писали о нас на Западе. – Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. – 85 с.
- 35 Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 324 с.
- 36 Койгельдиев М. Отан тарихының методологиялық мәселелері // Отан тарихы. – 2003. – № 1. – С. 9-13.
- 37 Омарбеков Т., Омарбеков Ш. Қазақ тарихына және тарихнамасына ұлттық көзқарас. – Алматы: Қазақ университеті, 2004. – 388 б.
- 38 Юдин В.П. Чингиз-наме. – Алматы: Қазақ университеті, 1994. – 312 с.
- 39 Оразбаева А.И. Цивилизация кочевников евразийских степей. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 308 с.
- 40 Атабаев Қ. Мерзімді басылым – XIX ғасырдың аяғы мен XX ғасырдың басындағы Қазақстан тарихының дерегі ретінде. – Алматы: Қазақ университеті, 1998. – 192 б.
- 41 Репина А.И. Новая историческая наука и социальная история. – М.: Дрофа, 1998. – 225 с.
- 42 Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время (в поисках утраченного). – М.: Наука, 1997. – 216 с.

- 43 Дильтей В. Введение в науки о духе: Опыт полагания основ изучения общества и истории. Собр. соч.: в 6 т.: – М.: Наука, 2000. – Т. 3. – С. 324-326.
- 44 Дрей У. Законы и объяснения в истории. – М.: Наука, 1997. – 320 с.
- 45 Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм. – М.: ИНИОН, 1994. – 350 с.
- 46 Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Мысль, 1995. – 312 с.
- 47 Вебер М. Избранные произведения. – М.: Мысль, 1990. – 456 с.
- 48 Дройзен И.Г. Основы исторической науки. – М.: Наука, 1977. – 342 с.
- 49 Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человеческого рода. – М.: Наука, 1985. – 301 с.
- 50 Карр Э. История и факты. // Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории. – М.: Прогресс, 1969. – Ч. 1-2. – С. 391.
- 51 Фишер Д. История новой философии (1897-1909 гг.) в 9 т.: – М.: Прогресс, 1994. – Т. 1. – С. 241.
- 52 Дэвис Н. История Европы / пер. с англ. Т.Б. Минской. – М.: АСТ/Транзиткнига, 2004. – 944 с.
- 53 Блок М. Апология история или Ремесло историка. – М.: Наука, 1973. – 230 с.
- 54 Поршнева Б.В. О начале человеческой истории (Проблема палеопсихологии). – М.: Наука, 1974. – 132 с.
- 55 Гуревич А.Я. Территория историка // Одиссей. Человек в истории. – М.: Сода, 1996. – 302 с.
- 56 Гефтер М.Я. Историческая наука и некоторые проблемы современности. – М.: Прогресс, 1996. – 245 с.
- 57 Коломийцев В.Ф. Методология истории (От источника к исследованию). – М.: РОСПЭН, 2001. – 191 с.
- 58 Егоров В.К. История в нашей жизни. – М.: Наука, 1990. – 168 с.
- 59 Февр Л. Бои за историю / пер. А.А. Бобычева и др. – М.: Наука, 1991. – 291 с.
- 60 Фрей Г. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. – М.: МГУ, 2001. – 278 с.
- 61 Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. — М.: Наука, 1980. – 488 с.
- 62 Карсавин Л.П. Введение в историю (Теория истории). – Петербург, Госиздат, 1920. – 120 с.
- 63 Никитин Е.П. Объяснение – функция науки. – М.: Наука, 1970. – 132 с.
- 64 Люббе Т. Что значит: «Этому можно дать только историческое объяснение?» // THESIS. – 1994. – № 4. – С. 68-89.
- 65 Милль Д.С. Система логики. – М.: Госиздат, 1932. – 342 с.
- 66 Гемпель К. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // Философия и методология истории. – М.: Наука, 1977. – С. 72-94.
- 67 Поппер К. Историческое объяснение // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. – М.: РОСПЭН, 2000. – 332 с.

- 68 Данто А. Аналитическая философия истории. – М.: Идея–Пресс, 2002. – 212 с.
- 69 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 37 т. – М.: Наука, 1972. – Т. 7. – С. 345.
- 70 Кнабе Г.С. Знак. Истина. Круг. – М.: Наука, 1995. – 277 с.
- 71 Полибий. Всеобщая история / пер. с греч. комм. Мищенко Ф.Г.; вступ. ст. Короленкова А.В. – М.: Олма–Пресс Инвест, 2004. – 453 с.
- 72 Володохин Д.И., Елисеев В., Каманина А. Империя фольк-истори // Книга и время. – 1998. – № 8. – С. 57-65.
- 73 Елисеева Г., Станкова И. Под знаменем фольк-истори // Читающая Россия. – 1998. – № 2. – С. 161-176.
- 74 Бушков А.А. Россия, которой не было. – М.: ОЛМА–ПРЕСС, 1993. – 680 с.
- 75 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 37 т. – М.: Наука, 1972. – Т. 3. – С. 316.
- 76 Тош Дж. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка / пер. с англ. – М.: Весь мир, 2000. – 295 с.
- 77 Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М.: Наука, 1988. – 475 с.
- 78 Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 56 т. – М.: Наука, 1978. – Т. 42. – С. 462-463.
- 79 Александров Г.О. О некоторых задачах общественных наук в современных условиях //Большевик. – 1945. - № 14. – С. 24 -34.
- 80 Сталин И.В. Сочинения в 6 т. – М.: Политиздат, 1953. – Т. 1. – С. 328.
- 81 Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения в 37 т. – М.: Наука, 1972. – Т. 21. – С. 306-307.
- 82 Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 56 т. – М.: Наука, 1972. – Т. 1. – С. 345.
- 83 Каутский К. Материалистическое понимание истории. – М.: Госиздат, 1931. – 345 с.
- 84 Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методические проблемы исторического познания. – М.: Высшая школа, 1985. – 458 с.
- 85 Сорокин П.А. Историческая необходимость // Социологические исследования. – 1989. – № 6. – С. 136-142.
- 86 Виппер Р. Очерки теории исторического познания. – М., 1911. – 314 с.
- 87 Конкрад Н.И. Запад и Восток. – М.: Мысль, 1972. – 455 с.
- 88 Кант И. Сочинения (на немецком и русском языках) в 8 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 1. – С. 582.
- 89 Гегель Г.Ф. Философия истории. – М.: РОСПЭН, 2000. – 134 с.
- 90 Сен-Симон. Избранные сочинения в 2 т. – М.: Изд-во Академия наук СССР, 1948. – Т. 2. – С. 860.
- 91 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 37 т. – М.: Наука, 1972. – Т. 37. – С. 370.
- 92 Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения в 37 т. – М.: Наука, 1972. – Т. 13. – С. 397.
- 93 Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 56 т. – М.: Наука, 1972. – Т. 4. – С. 356.

- 94 Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 56 т. – М.: Наука, 1972. – Т. 30. – С.447.
- 95 Риккерт Г. Философия истории. – Киев: Ника–Центр, 1998. – 512 с.
- 96 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 37 т. – М.: Наука, 1972. – Т. 33. – С. 456.
- 97 Арон Р. Этапы развития социологической мысли. – М.: Прогресс, 1992. – 608 с.
- 98 Петров Ю.В. Практика и историческая наука. – Томск: Водолей, 1981. – 134 с.
- 99 Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992. – 383 с.
- 100 Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингис-хана. – Алматы: Ғылым, 2001. – 258с.
- 101 Байпаков К.М. Приджунгарье: Древние города // История Казахстана в школе и вузах. – 2003. – № 1. – С. 46-53.
- 102 Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII-XVIII вв. / отв. ред. К.А. Пищулина. – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 238 с.
- 103 Вяткин М. Батыр Срым. – Алматы: Санат, 1998. – 344 с.
- 104 Казахские правители: 1521-1538 гг. – Алматы: Аруна, 2002. – 11 с.
- 105 Казахские ханы. – Алматы: Аруна, 2001. – 11 с.
- 106 Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств XVIII – XIX вв.: Личность во взаимодействии с номадным обществом и сопредельными странами. – Алматы: Жети жаргы, 2001. – 254 с.
- 107 Кенесарин А. Султан Кенесары и Сыздык: Биограф. очерки. – Алма-Ата: Жалын, 1992. – 144 с.
- 108 Кул-Мухаммед М. Султан Бейбарс // Казахстанская правда. – 2004. – 28 мая.
- 109 Кул-Мухаммед М. Жакып Акпаев. Патриот. Политик. Правовед: Политико-правовые взгляды Ж. Акпаева. – Алматы: АтамСра, 1995. – 240 с.
- 110 Рязанов А.Ф. Кенесары: исторический очерк. – Алматы: Айкап, 1993. – 32 с.
- 111 Абиль Е. Этногенез казахов. Опыт системного подхода. – Кустанай: изд-во «Печатный двор», 1997. – 124 с.
- 112 Кшибеков Д.К. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. – Алматы: Ғылым, 2000. – 235 с.
- 113 Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.А., Баратова Г.С. История Казахстана: народы и культуры. – Алматы: Наука, 2000. – 435 с.
- 114 Волобуев П.В. История: сегодня и завтра // Отечественная история. – 1997. – № 6. – С. 122-129.
- 115 Бласс Ф. Герменевтика и критика. – Одесса: Иностранная литература, 1991. – 143 с.
- 116 Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. – М.: Мысль, 1977. – 268 с.

- 117 Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / пер. Е.В. Борисова. – Томск: Водолей, 1998. – 190 с.
- 118 Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук / Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 213 с.
- 119 Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 180 с.
- 120 Гадамер Х.Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – 700 с.
- 121 Ранке Л. Собрание трудов в 7 т. – М.: Наука, 1969. – Т. 3. – 578 с.
- 122 Паскаль Б. Мысли. Малые сочинения. Письма. – М.: АСТ, 2003. – 586 с.
- 123 Монтень М. Опыты. В 4 кн. – М.: Фолио, 2002. – Кн. II. – 326 с.
- 124 Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
- 125 Сапронов М.В. Синергетический подход в исторических исследованиях: новые возможности и трудности применения // Общественные науки и современность. – 2002. – № 4. – С. 55-65.
- 126 Барг М.А. О двух уровнях марксистской теории исторического познания // Вопросы философии. – 1983. – № 8. – С. 107-114.
- 127 Барг М.А. Понятие всемирно-историческое как познавательный принцип исторической науки. – М.: Наука, 1973. – 223 с.
- 128 Барг М.А., Авдиева К.Д. От Макиавелли до Юма: становление историзма. – М.: ИВИ, 1998. – 306 с.
- 129 Берденова К.А. и др. Экономическая история Казахстана. – Алматы. Экономика, 2000. – 256 с.
- 130 Быковский С.Н. Методика исторического исследования. – Л.: Госиздат, 1931. – 367 с.
- 131 Бурова Е.Е., Карабаева А.Т., Кириллова Г.Р. Введение в философию и методологию науки. – Алматы: РИК, 1999. – 442 с.
- 132 Вайнштейн О.Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX веках. – Л.: Лениздат, 1979. – 256 с.
- 133 Гуревич А.Я. Об исторической закономерности / Философские проблемы исторической науки. – М.: Наука, 1969. – 163 с.
- 134 Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. – 1991. – № 2. – С. 21-37.
- 135 Гречко П.К. Концептуальные модели истории. Пособия для студентов. – М.: Логос, – 1995. – 156 с.
- 136 Гамаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность (ОНС). – 1994. – № 2. – С. 56-65.
- 137 Гурьева И.Ю. Проблемы исторической реальности в творчестве Вильгельма Дильтея // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – Вып. 2. – С. 113-128.
- 138 Дильтей В. Категории жизни // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 67-76.

- 139 Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. – 1988. – № 4. – С. 78-95.
- 140 Иванов В.В. К вопросу о традициях марксистской критики неокантианской методологии исторического познания (о значении критики Г.В. Плехановым концепции идиографизма) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. – Вып. 18. – С. 32-40.
- 141 Мауль В.Я. Основы исторических знаний. Пособие для студентов. – М.: РОСПЭН, 2006. – 234 с.
- 142 Мининков Н.А. Методология истории. – Ростов-на-Дону: Владос, – 2004. – 156 с.
- 143 Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю., Гульбин Г.К. Американская буржуазная «психоистория». – Томск: Водолей, 1986. – 345 с.
- 144 Могильницкий Б.Г. Историческая альтернативность: методологический аспект // Новая и новейшая история. – 1990. – № 3. – С. 87-95.
- 145 Медушевская О., Румянцева М. Методология истории. М.: Логос, – 1997. – 345 с.
- 146 Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история (Проблемы теории исторического процесса). – М.: Наука, 1981. – 543 с.
- 147 Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах.// Новая и новейшая история. –1995. – № 1. – С. 23-34.
- 148 Коршунов А.М., Мандатов В.В. Диалектика социального познания. – М.: Наука, 1988. – 134 с.
- 149 Назарбаева Д.Н. Содружество Евразия. – М.: МГУ, 2000. – 42 с.
- 150 Рикер П. Повествовательная идентичность. / Рикер П. Герменевтика, этика, политика. – М.: Наука, 1995. – 271 с.
- 151 Репина Л.П. “Новая историческая наука” и социальная история. – М.: Фолио, 1998. – 231 с.
- 152 Румянцева М.Ф. Теория и истории. – М.: РОСПЭН, 2002. – 278 с.
- 153 Садов В.И. Историзм и современная буржуазная историография. – М.: Высшая школа, 1977. – 245 с.
- 154 Сахаров А.М. Методология истории и историография. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
- 155 Сидорцов В.Н. Методологические проблемы истории. – Минск: Тетра Системс, 2006. – 352 с.
- 156 Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. – М.: Логос, 2002. – 289 с.
- 157 Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. В 2 т. / пер. с нем. И.И. Маханькова. – М.: Айрис-Пресс, 2003.– Т. 1. – С. 328-567.
- 158 Штофф В.А. Введение в методологию научного познания. – Л.: Лениздат, 1972. – 345 с.
- 159 Хвостова К.В., Финн В.К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. – М.: Наука, 1997. – 421 с.